

РАЗСУЖДЕНІЯМИ

И

ЧУВСТВАМИ

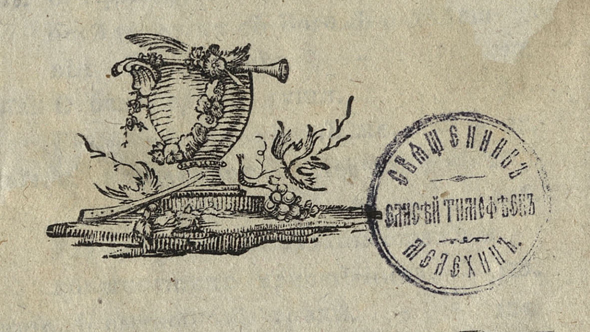
ВОЗНЕСЕННАЯ ДУША

КЪ

БОГУ.

Переведено съ Французскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОСКВА

Въ Губернской Типографіи у А. Рѣшетникова.

1800.

Съ дозволенія Московской Ценсуры.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Содержащихся въ первой части предметовъ.

РАЗСУЖДЕНІЯМИ И ЧУВСТВАМИ вознесенная душа КЪ БОГУ.

ЧАСТЬ ПЕРЬВАЯ.

ЧТЕНІЕ ПЕРЬВОЕ.

О служеніи Богу.

Весьма основательное и весьма утѣшительное для насъ разсужденіе, помышлять, что служа Богу, служимъ мы въ то самое время наивеличайшему и наилучшему Господину. Какая для насъ обязанность служить Ему съ ненарушимою вѣрностію и со Святою радостію!

Мы видимъ господъ въ мірѣ, великихъ и щастливыхъ въ вѣкѣ семъ, симъ разнымъ Господамъ служатъ, и то вмѣняютъ себѣ въ благополучіе. Служеніе ихъ имѣетъ по наружности нѣчто великое и пышное: блескъ окружающій ихъ пора-

жаетъ и ослѣпить можетъ, но во внутренности, что такое они суть сами? Сіи великіе составляютъ ли лично свою великость? Сіи богатые, что будутъ безъ ихъ сокровищь и ихъ изобилія? Самыя великія земли, которыхъ ничего больше въ мірѣ не находится, сколь обязаны они окружающей ихъ пышности? И часто, сквозь мнимую ихъ великость, усматривается множество настоящихъ слабостей. Въ мірѣ семъ Единъ только есть истинно великій Господинъ, Единъ достойный самъ по себѣ таковымъ быть, Единъ могущій нести и поддерживать сіе великое имя. Всѣ прочіе слабы, недостаточны, несовершенны: они часто сами имѣютъ господъ; и естьли ихъ на земли не имѣютъ, то принуждены признавать таковато въ небѣ, который надъ ними Царствуетъ, ихъ покоряетъ и ими управляетъ.

И такъ, вотъ тотъ верьховный Господинъ, которому имѣемъ мы славу и обязанность посвятить наши служенія; для того единственно произвелъ Онъ насъ на свѣтъ, и въ самую ту минуту какъ Онъ насъ сотворилъ, начерталъ Онъ во внутренности нашего бытія, и напечаталъ въ сущности нашей души сіи великія слова: *Господу Богу твоему поклонишися и*

тому единому послужиши. (а) Такимъ образомъ съ самой перьвой минуты нашей жизни, Богъ яко бы запечатлѣлъ насъ своею печатію и посвятилъ на Его славу. Сія неминуемая обязанность возрастала въ насъ съ нашими лѣтами, она столь намъ свойственна какъ наше бытіе, столь съ нами связана какъ наша жизнь, и столь стара какъ наше начало.

Сверьхъ сей нужной обязанности, съ которою мы на свѣтъ родимся, есть еще другая добровольная воспріемлемая нами самими въ минуту нашего крещенія, чрезъ Священные обѣты дѣлаемые нами въ сей блаженный день устами посторонними, и подтвержденные потомъ нами не принужденнымъ согласіемъ. Съ сего времени становимся мы Божіими, и Богъ можетъ намъ особливѣе нежели когда либо сказать: *вы мои.* Съ сего времени одолжаемся мы только поддерживать права, выполнять обязанности, почитать достоинство слуги Божіего. Званіе славное, посвящающее насъ на всегда Вышнему Существу; званіе почтенное, превозносящее насъ выше міра и насъ самихъ; званіе господствующее и долженствующее нами принято быть душею всѣхъ нашихъ мыслей, побудитель-

(а) Матѳ. гл. 4.

ною причиною всѣхъ нашихъ дѣяній, правиломъ всѣхъ нашихъ поведеній; слѣдовательно такое званіе, которое, естьли мы знаемъ всю его цѣну, должны мы имѣть всегда предъ нашими очами, всегда въ нашемъ разумѣ, всегда начертанное на нашемъ сердцѣ; мы должны предпочитать его всѣмъ прочимъ, воспоминать о немъ во всѣхъ прочихъ, и жертвовать ему, естьли надобность потребуетъ, всѣми прочими.

Таковы были чувства Пророка Іоны. Онъ входитъ въ корабль для отплытія въ Тарсъ; и какъ онъ былъ неизвѣстенъ, то корабельщикъ вопрошаетъ его, кто ты таковъ? Какого званія? Откуда пришелъ? Куда идешъ? Я слуга Божій, отвѣтствуетъ Іона, званіе мое Его почитать и Ему служить. Удивительныя слова! Іонѣ сдѣлано четыре вопроса, а онъ даетъ одинъ только отвѣтъ, и симъ отвѣтомъ уповаетъ онъ, всѣ оные удовлетворить: я слуга Божій, я боюсь Господа; яко бы онъ сказалъ: все мое ремесло, всѣ мои званія и всѣ мои чины состоятъ только въ одномъ томъ: *я боюсь Господа.* Чувства благородныя! Сколь онѣ приличны Христіянину знающему необходимую свою надобность служить Богу, и великость славы находимую имъ въ Его служеніи! Служитель Божій, вотъ мое имя, мое про-

званіе, мои чины, моя надежда; больше сего я въ мірѣ ничего не значу: пусть другіе воспрінмутъ великолѣпныя названія и пышные чины. Между людьми одни будутъ называться великими, богатыми, могущими. Между Государями получатъ другіе наимянованіе нроевъ, завоевателей, побѣдителей, я имъ въ томъ отнюдь не позавидую; я заключаю всѣ мои чины только въ томъ, чтобъ быть слугою Божіимъ. Иные въ видахъ и предпріятіяхъ своихъ надѣются пріобрѣсти себѣ возвышеніе, похвалы, великость, богатство, а моя вся слава состоитъ служить Богу, все мое честолюбіе служить Ему хорошо.

Такова есть великость души, до которой служеніе Богу насъ возноситъ, и таково благородство чувствъ внушаемое намъ онымъ во всякомъ званіи. Въ какомъ бы состояніи кто ни жилъ, можетъ говорить самое то же и возвыситься до сихъ чувствъ. Всякій, хотя бы въ самомъ низкомъ званіи и состояніи находился, можетъ достигнуть до сей славы, и освятить должность своей зависимости вознеся ее зависимостію своею къ Богу: служеніе Ему святотворитъ все, возвышаетъ все и освящаетъ все.

Христіянинъ можетъ служить земнымъ господамъ, его состояніе обязы-

ваетъ его къ тому; но имѣя Бога въ виду, онъ въ томъ подкрѣпляется. Отецъ семейства употребитъ для своихъ чадъ прилѣжность, попеченіе, неусыпное смотрѣніе; но будучи поставленъ надъ всѣми, вспомнитъ онъ, что онъ занимаетъ Божіе мѣсто, пріиметъ достойныя того чувства и будетъ поддерживать права онаго. Сынъ повинуется своему родителю; но въ немъ признаетъ онъ лице Небеснаго Отца, и вспоминаетъ, что перьвый его родитель есть Богъ. Жена подчинена мужу; но въ семъ мужѣ воздаетъ она почтеніе Небесному жениху своей души. Слуга покоренъ своему господину; но въ семъ видимомъ земномъ господинѣ почитаетъ онъ невидимаго Господина, которому онъ служитъ: и таковая мысль облегчаетъ ему всѣ трудности его состоянія и представляетъ ему награжденіе. Подданный служитъ своему Государю, его должность обязываетъ его къ тому, онъ служитъ человѣкамъ на земли; но онъ притомъ знаетъ, что онъ долженъ и можетъ нѣкогда Царствовать въ Небѣ съ самимъ Царемъ Царей. Какія чувства! Какое утѣшеніе! Какая слава!

Ахъ! Естьли бы служа Богу, хорошо познали, какому то Господину служатъ! Какъ бы Ему служили? Какою бы славою

почитали Ему служить? Досталоли бы языку выраженій, сердцу чувствъ, жизни продолженія для посвященія Ему? Съ какими стараніями, съ какою вѣрностію, съ какимъ усердіемъ, съ какою горячностію посвящали бы Ему свои служенія? Какое безпрестанное попеченіе употребляли бы познавать Святую Его волю? Съ какою ненарущимою вѣрностію исполняли бы оную въ самую ту минуту, какъ ее узнали? Съ какою бы ревностію наблюдали все касающееся до Его славы? Съ какою поспѣшностію предупреждали бы даже самыя Его желанія? Съ какимъ жаромъ и бодростію превозмогали бы всѣ затрудненія и препятствія дѣлать Ему всѣ пожертвованія? Такъ ли мы Господу служили? Вмѣсто сего старанія, сей вѣрности, сего усердія, сей поспѣшности, сей горячности, сихъ великодушныхъ чувствъ, что мы иное, кромѣ безпечности, непостоянства, лѣности, нерадѣнія и малодушія часто оказывали? Не постыдно ли для насъ таковое Ему служеніе?

О Боже мой! какой ты доброй Господинъ, и какихъ худыхъ слугъ имѣешь!

Великіе люди желаютъ, что бы служили имъ великіе же люди, а Богъ хочетъ чтобъ Ему служили святые? И такъ можемъ

ли мы назваться Его служителями? Слабыя души! или престанемъ мы имяновать себя оными, или воспріимемъ чувства Святыхъ: устыдимся покрайнѣй мѣрѣ нашего поведенія и поправимъ оное воздаяніемъ Богу достойнѣйшимъ Богопочитанія.

Ты имѣешь, о Боже мой! вѣрныхъ и достойныхъ Тебя слугъ! Мнѣ не довлѣетъ ревновать ихъ блаженству, но я приложу стараніе подражать ихъ примѣрамъ.

Размышленіе о томъ же.

Служа Тебѣ, о Боже мой! имѣемъ мы щастіе служить наилучшему изъ всѣхъ господъ; и такъ не должно ли намъ служить Тебѣ со Святою радостію? И что можетъ больше заставить насъ служить Тебѣ съ сею Святою радостію, какъ не неизреченное изліяніе на насъ Твоея благости? Мы будемъ о немъ размышлять, Ему удивляться; до сего времени оно не входило намъ и въ голову, а впредь будетъ оно на всегда глубоко начертано на сердцахъ нашихъ.

Чувствуя теперь въ себѣ таковое желаніе повергаюсь я предъ Тобою, о Боже мой! молю о ниспосланіи мнѣ, по милости Твоей, во всю мою жизнь.

1е. Божеской благости обильно насъ ущедривающей. Богъ не щадитъ своихъ сокровищъ обогащать насъ своими дарами. Какія благодати, какія милости изливаетъ Онъ на насъ ежедневно? Какій свѣтъ къ нашему просвѣщенію! Какое милосердіе, къ трогашю нашего сердца! Какія вспомоществованія къ нашему спасенію! Есть ли въ жизни нашей хотя едина минута, которая бы не ознаменована была какимъ благодѣяніемъ? И послѣ всѣхъ Его толикихъ къ намъ благодатей, могли ли онѣ истощиться? А что всего удивительнѣе, о Боже мой! есть то, что Ты осыпаешь насъ Твоими благодѣяніями, хотя мы ихъ недостойны, хотя мы неблагодарны, хотя Ты предвидишь, что мы употребимъ ихъ во зло противъ Тебя самаго. Наша неблагодарность не сжимаетъ твою щедрую руку, и не истребляетъ чувствъ въ Твоемъ Божественномъ сердцѣ.

2е. Божеской благости терпящей грѣхи наши. Сколько мы ихъ имѣемъ? Какой неисчерпаемый источникъ лѣности, невѣрности, нерадѣній, преступленій недостатковъ! Есть ли мы Тебѣ молимся, то съ какимъ равнодушіемъ? Есть ли мы за Тобою слѣдуемъ, то съ какою медленностію? естьли мы Тебѣ служимъ, то съ какимъ уныніемъ? Ты видишь, Ты сносишь, Ты тер-

нишь, Ты ожидаешь. Міръ, во младости нашей, удерживаетъ насъ въ своей службѣ, и приглашаетъ насъ къ своимъ увеселеніямъ; но потомъ какъ придетъ наша старость, принуждаетъ онъ насъ его оставить, и кажется насъ уже не знаетъ. А ты, о Боже мой! Ты всегда благъ, Ты никогда насъ не оставляешь, развѣ мы сами Тебя къ тому принудимъ. Ты насъ столько же любишь при концѣ нашего теченія, какъ и при началѣ онаго; въ старости равно какъ и въ юности. когда придетъ послѣдній часъ нашей жизни, то примешь Ты еще съ утѣшеніемъ послѣднія наши издыханія. О Боже мой! Какъ могутъ виновные, покрайнѣй мѣрѣ, безполезные Твои слуги быть Тебѣ еще дороги, и меньше ли бы Ты безъ нихъ блаженъ былъ?

3[е] Божеской благости прощающей грѣхи наши. Здѣсь-то наипаче видна сія благость. Прочіе господа могутъ быть снисходительны до нѣкоторой степени, прощать первыя и вторыя преступленія, но простятъ ли они часто повторяемыя? Не скучатся ли они быть худо услуженными? Скоро они вознегодуютъ и разгнѣваются. А ты, о Боже мой! безмѣрно благій и долготерпѣливый, Ты извиняешь Ты снисходишь, Ты прощаешь. Колико и

доколѣ? Всякій разъ какъ мы обращаемся. Изъ всѣхъ сокровищъ Божественныхъ благостей можетъ быть нѣтъ ничего столь удивленія достойнаго?

Поведеніе наше преисполнено паденій и паки паденій, непостоянства и перемѣны. Богъ никогда не премѣняется. Послѣ толикихъ измѣнъ нашимъ обѣщаніямъ, нашимъ намѣреніямъ, мы снова обѣщаемъ, и Богъ насъ еще внемлетъ. Въ нашихъ исповѣдяхъ, въ нашихъ обвиненіяхъ предъ Священнымъ судилищемъ, какого осужденія мы достойны? Почти всегда тѣ же грѣхи, тѣ же не вѣрности, тѣ же преступленіи; а въ Богѣ всегда тоже милосердіе, та же благость. Хотя бы мы тысячу разъ пали, тысячу разъ приметъ Онъ насъ съ любовію, есть ли мы только искренно обратимся; и вмѣсто Его гнѣва и выговоровъ, не иное что, какъ сіе утѣшительное слово услышимъ: *иди въ мирѣ* (а). О Боже мой! чѣмъ больше благость Твоя мнѣ является, тѣмъ больше сожалѣнія мои увеличиваются; упреки, которыхъ отеческое Твое сердце возбраняетъ Тебѣ мнѣ сдѣлать, дѣлаю я ихъ себѣ самъ; душа моя измѣритъ свою прискорбность чрезвычайною великостію Твоею къ ней благости.

(а) Марк. 5.

4е Ежели возвратясь къ Богу, мы что ни будь для него сдѣлаемъ, то съ каковою же благостію Онъ то награждаетъ? И такъ попросимъ еще съ восхищеніемъ: Божеской благости награждающей труды наши! Въ служеніи міру изтощаются, изнуряютъ свои силы, жертвуютъ собою. Но что же изъ того по большей части выходитъ? Коликимъ людямъ въ ихъ печаляхъ и ихъ слезахъ можно сказать, подобно какъ тѣмъ нещастнымъ, о которыхъ говоритъ Святый Духъ: *вы много трудились и мало пріобрѣли*. Въ служеніи міру сколько вещей остаются неизвѣстными? Изъ числа извѣстныхъ, сколько неугодныхъ? Изъ числа угодныхъ, сколько ненагражденныхъ, или по ихъ достоинству недовольно награжденныхъ? А въ служеніи Тебѣ, о Боже мой! со всѣмъ не такъ: все извѣстно, все угодно, все награжденно, ни что не сокрывается отъ очей Твоихъ, ни что не минуетъ сердца Твоего. Не однѣ токмо великія дѣянія, дѣянія ироическія увѣнчиваются; наималѣйшія вещи, наилегчайшія пожертвованія, но что я говорю? Чаша воды, поданная во имя Твое, получитъ свое награжденіе, и на всю еще вѣчность.

О Боже мой! Тебя не знаютъ, а наипаче въ разсужденіи Твоея благости! О

прочихъ Твоихъ совершенствахъ имѣютъ нѣкоторое понятіе, о Твоемъ могуществѣ, о Твоей премудрости, о Твоемъ правосудій; но благость Твоя неизвѣстна. Ты былъ, и благъ во всѣ времена; таковый былъ Ты съ самаго начала, и будешъ во вѣки вѣковъ; благъ ко всѣмъ, Ты дождишь и возводишь солнце на праведнаго и неправеднаго.

Такъ, Богъ благъ, и въ Его благости наипаче Онъ непостижимъ, болѣе еще нежели во всѣхъ таинствахъ. Подумаемъ о всемъ томъ, что Онъ для людей сдѣлалъ: Богу сойти съ Неба на землю, облещись въ ихъ мертвенность, обремѣнить себя ихъ бѣдностію, кончить теченіе свое на крестѣ; и не удовольствуясь тѣмъ, что бы единожды принести Себя за нихъ въ жертву на крестѣ, вседневно возобновляетъ еще свое жертвоприношеніе на олтаряхъ. Видя таковыя великія таинства, мы удивляемся; и сіи самыя наши удивленія благости Божіей значатъ то, что мы Его не знаемъ: ибо, для разумѣнія всѣхъ сихъ вещей довольно бы было сказать, что Богъ есть благъ; и одно сіе слово выразило бы все. Мы измѣряемъ благость Божію, нашими слабыми понятіями; мы мыслимъ человѣчески, а онъ дѣйствуетъ

Божески. Богъ есть благъ, однимъ симъ словомъ все объясняется; но сего недовольно сказать, Онъ есть вся благость, весь благость, самая благость.

Вотъ каковый, и больше еще, тотъ Господинъ которому мы служимъ. Какое для меня щастіе быть въ службѣ столь благаго, столь нѣжнаго, столь сострадательнаго, столь щедраго, столь великодушнаго, столь совершеннаго Господина? Какое для меня щастіе, и какія должны быть мои чувства? Съ какимъ удовольствіемъ, съ какимъ утѣшеніемъ, съ какою радостію надлежитъ мнѣ ему служить, уважать мой жребій, и тысячекратно благословлять Небо за мою участь? Всѣ мысли моего разума, всѣ движеніи моего сердца, всѣ минуты моей жизни не должны ли безпрестанно употреблены быть на Его службу, и на чувствованія моего щастія.

Но, увы! такъ ли мы Тебѣ служимъ, о Боже мой! Съ такими ли желаніями, съ такою ли ревностію, съ такою ли радостію Тебѣ служатъ; но какъ? Съ безпечностію, съ лѣностію, съ равнодушіемъ; такимъ ли образомъ тебѣ служить должно? Тебѣ служатъ съ печалію, съ уныніемъ, со скукою; бремя Твое несутъ не охотно, съ ропщаніемъ; похоже ли сіе на служеніе Богу? Тебѣ служатъ, но съ рабскимъ страхомъ, бояз-

нію и трепетомъ; такая ли надлежитъ Тебѣ служба, или лучше, не обезславливаютъ ли Тебя ею? Оставимъ сей духъ ужаса и смущенія, воспріимемъ мысли достойнѣйшія Бога и Его благости. Станемъ бояться, но дѣтскою боязнію, разпускающею сердце, а не рабскимъ страхомъ угнѣтающимъ чувства.

Станемъ служить Господу, о душе моя! но служить съ радостію. Сія Святая радость да будетъ видима во всемъ: да изобразится она на лицѣ, да является она во всемъ поведеніи. Есть ли случится принести жертву, принесемъ ее съ великодушіемъ; есть ли случится претерпѣть какое несщастіе, претерпимъ его безроптанія; служа таковымъ образомъ Богу, содѣлаемъ сіе служеніе себѣ любезнымъ и пріятнымъ. *Работайте Господеви въ веселіи* (а).

МОЛИТВА.

Съ сего времени впредь служить Тебѣ, о Боже мой! есть мое чувство посвящаемое Тебѣ въ сію минуту, и намѣреніе принятое мною на всю мою жизнь. Тебѣ служить, есть быть человѣкомъ, быть всемъ человѣкомъ. Кромѣ сего что находится въ мірѣ проч-

(а) Псал. 99.

наго? Тебѣ служить, Тебѣ изъ всѣхъ достойнѣйшему Господину, искреннѣйшему другу, нѣжнѣйшему Отцу, вѣрнѣйшему жениху: Тебѣ служить; но увы! будутъ ли еще Тебѣ угодны мои служенїи, когда я уже ихъ столь долго унижалъ приношенїемъ въ угодность обманчивому мїру? Тебѣ служить, единожды обратясь къ Тебѣ, вѣрно, великодушно, постоянно; вотъ наша слава и наше щастїе, даже и въ сей жизни: въ другой же будетъ сїе залогомъ вѣчнаго блаженства. Вотъ, Боже мой! мои чувства и мои намѣренїя. Столь часто испытавъ непостоянство мое въ служенїи Тебѣ, я трепещу о будущемъ. Помилуй, утверди вѣтренность моего духа, и премѣнчивость моего сердца, и чрезъ то неразрывно привяжи меня къ Тебѣ на вѣки. Аминь.

Употребленїе въ дѣйство.

1е Часто воспоминать слова Iисуса Христа: *Никто же можетъ двѣма Господинома работати* (а) Не можете Богу работати, и мамонѣ.

2е Когда въ служенїи мїру случится какая печаль, какое огорченїе, то сказать са-

(а) Матѳ. 6.

мому себѣ, что мы такъ часто худо служили Господу.

3 е Разсуждать, что когда всѣ бездушныя твари служатъ славѣ Божіей по ихъ опредѣленію, то намъ ли употреблять во зло нашъ разсудокъ и нашу вольность, уклоняясь Его воли и Его служенія?

4 е Часто помышлять о всемъ томъ, что пріобрѣли мы отъ привязанности нашей къ міру, и о сожалѣніяхъ, которыя мы о томъ при смерти восчувствуемъ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

О мірѣ.

Міръ намъ льститъ; льстя намъ, онъ насъ обманываетъ; обманывая насъ, онъ насъ погубляетъ. Познаемъ его и престанемъ къ нему прилѣпляться.

1 е Міръ намъ льститъ, и чрезъ то онъ насъ уловляетъ и насъ соблазняетъ. Міръ льститъ страстямъ, а страсти соблазняютъ сердце столь уже склонное предаться соблазнамъ. Входы въ міръ пріятны; въ нихъ представляются только игры, увеселенія, празднества, собранія, зрѣлища; глаза ими ослѣпляются, сердце увлекается. Міръ обѣщаетъ только радости, удовольствія, услуженія. Когда молодой человѣкъ вступаетъ въ міръ, все

его увеселяетъ, все его восхищаетъ, все кажется предшествуетъ всѣмъ его желаніямъ; онъ ничего другаго предъ собою не видитъ, кромѣ пути устланнаго цвѣтами; онъ воображаетъ себѣ, что всѣ дни разсвѣтающіе для него, будутъ дни ясные и тихіе, что онъ совершитъ теченіе своей жизни наищастливѣйшимъ образомъ; все кажется ему то предвѣщаетъ.

Міръ намъ льститъ, и мы то любимъ; природная склонность къ веселію и разсѣянности препятствуетъ обращенію и разсужденію: мы занимаемся тѣмъ, что нравится и что забавляетъ; но боимся и удаляемъ все то, что можетъ обезпокоивать и смущать. Когда выдемъ мы изъ сего заблужденія, изъ сего очарованія? Превратность щастія откроетъ наши очи.

Міръ въ лестныхъ своихъ обѣщаніяхъ представляетъ намъ сладость меда, но мы должны быть въ осторожности противъ таковыхъ уловленій. Сей медъ не что иное есть какъ обманчивый ядъ, ласкающій вкусу, а потомъ раздирающій внутреннюю. *Сыне, да не прельстятъ тебе мужи нечестивіи* (а) Совѣтъ благъ, но какіе совѣты противъ примѣровъ устоять

(а) Притч. I.

могутъ? и разумъ въ силахъ ли разсуждать, когда соблазнено сердце?

2е Міръ льстя намъ, насъ обманываетъ: онъ обѣщаетъ много, а даетъ мало, и то малое не только что не можетъ отнюдь удовольствовать, но бываетъ еще часто источникомъ безпокойствъ и печалей. Въ шесть тысячь уже лѣтъ предавшіеся міру ищутъ щастія, но ни единъ еще изъ нихъ его не нашелъ. Міръ сдѣлалъ тысячи нещастныхъ, но благополучнаго ни единаго; со всѣмъ тѣмъ къ нему прилѣпляются, не выходятъ изъ своего заблужденія, и на него надѣются. Ахъ! Сколь таковые заслуживаютъ тѣ превратности и огорченія, которыя они въ немъ претерпѣваютъ!

Міръ насъ обманываетъ, да что же такое въ мірѣ находятъ, на что бы положиться было можно? Сердца нечувствительныя, родственники равнодушные, друзья непостоянные, враги скрытые, богатства гиблющія, почести суетныя, увеселенія обманчивыя; то есть, благи мечтательныя а злы вещественныя: вотъ каковъ міръ, и хотя бы міръ щедро снабжалъ своими удовольствіями и мнимыми своими услажденіями, но нечасто ли случается, что въ нихъ кромѣ безпокойствій и огор-

ченій ничего не находятЪ? Сколько разЪ пріуготовленныя веселости превращалися во дни плача? Сколько разЪ посреди пышности и зрѣлищЪ чувствуемо было отвращеніе и скука? Сколько разЪ посреди концертовЪ слышны были воздыханія? ВотЪ каковЪ мірЪ.

БракЪ соединяетЪ два сердца, сотворенныя, кажется, для содѣланія одно другаго щастливымЪ; смерть похищаетЪ одно изЪ нихЪ вЪ цвѣтущей еще юности, и заставляетЪ другое проводить жизнь свою вЪ печали и горести. Иной собралЪ богатства, достигЪ до знатныхЪ степеней почестей; превратность щастія разрушила сіе зданіе благоденствія, и погребло его владѣльца подЪ своими развалинами; вотЪ каковЪ мірЪ. Столь многіе еще другіе полагалися на него, и учинились его жертвами, будучи прежде его истуканами.

Обманчивый мірЪ, ты и теперь творишь себѣ еще обожателей, дабы ихЪ погубить и пріуготовить изЪ нихЪ новыя жертвы; ты ведешь ихЪ подобно какЪ по цвѣтущимЪ и веселымЪ лугамЪ, а подЪ ногами ихЪ изрываешь ты пропасти для поглощенія ихЪ: тысячи примѣровЪ были сему, но всѣ они не могли исправить. ТотЪ наслаждается теперь обманчивыми-

его благосклонностями, которой нѣкогда будетъ памятникомъ его непостоянства, будучи оставленъ, презрѣнъ, отверженъ, подобно корабельнымъ обломкамъ брошеннымъ на морскія берега, послѣ нещастнаго корабельнаго разбитія; печальное зрѣлище или человѣческаго паденія, или Божескаго мщенія: уже возстаетъ буря, долженствующая его поглотить въ самое то время, когда помышляетъ онъ о какомъ либо празднествѣ, или пиршествѣ.

3 е. Міръ насъ погубляетъ. Не довольно ли намъ для сего лести и обмана? Не довольно ли того, чтобы подать намъ способъ къ нашему развращенію для погубленія намъ самихъ себя.

Міръ насъ погубляетъ, потому что онъ врагъ Богу, что не можно служить въ одно время двумъ господамъ; что правила свѣта со всѣмъ противны правиламъ Евангелія; что свѣтъ возжигаетъ и воспламеняетъ всѣ страсти; что всѣ предметы и всѣ прелести, представляемыя свѣтомъ совокупно возстаютъ противъ нашего спасенія; что примѣры его заразительны, зрѣлища его соблазнительны, превратности его плачевны: все въ мірѣ опасно и бѣдственно.

Міръ насъ погубляетъ, потому что онъ зыкрываетъ завѣсою очи наши, и мы ее снять боимся; что онъ влечетъ насъ его узами, и мы ихъ прервать не можемъ, даже и тогда, когда мы подъ тягостію ихъ стонемъ; что онъ порабощаетъ насъ своей власти, хотя мы гнушаемся симъ рабствомъ; что онъ уловляетъ насъ новыми сѣтьми представляемыми намъ безпрестанно, когда думаемъ мы свергнуть съ себя его бремя. Тысячекратно жалуемся мы на міръ, мы познали его ничтожество и суету, приняли намѣреніе его оставить: что такое міръ, говорили мы сами въ себѣ въ тѣ щастливыя минуты, когда Благодать насъ касалась, когда совѣсть наша вопіяла, когда Богъ насъ призывалъ и простиралъ къ намъ Свои длани; что такое міръ? Однако же мы все еще въ немъ пребываемъ, и носимъ его узы, не имѣя довольно бодрости сдѣлать величайшее усиліе, могущее насъ освободить и возвратить Богу и намъ самимъ.

Наконецъ, міръ проходитъ, и мы съ нимъ проходимъ: дни и годы текутъ, міръ оставитъ насъ прежде нежели мы его оставимъ; мы можетъ быть вѣчно сожалѣть будемъ о такихъ безплодныхъ дѣлахъ, о толикомъ потерянномъ време-

ни, о толикихъ благодатяхъ, которыми мы не возпользовались; мы станемъ нѣкогда проклинать сей любимой нами міръ: но не поздно ли уже тогда будетъ?

Какъ бы то ни было, станемъ бояться міра, потому что онъ намъ льститъ; не будемъ имѣть къ міру довѣренности, потому что онъ насъ обманываетъ; возненавидимъ міръ, потому что онъ насъ погубляетъ. Нещасливъ тотъ, кто его не познаетъ! Нещастливѣе еще, кто ему предается! Несравненно наинещастливѣйшій, кто подвергается въ немъ умереть! Богъ нашъ Господь, а міръ не что иное, какъ похититель; Богъ нашъ Отецъ, а міръ не что иное, какъ мучитель. Возвратимся къ тому чьи мы, должно ли намъ его когда покидать? Посвятимъ ему по крайнѣй мѣрѣ не многіе наши остальные дни, они могутъ еще заслужить намъ вѣчное блаженство.

Блаженъ тотъ, кому открылъ Богъ заблаговременно очи на ничтожность и обманчивость міра, или лучше, на его сѣти и его опасности! Можетъ ли таковый довольно признателенъ быть за всю великость сего благодѣянія? Будетъ ли онъ имѣть довольно чувствъ къ обращенію? Ахъ! естьли бы онъ вѣдалъ, какія бы приключилъ онъ себѣ печали! Какимъ

бы подвергся онъ опасностямъ! Какія бы вкусилъ онъ огорченія! При часѣ смертномъ наипаче, когда надлежитъ выходить изъ сего міра, какое было бы для него утѣшеніе быть отъ онаго удалену и имѣть чувства своего сердца посвященныя Богу! Правда, что сіе стоило бы ему нѣкоторыхъ трудовъ, нѣкоторыхъ лишеній, нѣкоторыхъ пожертвованій, но не многіе годы окончатъ его труды, а вѣчность будетъ за то мздовоздаяніемъ.

Спасительные совѣты.

1е Оставимъ міръ прежде, нежели міръ насъ оставитъ: сдѣлаемъ теперь съ заслугою то, что нѣкогда принуждено будетъ сдѣлать по необходимости и ничего не заслуживая.

2е Молодые люди вступаютъ въ міръ слишкомъ рано, а старые оставляютъ его слишкомъ поздно; всѣ нѣкогда раскаются, что къ нему прилѣплены были. Молодой человѣкъ не торопись въ него вступать; Ты претерпишь отъ того чрезмѣрно много нещастій и опасностей. А ты престарѣлый, оставь его безъ замедленія, и не дожидайся того, что бы міръ самъ велѣлъ тебѣ удалиться.

3е Три рода есть людей, которые смотрятъ на міръ весьма различнымъ образомъ: грѣшникъ, мудрый и Христіянинъ: грѣшникъ почитаетъ его какъ нѣчто продолжающееся;

мудрый, какъ нѣчто проходимое; Христїянинъ, какъ нѣчто уже прошедшее. Какими же глазами взирать на него намъ? Станемъ почасту входить въ тѣ чувства, которыя мы при смерти нашей имѣть будемъ. Человѣкъ живущїй любитъ мїръ, человѣкъ умирающїй его презираетъ, человѣкъ умершїй его ненавидитъ. Всей вѣчности не достанетъ изтощить его сожалѣнїя и изсушить его слезы.

РАЗМЫШЛЕНІЕ
О прилѣпленїи къ мїру.

Какое ослѣпленіе, какое нещастіе, какое преступленіе прилѣпляться къ міру! Сіи три разсужденія довольно одуманныя, о Боже мой! сколь многихъ послѣдователей могутъ отвлечь отъ міра и отъ его очарованіи? Боже благости! помоги мнѣ ихъ проникнуть, дабы я навсегда отсталъ отъ міра, который меня отъ Тебя удаляетъ.

Статья первая.

Какое ослѣпленіе прилѣпляться къ міру! Что находятъ, что могутъ находить въ мірѣ, кромѣ пустоты, заблужденія, ничтожности? Что въ немъ для насъ привлекательнаго? Все то, что онъ

вѣ себѣ ни имѣетѣ, не должно ли насѣ отѣ него отвлечь? обѣщанія его вѣрны ли? Дружба его тверда ли? Самыя его благосклонности не опасны ли и не страшны ли намѣ? Возможно ли, что бы все то, что мы вѣ мірѣ видимѣ, дѣлаемѣ, знаемѣ, не открыло намѣ его суетности? Возможно ли, что бы примѣрѣ столь многихѣ другихѣ не показалѣ намѣ, что собственной нашѣ опытѣ не могѣ еще вывести насѣ изѣ обмана? Извѣстно всѣмѣ, что мірѣ не что иное есть, какѣ мечта; мы видимѣ, что мірѣ подаетѣ только мнимыя блага и вещественныя злы; однако же со всѣмѣ тѣмѣ, мы кѣ нему прилѣпляемся, ему предаемся и дѣлаемся его рабами. Надобно, чтобы очарованіе міра весьма велико, и облака, которыми онѣ себя окружаетѣ, весьма густы были, ибо міролюбцы испытавѣ уже столь часто его непостоянство и его превратности, разсмотрѣть его еще не могутѣ.

Безсмертная душе, для того ли ты создана, чтобы гоняться такимѣ образомѣ за симѣ привидѣніемѣ и вдаваться вѣ толикіе обманы? Доколѣ они тобою управлять будутѣ? Разсмотри всѣ блага сего міра; они обѣщаютѣ много, но что же даютѣ? Богатство говоритѣ, что оно

дѣлаетъ щастливыми, но посреди сокровищъ почитаютъ себя недостаточными. Но чести говорятъ, что они дѣлаютъ щастливыми; но когда ихъ получатъ, то увидятъ, что онѣ не что иное, какъ пустой дымъ. Увеселенiи говорятъ что они дѣлаютъ щастливыми, но увеселенiи, вмѣсто удовольствованiя превращаются часто въ скуку и огорченiе. Да какимъ же образомъ ограниченныя и гиблящiя блага мiра могутъ когда удовлетворить сердце сотворенное для Бога?

Не взирая на сiе, вотъ каково, о Боже мой! то ослѣпленiе, въ которомъ мы живемъ, и отъ котораго избавиться не можемъ. Заблужденiе, прельстившее прошедшiе вѣка, продолжается еще и нынѣ, и станетъ ослѣплять и будущiе, потому что вѣка проходятъ, а пороки существуютъ.

Наиудивительнѣйшее ослѣпленiе, закрыть себѣ *очи отъ свѣта разсудка*, закона и отъ всѣхъ свидѣтельствъ опыта и чувства.

Наижалостнѣйшее ослѣпленiе, добровольно не употреблять зрѣнiя и стремиться въ видимую пропасть.

Наипагубнѣйшее ослѣпленiе, какъ само по себѣ, такъ и по его слѣдствiямъ;

ибо одиножды ослѣпясь, до какихъ крайностей мы себя довести въ состояніи? Боже свѣта, просвѣти столь многихъ ослѣпленныхъ, стонающихъ подъ мракомъ смерти, не попусти, чтобы чада твои были чада тмы. Міръ похищаетъ ихъ у Тебя; дай имъ познать его, и они скоро выдутъ изъ заблужденія. Колико лѣтъ жилъ я въ семъ жалостномъ и плачевномъ ослѣпленіи? Безумный! Я гнался за прельщающимъ меня привидѣніемъ, и не примѣчая того, гнался я за моею гибелью и за моимъ нещастіемъ.

Статья вторая.

Какое нещастіе прилѣпляться къ міру? Есть ли надежда найти въ немъ твердое блаженство, истинное благополучіе? Гдѣ тѣ щастливцы, которыхъ бы міръ таковыми сдѣлалъ? Сколькихъ же нещастливыми на противъ того творитъ онъ ежедневно? Естьли бы ихъ гласы и ихъ жалобы могли услышаны быть, то какими бы воздыханіями и какими стенаніями наполнили они вселенную! Вмѣсто благополучія, которое льстилися они найти въ мірѣ, что другое часто испытывали оны въ немъ, кромѣ печали, безпокойствія, огорченія духа и сердца? Сколь многіе предавъ себя изнурительному служенію

міра, пожертвовали ему своими выгодами, своимъ спокойствіемъ, своею вольностію, своимъ здравіемъ, своею совѣстію? Какое награжденіе получили они за то, кромѣ неблагодарности и равнодушія? Какіе плоды сняли они съ того, кромѣ плодовъ горькости? И такъ, подите, нещастныя жертвы вашей привязанности, подите еще въ сіе волнующееся море подвергать себя опасности кораблекрушенія; подите ввергнуть себя въ сіе пагубное жилище мраковъ, дабы дышать тамъ заразительнымъ и ядовитымъ воздухомъ; подите шествовать, какъ слѣпые, по краю сихъ страшныхъ стремнинъ, дабы упасть въ ужасныя бездны: когда же вы тамъ нещастно погибнете, будетъ ли міръ чувствителенъ къ вашей погибели? Имѣетъ ли онъ чѣмъ утѣшить васъ въ вашемъ нещастіи? Вы не хотѣли воспользоваться печальнымъ примѣромъ многихъ другихъ, теперь послужите таковымъ потомству.

Сіе нещастіе увеличивается тѣмъ, что мы заслуживаемъ его сами, и на себя только пѣнять должны: нещастіе тѣмъ ужаснѣе, что оно можетъ быть учинится для насъ вѣчнымъ нещастіемъ. Вотъ каковъ міръ и вотъ каковъ обыкновенный жребій жалкихъ Его жертвъ.

Великій Боже! сколь жестоко отмщаешь Ты тѣмъ, которые Тебя оставляютъ и слѣдуютъ міру! Увы! чего Ты не сдѣлалъ для открытія имъ ихъ ослѣпленія и для избавленія ихъ отъ онаго? Какимъ озярялъ Ты ихъ свѣтомъ! Какою подкрѣплялъ Ты ихъ свыше силою! Какія производилъ Ты въ нихъ спасительныя угрызенія совѣсти! Какія подавалъ Ты имъ блаженныя минуты! Естьлибы захотѣли они внять Твоему гласу, и повиноваться впечатлѣніямъ благодати, то бы открыли они очи ихъ на опасность, и расположили сердце ихъ на обращеніе. Ихъ расскаяніе было бы полезно, ихъ слезы были бы утѣшительны; они бы еще обрѣли въ Тебѣ наилучшаго Господина, наинѣжнѣйшаго Отца: ахъ! естьлибы они знали сколь служеніе Тебѣ усладительно, сколь иго Твое утѣшительно, съ какою бы радостію понесли они Его! Напротивъ же того, продолжая предаваться міру, Они дѣлали только безплодныя раскаянія, проливали только слезы отчаянія, и отвѣдавъ нѣкоторую мнимую сладость, пали въ пучину всѣхъ нещастій.

Статья третья.

Какое преступленіе прилѣпляться къ міру; вотъ третія бездна, разверзающая-

ся подъ ногами міролюбцевъ, бездна преступленій и грѣховъ; не весьма ли уже великое преступленіе прилѣпляться тварямъ преимущественнѣе, нежели своему Творцу? Не нарушается ли чрезъ то самая первая и важнѣйшая заповѣдь? Какое преступленіе воздвигать такимъ образомъ олтарь противу олтаря въ своемъ сердцѣ?

Извѣстно, что при крещеніи торжественно отреклись мы отъ міра, и что по сему-то отреченію мы и Христіяне: то какое преступленіе не сохранять своихъ обязательствъ?

Извѣстно, что не возможно прилѣпиться къ міру безъ принятія участія въ его правилахъ, въ его примѣрахъ, въ его заразѣ; безъ нераченія о своихъ должностяхъ, безъ заглушенія гласа своей совѣсти, безъ обезславленія своего Богопочитанія: какое преступленіе сему подвергнуться!

Извѣстно, что міръ есть врагъ Божій; и такъ *не возможно прилѣпиться* къ міру, не учинясь врагомъ своему Богу; какое преступленіе навлечь на себя добровольно Его немилость!

Извѣстно наипаче, что не возможно служить двумъ господамъ, и что непремѣнно должно одному изъ нихъ служить, а другаго оставить, къ одному прилѣпить-

ся, а отъ другаго отказаться, какое же преступленіе прилѣпиться къ службѣ міра, ибо сіе нѣкоторымъ образомъ есть отреченіе отъ службы Божіей!

Что же изъ того послѣдуетъ? То, что не взирая на свои обязательства; обѣты, всѣ должности, прилѣпляются къ міру, удаляются отъ Бога, нерадятъ о спасеніи своей души, предаютъ сердце свое соблазнамъ, разумъ заблужденію, и слѣдственно чрезъ то благодать оскорбляется, совѣсть попирается, раскаянія заглушаются, должности позабываются, преступленія умножаются; вотъ та бездна, въ которую ведетъ міръ; вотъ тѣ плоды проклятія, которые произвела сія земля, будучи сама проклятою. Не должна ли она для Христіянина быть землею чуждею? И какую связь можетъ Христіянинъ преданный Богу имѣть съ міромъ непознающимъ его?

На конецъ надобно будетъ нѣкогда оставить сей превратный міръ, отторгнуться отъ его ложныхъ уловленій, отъ его обманчивыхъ прелестей; на вѣкъ проститься съ его пышностію, съ его зрѣлищами, съ его собраніями, или лучше сказать, съ его очарованіями и съ его мечтами; что же тогда останется? Что будутъ думать о себѣ, о своей жизни, о

своемъ ослѣпленіи? Какое пріобрѣтеніе выдетъ изо всего того, что были и чѣмъ наслаждались? Гдѣ будутъ тѣ надежды, которыми питались, тѣ роскоши, которыя себѣ обѣщали, та длинная перспектива лѣтъ, забавъ, увеселеній, пріятныхъ дней, которую сами себѣ представляли! Нить жизни прервется, очарованіе изчезнетъ. Міръ проходитъ со временемъ, а вѣчность открываетъ навсегда неизмѣримую свою бездну.

На то ли, великій Боже! произвелъ Ты насъ на землѣ, и съ сими чувствами, съ которыми мы нѣкогда долженствуемъ предстать предъ Тобою.

МОЛИТВА.

Къ Тебѣ Единому желаю я отъ нынѣ привერженъ быть, о Боже мой! Міръ не стоитъ ни моего сердца, ни моего почитанія; къ нему прилѣпляются потому только, что его не знаютъ, и не прежде выходятъ изъ своей мечты, какъ дождавшись уже какого плачевнаго съ собою приключенія. Къ нещастію моему я довольно испыталъ таковое. Благополученъ я тѣмъ, что

Тебѣ угодно было меня просвѣтить и открыть мнѣ очи! Я бы, подобно множеству прочихъ, пребывалъ въ моемъ заблужденіи и въ моемъ нещастіи. Я возвращаюсь къ Тебѣ, о Боже сердца моего! Міръ уже не будетъ больше имѣть участія въ моихъ чувствахъ. Мнѣ извѣстно, что надлежитъ его нѣкогда оставить, и я не буду дожидаться того, чтобъ смерть меня изъ него вырвала; съ самой сей минуты я разстаюсь съ нимъ на вѣкъ: хотя состояніе мое меня въ немъ удерживаетъ, но законъ мой меня отъ него отлучаетъ; я буду въ немъ жить такъ, какъ будто я въ немъ не живу: какая та жизнь, которую ведутъ въ мірѣ? Христіанинъ можетъ ли когда въ немъ жить безъ страха, и умереть безъ раскаянія?

Употребленіе въ дѣйство.

1е Почасту повторять то обязательство отреченія отъ міра, которое заключали мы при нашемъ крещеніи.

2е Когда случатся намъ въ мірѣ какія печали, просить Бога, чтобы Онъ вмѣнилъ ихъ въ наказаніе за грѣхи наши.

3е Слушать жалобы, дѣлаемыя столь часто людьми, живущими въ мірѣ, которые судятъ о немъ по собственнымъ своимъ опытамъ, и пользоваться ихъ примѣромъ, дабы не быть участниками ихъ нещастія.

4е Взирать на міръ, какъ на такую вещь, которая проходитъ, и которая уже прошла: что есть въ мірѣ семъ постояннаго, и по что прилѣпляться къ тому, что долженствуетъ кончиться?

ЧТЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О совѣсти.

Человѣку нѣтъ другаго столь нужнаго познанія, какъ познанія самаго себя; а познаніе самаго себя есть познаніе своего сердца и своей совѣсти: вотъ что есть человѣкъ, вотъ что весь человѣкъ!

Совѣсть можетъ находиться въ четырехъ *различныхъ* *положеніяхъ*. Совѣсть прямая, совѣсть сомнительная, совѣсть заблуждающая, и совѣсть ослѣпленная. Въ познаніи сихъ четырехъ различныхъ совѣстей, человѣкъ совершенно узнаетъ то, что онъ такое есть, и чѣмъ онъ быть долженъ.

1е. Совѣсть прямая есть свидѣтельство здраваго разсудка, она есть опыта-

ми подтвержденное суждение сказующее что позволяется и что нѣтъ; она есть гласъ Божій, вопіющій въ насъ и говорящій намъ Его именемъ; она есть лучь, происходящій отъ вѣчнаго свѣта, насъ озаряющій и нами управляющій. Вотъ какова совѣсть каждаго человѣка вообще. Въ грѣшникѣ совѣсть есть вѣрное зеркало, представляющее пятна, которыми душа его измарана; она есть Божественная книга, въ которой невидимая Рука записываетъ наши грѣхи, лишь только мы ихъ сотворимъ; она есть тайное судилище, учрежденное Богомъ въ душѣ, въ которое мы тотчасъ по согрѣшеніи нашемъ призываемся, и тамъ находимъ мы обличителя, и сей обличитель есть мы сами.

Богъ создалъ человѣка съ прямою естественною совѣстію. Доколѣ онъ будетъ ходить при озареніи сего свѣтильника, не можетъ заблудить съ пути спасенія, по которому совѣсть спомоществуемая благодатію, управляетъ всѣ шаги наши. Мы скажемъ подробно, въ чѣмъ состоятъ ея должности, опредѣленныя ей Богомъ въ разсужденіи насъ.

9е. Совѣсть сомнительная есть та, которая находитъ себя въ недоумѣніи и нерѣшимости, и не увѣрена, что таковая

на пр. вещь позволительна или нѣтъ: что таковое на пр. дѣяніе запрещено или отдано на волю; и съ той и съ другой стороны встрѣчаются ей правдоподобныя причины, дѣлающія впечатлѣніе; но изъ сихъ причинъ нѣтъ ни одной, которая бы взяла надъ прочими верьхъ, и по которой бы могла она на что рѣшиться. И такимъ образомъ волнуясь между сими различными и противоположными причинами, пребываетъ она въ недоумѣніи, и не осмѣливается ни на что пуститься, боясь, чтобы не ошибиться и не согрѣшить.

Ни когда не позволяется производить что съ сомнительною совѣстію, а надлежитъ прежде получить, естьли возможно, точное понятіе и ясность. Есть ли случится надобность дѣйствовать безъ малѣйшаго оттлагательства, и нѣтъ ни средства, ни времени пріобрѣсти свѣденіе и посовѣтоваться; то должно, для извлеченія себя изъ сомнѣнія и образованія себѣ совѣсти, предъ Богомъ судить и разсматривать то, что въ настоящемъ обстоятельствѣ кажется быть правильно; просить Господа о нашемъ просвѣщеніи, и тогда уже рѣшиться и дѣйствовать, съ тѣмъ однако же, чтобы впредь употребить стараніе о познаніи того, и поправить,

естьли было тутъ что незаконно: такимъ образомъ сiе уже не будетъ дѣйствiемъ въ сомнѣнiи, потому что разсмотрѣнiе того, что казалось правильнѣе, изъ оного вывело: тогда можно ошибиться, но не можно согрѣшить.

Робкая и боязливая совѣсть есть совѣсть той души, которая страшится не только самаго грѣха, но и всего того, что только можетъ имѣть малѣйшую тѣнь и слабѣйшiй видъ онаго: блаженна совѣсть такъ расположенная!

Естьли душа безпокоится и сомнѣвается безъ всякой основательной и истинной причины, то сiе значитъ затруднительную совѣсть; безпрестанное мученiе душъ въ семъ состоянiи находящихся, а часто и тѣхъ, которые ими управляютъ. Таковое затрудненiе можетъ происходить отъ трехъ различныхъ источниковъ; или отъ Бога, и оно есть испытанiя, которымъ должно повиноваться; или отъ дiавола, и оно есть искушенiя, отъ которыхъ должно весьма остерегаться; или отъ насъ самихъ, отъ робкаго, тяжелаго, подозрительнаго свойства, которое должно подчинить рѣшенiю просвѣщенныхъ людей. Но отъ какого бы источника сiи затрудненiя ни произходили, благоразум-

ный и почти единственный совѣтъ, каковый только людямъ подверженнымъ, онымъ подать можно, есть тотъ, чтобы приняли они на себя смиренномудріе и послушаніе; въ противномъ случаѣ заставятъ они себя и другихъ претерпѣвать нѣкоторый родъ мученія, и сами часто будутъ въ опасности совратиться съ истиннаго пути и погибнуть.

3е. Совѣсть заблуждающая есть та, которая касательно поведенія и нравовъ, судитъ ложно, и по сему сужденію и поступаетъ. Совѣсть сомнительная находится только въ неувѣренности, а сія въ заблужденіи и ошибкѣ. Совѣсть можетъ заблуждаться двумя образами. Надлежитъ различить заблужденіе виновное отъ безвиннаго, невѣденіе добровольное отъ невольнаго; она виновна, естьли имѣя сомнѣнія и безпокойствія на разсудкѣ основанныя, ихъ не привела въ ясность, естьли не радѣла получить свѣденія, когда могла и была должна; но тогда она невинна, когда не имѣла она никакой причины сомнѣваться, никакого средства получить свѣденія. На примѣръ, честной наслѣдникъ владѣетъ имѣніемъ, доставшимся ему послѣ его предковъ, которые нѣкогда пріобрѣли его непозволительно: сей наслѣдникъ не знавши ни когда и не имѣя

ни какого сомнѣнія о томъ неправильномъ пріобрѣтеніи, почитаетъ сіе наслѣдство законнымъ; въ такомъ случаѣ онъ хотя ошибается, но сія ошибка есть невольная, и совсѣмъ безвинная. Ежели же потомъ узнаетъ онъ, что сіе пріобрѣтеніе было неправильное, и будетъ онъ продолжать владѣніе онымъ, тогда совѣсть его учинится заблуждающею, добровольно и беззаконно заблуждающею, противною честности и всѣмъ освѣщеніямъ прямой совѣсти.

4^е. Когда совѣсть таковою остается и дѣйствуетъ въ добровольномъ и узнанномъ заблужденіи, то называется она совѣстію ложною, ослѣпленною, заблуждающею, и слѣдовательно виновною и гнусною предъ очами Божіими. И вотъ наипечальнѣйшее и гибельнѣйшее состояніе, въ какое только душа пріити можетъ; ибо сія совѣсть вдастся ужѐ тогда во всѣ беззаконія, во всѣ безпорядки, во всѣ излишества, и учинится въ грѣшникѣ вдругъ источникомъ грѣховъ, ослѣпленія разума, ожесточенія сердца, и наконецъ нещастнаго отъ Бога отверженія, естьли упорно пребудетъ въ семъ состояніи.

Возвратимся къ прямой совѣсти и приступимъ къ Божественнымъ ея озареніямъ.

Прямая совѣсть, какъ посланница Божія, отправляетъ въ разсужденіи насъ четыре различныя должности; она насъ просвѣщаетъ, она насъ поправляетъ, она насъ судитъ, она насъ наказываетъ: научимся почитать нашу совѣсть, и ежели мы ее не почитаемъ, научимся ее бояться.

1е. Она насъ просвѣщаетъ; совѣсть есть первое наше правило, первой нашъ наставникъ и вѣрной руководитель, за которымъ мы слѣдовать должны. Что же принадлежитъ до нашего спасенія, есть пути прямые и вѣрные, но есть пути такъ же кривые и обманчивые, по которымъ мы заблудиться можемъ; прямой совѣсти дѣло есть расмотрѣть, и насъ по нихъ вести; она есть священный свѣтильникъ насъ озаряющій, вѣрное правило, насъ утверждающее, небесный лучь, блистающій предъ очами нащими для управленія всѣхъ шаговъ нашихъ: она неусыпно надзираетъ надъ нашимъ поведеніемъ и надъ всѣми нашими дѣяніями; она предсѣдательствуетъ всѣмъ нашимъ мыслямъ и всѣмъ нашимъ чувствамъ: она всегда просвѣщена своимъ свѣтомъ, всегда непремѣнчива въ своихъ рѣшеніяхъ, всегда непреклонна въ своихъ опредѣленіяхъ; она не знаетъ, что такое льстить, лукавить,

потакать, соглашаться со временемъ и обстоятельствами; она не имѣетъ снисхожденія къ проступкамъ извиняемымъ природою; всегда слова ея искренни и держатся строгости закона. Блаженна та душа, которая повинуется ея гласу, ведетъ себя по ея совѣтамъ, держится ея рѣшеній, не удаляется никогда отъ предписаннаго ею пути! Да не будемъ ей сопротивляться, ее оскорблять, поступать противно ея наставленіямъ. Да не поставимъ совѣсть нашу противъ насъ, то будемъ мы имѣть Бога всегда за насъ. Хотя бы вся вселенная почитала насъ виновными, и возставала бы противъ насъ для нашего обвиненія, но естьли совѣсть наша насъ ни чѣмъ не упрѣкаетъ, мы останемся спокойны, и можемъ наслаждаться внутреннимъ душевнымъ миромъ, потому что послѣ всего того, мы всегда таковы, каковы предъ Богомъ, и Богъ не инако насъ судитъ, какъ по нашимъ понятіямъ, и нашей совѣсти.

9|е. Она насъ поправляетъ. Совѣсть не бываетъ никогда соучастницею нашихъ безпорядковъ; она ихъ не одобряетъ, но охуждаетъ. Въ ту минуту, какъ мы заблуждаемся, или готовы ужѐ заблудиться, гласъ совѣсти у дверей нашего сердца говоритъ уже намъ именемъ

самаго Бога: *блюдите, да ни кто же васъ прельститъ* (а); нѣтъ, тебѣ не позволено произвести сіе въ дѣйство, пребывать въ семъ союзѣ, сказать сіе слово, останавливаться на сей мысли. Не читай сію книгу, она опасна; не знакомся съ сею особою, она подозрительна; не подвергай себя сему случаю, онъ будетъ тебѣ пагубенъ; сія тяжба несправедлива, сіе условіе лихоимственно, сей прибытокъ незаконной. Ежели, не взирая на увѣщанія нашей совѣсти, мы не остановимся; то она тотчасъ противъ насъ возстанетъ и возопіетъ: *что се еси сотворилъ* (б)? Ты согрѣшилъ; ты прогнѣвалъ Бога твоего; ты преступилъ законъ Его, навлекъ на себя Его немилость; предметъ Его гнѣва, ты продвергнулся всей строгости Его правосудія и мщенія. Такимъ образомъ согрѣшившій Давидъ слышитъ гласъ упрекающій его преступленіемъ и представляющій оное непрестанно очамъ его: *и грѣхъ мой предо мною есть выну* (в). Такимъ образомъ человѣкоубійца Каинъ чувствуетъ весь ужасъ своего беззаконія:

(а) Матѳ. 24.

(б) Царст. кн. 2. гл. 1.

(в) Псал. 50.

вящшая вина моя, еже оставитимися (г); такимъ образомъ предатель Іуда слышитъ гласъ крови, имъ преданной: *согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную* (д).

Такимъ образомъ всякій грѣшникъ отдаетъ отчетъ въ поступкахъ своихъ совѣсти: остановись, говоритъ она ему, ты на краю бездны; законъ возбраняетъ сіе подъ наказаніемъ смерти; ты дашь въ томъ отвѣтъ предъ Богомъ. Ни когда бы не согрѣшали, естьли бы никогда не сопротивлялися внутреннему гласу совѣсти.

3е. Она насъ судитъ. Лишь только сотворимъ мы грѣхъ предъ Богомъ, совѣсть наша уже и приговоръ противъ насъ сдѣлала. Ты согрѣшилъ, ты заслуживаешь адъ; естьли ты умрешь въ семъ состояніи, ты будешь осужденъ; съ самой минуты смерти начинается исполненіе опредѣленія. Въ семъ гласѣ совѣсти, Богъ, верховный Судія, далъ услышать Свой гласъ и произнесъ Свое рѣшеніе: совѣсть нечто иное есть, какъ Его орудіе; она извѣщаетъ Его именемъ, и судитъ подъ Его верховною властію. Въ семъ-то смыслѣ говорится, что мы сами первые

(г) Быт. 4.

(д) Матѳ. 27.

наши судіи, и что первое судилище, куда мы призываемся, есть таковое нашей совѣсти, и мы не можемъ ни избѣжать Его присутствія, ни подозрительнымъ учинить Его правосудіе, ни противорѣчить Его опредѣленіямъ. Сужденіе праведное! сужденіе страшное! сужденіе безъ переноса! единое покаяніе можетъ остановить сіе исполненіе и дѣйствіе; тѣмъ наипаче, что совѣсть наша, производя надъ нами сужденіе, въ тоже самое время становится противъ насъ свидѣтелемъ, и показаніе свое дѣлаетъ тѣмъ ужаснѣе, что оно искренно, что оно ясно, что оно лично. Ахъ! сколь прискорбно быть осуждену самимъ собою, и не имѣть ничего сказать къ своему извиненію! Да что же въ самомъ дѣлѣ и сказать, когда наша собственная совѣсть въ одно время доноситель, судья и свидѣтель?

Потомъ совѣсть наша воспріиметъ и *будетъ отправлять* еще *противъ насъ должность мстителя. Повѣренный* жестокій, и ужаснѣе всѣхъ прочихъ; она насъ наказываетъ; Богъ препоручилъ ей наблюденіе Его правосудія и Его мщенія; и коликими образами отправляетъ она сіе страшное званіе противъ грѣшника по его грѣхопаденіи, живыми раскаяніями его мучащими; безпрестанными угрызеніями

совѣсти его преслѣдующими, страхами, ужасами, всегдашними смятеніями, сопровождающими его жизнь. Естьли почувствуетъ онъ малѣйшую болѣзнь, малѣйшую слабость, смерть тотчасъ предстанетъ его взору; естьли громъ гремитъ, трясеніе земли, или иное какое непредвидимое произшествіе случится, то ему всякую минуту кажется рука Божія на него поднятая и пропасть разверстая. Увы! можетъ ли грѣшнику какое страданіе быть больше, какой мучитель безчеловѣчнѣе, какой мститель неупросимѣе, какъ собственная его совѣсть, его терзающая? Что другое потребно было къ мученію Давида, какъ окровавленная Уріина тѣнь, представляющаяся ему вездѣ? Что другое потребно было къ устрашенію нечестиваго Валтазара, какъ видъ той руки, которая выходила изъ стѣны и писала ему опредѣленіе? Что другое потребно было Антіоху, какъ плачевный видъ Іерусалимскаго храма, имъ оскверненнаго? Для чего бы иного сіе было, какъ не для того, чтобы раздраженная и мстящая совѣсть безпрестанно приводила имъ на память ихъ преступленія, и тѣмъ бы жестоко ихъ наказывала и имъ мстила?

Ежели есть грѣшники нечувствующіе сихъ внутреннихъ мученій, увы! можно

сказать, что они тѣмъ опаснѣе и нещастнѣе. И ежели такое ихъ состояние есть наказание Божіе, отступленіе Божіе, проклятіе Божіе, то какое мщеніе можетъ быть ужаснѣе, какое состояніе плачевнѣе? И что же другое оно извѣщаетъ, какъ не вѣчное осужденіе и отверженіе уже опредѣленное?

Станемъ внимать гласу нашей совѣсти, не уничтожать ея угрызеній, опасаться ея обвиненій, слѣдовать ея увѣщаніямъ: вотъ единственное средство къ пріобрѣтенію спокойствія и мира!

Размышленіе

О безпокойствіи совѣсти.

Сколь великое человѣку нещастіе, о Боже мой! когда поработясь прельщенію страсти, предастся онъ грѣху! смятеніе, угрызенія, страхъ его обьемлетъ; смятеніе его тревожитъ, угрызенія его терзаютъ, страхъ его поражаетъ, Какое мученіе! но однако мученіе спасительное.

Боже благости, Боже свѣта, дай мнѣ понять все нещастіе совѣсти въ семъ состояніи, дабы я не подвергнулся никогда возчувствованію отъ нее таковыхъ жестокостей.

Статья первая.

Когда благодать удалится отъ души, то и спокойствіе такъ же отъ нее удалится; смятеніе заступитъ его мѣсто, безпорядокъ тотчасъ явится; густой мракъ распростершійся надъ всемъ Египтомъ, печальный образъ смущенной совѣсти: тысячи различныхъ мыслей возстаютъ въ ней, тысячи противоположныхъ разсужденій колеблютъ ее поперемѣнно: видъ грѣха, въ которой она впала, удаленіе Благодати, которой она лишилась, затрудненіе обращенія покаяніемъ: коликими противоположными чувствами она тревожится? Разъяренное и волнами своими колеблемое море можетъ ли испытать противнѣе сихъ движеній? Тщетно волнуемое сіе сердце старается укротить свое смущеніе, прибѣгая къ наружному разсѣянію. Разговоръ, забавы, зрѣлища хотя и могутъ на нѣкоторое время притупить остроту ея печали; но чрезъ то самое сдѣлаютъ они потомъ душевныя раны глубже. Грѣшникъ, скоро, противъ желанія своего, войдя съ большимъ смятеніемъ въ самого себя, принужденъ будетъ выпить чашу горести до самаго дна; и такъ, сокройся внутренній миръ, пріятности котораго вкушали; исчезни душевное спо-

койствіе, предпочитаемое чувственнымъ увеселеніямъ; затмитесь навсегда тѣ блаженныя минуты, которыя подавали предварительной вкусъ къ небеснымъ наслажденіямъ: изо всего того остается грѣшнику едино только воспоминовеніе, что вами пользовался, и вѣчное сожалѣніе о вашей потерѣ.

Тысячекратно испыталъ я сіе, о Боже мой! тысячекратно говорилъ я съ Пророкомъ: *Векую прискорбна еси душе моя* (а)? О душе моя! Почто ввергаешься ты въ сію печаль? Но, увы! Должно ли мнѣ полагать иную какую причину сему внутреннему безпокойствію, кромѣ моихъ противъ тебя, Господи, преступленій и моихъ благодати твоей сопротивленій? Кто сопротивляяся тебѣ, прогнѣвляя тебя, наслаждался когда миромъ? И виновная совѣсть можетъ ли когда быть спокойною? Грѣхъ ея не будетъ ли въ ней *безпрестаннымъ мстителемъ, отравляющимъ* навсегда ея *тишину* и всѣ ея удовольствія? И не станетъ ли она почитать себя всегда нещастною, доколѣ пребудетъ виновною?

Статья вторая.

И такимъ образомъ за смятеніемъ послѣдуютъ скоро угрызенія, такъ что

(а) Псал. 42.

грѣшнику и не позволяется оныхъ избѣгать. Что я сдѣлалъ? Вотъ первая мысль въ душѣ, по содѣяніи грѣха. А! нещастный, что такое я сдѣлалъ? Я прогнѣвалъ моего Бога; я потерялъ сокровище Его благодати; я пожертвовалъ моимъ правомъ на небесное наслѣдіе; я предпочелъ минутное удовольствіе блаженной вѣчности! Ахъ! что я сдѣлалъ?

Предъ согрѣшеніемъ господствующая страсть такъ упоитъ своимъ ядомъ, что лишитъ почти всего разсужденія, но страсть единожды удовлетворенная ослабѣваетъ, и оставляетъ разсудокъ свободнѣе: разсудокъ будучи свободнѣе входитъ въ себя, усматриваетъ ужасъ грѣха, возбуждаетъ гласъ раскаянія, и кто можетъ изобразить тѣ тайныя слова, которыя совѣсть произноситъ грѣшнику? Разскаянія тѣмъ горчаѣ, что онѣ напамятоваютъ о томъ блаженномъ состояніи, въ которомъ прежде грѣха пребывали; и все не споспѣшествуетъ ли къ напамятованію онаго? Видъ тѣхъ добродѣтельныхъ людей, съ которыми вели знакомство, и которыхъ присутствіе учинилось теперь страшнымъ; торжество сего праздника, когда подходили ко Святымъ Тайнамъ, отъ которыхъ теперь удаляются; видъ сего храма, сего образа Бога распятаго, предъ

стопами котораго прихаживали изливать свое сердце: во всемъ томъ познаемъ гласъ совѣсти, говорящей тѣмъ чувствительнѣйшимъ и живѣйшимъ образомъ, что говоритъ она въ насъ, вопреки воли нашей и противъ насъ. Не возвѣщалъ ли Ты, о Боже мой! что нѣкогда грѣхъ нашъ возстанетъ противъ насъ, по возстании нашемъ противъ Тебя? Что за симъ грѣхомъ послѣдуетъ скоро раскаяние, и что сіе раскаяніе будетъ орудіемъ печали пронзающимъ душу нашу и ввергающимъ ее въ чувствительнѣйшее огорченіе? Нещастный! надлежало ли покупать столь дорого раскаяніе?

О Боже мой! какое состояніе души преданной мученіямъ ея раскаяній? Имѣетъ ли она на одну минуту спокойствіе? Вкушаетъ ли она когда тишину? Сіе раскаяніе не безпрестанно ли терзаетъ ея сердце? *Увы! какъ человѣкъ жалокъ!* Какъ онъ нещастливъ, *находя въ самомъ себѣ* причину своего нещастія, и нося въ себѣ пагубный ядъ его раздирающій!

Статья третья.

Но сіе нещастіе не тѣмъ только кончится. Сверьхъ раскаяній, терзающихъ теперь грѣшника, есть еще ужасный бу-

дущій вѣкъ его ожидающій и ему угрожающій; и какими же чувствами можетъ онъ объятъ быть при видѣ сего неизмѣримаго пути, представляемаго ему будущимъ вѣкомъ? Я согрѣшилъ, скажетъ онъ самъ себѣ и чрезъ то заслужилъ я адъ: но естьли я въ такомъ состояніи умру, какой будетъ мой жребій? Совсѣмъ тѣмъ я могу умереть всякое мгновеніе, и всякой день можетъ быть послѣднимъ моей жизни. Увы! сей ужасный для меня день не начинаетъ ли ужè ко мнѣ приближаться, для сокрытія меня въ печальныя свои облака? Но естьли похититъ меня скоропостижная и непредвидѣнная смерть; есть ли какой нещастной случай лишитъ меня жизни: рѣдки ли таковые случаи, и не становятся ли они ежедневно обыкновеннѣе? Не слышимъ ли мы, что тѣ и тѣ похищены изъ міра, не имѣвши ни одной минуты образумиться? И для чего другаго, о Боже мой! представляешь Ты очамъ моимъ сіи примѣры, какъ не для того, что бы они увидѣли опасность, и чтобы повѣстить мнѣ, то предупредить, дабы не попасться въ таковое же нещастіе и не быть поражену тѣмъ же проклятіемъ? Сколько разъ былъ я тѣмъ тронутъ, тревожимъ?

И такъ буквально исполняется ужасное Божіе грѣшнику угроженіе: *И убоишися во дни и въ нощи, и не будетъ ти извѣстно житіе твое. Заутра речеши: како быти вечеру, а въ вечеръ речиши: како быти заутра* (а).

Ужасный гласъ совѣсти, гдѣ тебя не слышно? Въ чертогахъ знатныхъ, на престолѣ Государей, въ начальствѣ войскъ, въ шумѣ градовъ, въ сельскомъ уединеніи, вездѣ слышны мстительные ея вопли, и вездѣ причиняетъ она грѣшникамъ мученіе. Но какое бѣдственное положеніе души такъ тревожимой! Какъ! быть въ такомъ состояніи, въ которомъ можно и должно самому себѣ сказать: ежели я въ семъ состояніи умру, я погибъ, и въ самое мгновеніе моей смерти ввергаюсь я въ нѣдро злополучной вѣчности; я содѣлаюсь предметомъ гнѣва Божія, и болѣе ничего мнѣ не остается, какъ страшное отчаяніе. Какое состояніе! какое терзаніе!

Но однакоже сіе терзаніе есть спасительное: нещастіе было бы гораздо больше, естьли бы больной не чувствовалъ своей болѣзни. Нѣтъ ничего плачевнѣе,

(а) Второзак. 28.

о душе моя! и совсѣмъ тѣмъ, нѣтъ ничего вѣрнѣе; въ томъ состояніи, въ которомъ ты находишься, наивеличайшее для тебя благо, мучиться угрызеніями совѣсти; и по сколькимъ причинамъ должна ты почитать сіи угрызенія за истинное благо? Сіе есть благо, потому что оно имѣетъ столь важное отношеніе ко спасенію: сіе есть первѣйшее благо, потому что тѣмъ должно начаться обращеніе, естьли оно когда начаться имѣетъ; сіе есть наинужнѣйшее благо, потому что безъ него не будетъ никогда обращенія; сіе есть наитвердѣйшее благо, потому что оно не можетъ подвержено быть мечтѣ, и служитъ только къ призыванію на истинный путь; сіе есть драгоцѣннѣйшее благо, потому что всякое наше спасительное угрызеніе совѣсти заплачено для насъ каплею крови Іисуса Христа; сіе есть иногда единственное благо, потому что грѣшникъ иногда другой благодати не имѣетъ, какъ таковую угрызенія совѣсти и молитву, закрывъ входъ въ сердце свое для всякой иной благодати.

Заключеніе.

Войдемъ въ сію минуту сами въ себя, и ни ввергаяся въ тщетныя затруд-

женія и сомнѣнія, ни лаская себѣ, прилѣжно разсмотримъ мы, въ какомъ положеніи находимся мы съ Богомъ. Сіе положеніе есть троякое; или совѣсть наша ничѣмъ насъ не упрекаетъ; или она въ нѣкоторомъ сомнѣніи; или она признаетъ себя въ какомъ грѣхѣ виновною.

1е. Естьли совѣсть наша кажется намъ быть спокойною и ничѣмъ важнымъ насъ не упрекаетъ, то возблагодаримъ за то Отца щедротъ поставившаго насъ въ сіе состояніе, и никогда не будемъ дѣлать ничего такого, что можетъ насъ отъ него удалить; мракъ грѣха да не затмитъ никогда въ насъ ясность благодати.

2е. Естьли мы о чѣмъ имѣемъ какое сомнѣніе и безпокойство, то потщимся, какъ возможно скорѣе, пріобрѣсти о томъ ясное познаніе; не останемся въ вольной темнотѣ, которая отъ того самого учинится грѣшною.

3е. Естьли совѣсть наша упрекаетъ насъ какимъ преступленіемъ, то безъ малѣйшаго отлагательства примиримся съ Богомъ: свергнемъ съ себя сіе тяжкое бремя: сегодня же возвратимъ спокойствіе нашей совѣсти: минута нами отлагаемая можетъ быть есть та, которую Богъ

избралъ; воспользуемся ею, она можетъ рѣшить нашу вѣчность.

МОЛИТВА.

Не попусти, о Боже мой! впасть мнѣ когда въ гибельное состоянїе грѣха, дабы не имѣть мнѣ злополучїя предану быть смущенїямъ, угрызенїямъ и безпокойствамъ встревоженной совѣсти. Но ежели по нещастїю впаду я паки въ грѣхъ, ахъ! Господи, молю тебя не о укрощенїи, но о умноженїи и усугубленїи сихъ угрызенїй и сихъ безпокойствъ, дабы не получить мнѣ гораздо большаго нещастїя, предавшись ложному успокоенїю, которое льститъ и погубляетъ. Доколѣ Ты меня тревожить и мнѣ угрожать будешь; самыя Твои угрозы и Твои гнѣвныя слова будутъ лучемъ Твоего милосердїя, просвѣщающимъ еще мои очи; но съ самой той минуты, какъ Ты оставишь меня спокойнымъ въ безпорядкѣ, сїе молчанїе будетъ наичувствительнѣйшимъ знакомъ Твоего гнѣва, и ближайшаго моего расположенїя

учиниться нещастнымЪ. Говори мнѣ, о Боже мой! Твой рабЪ готовЪ Тебя слушать; естьли совѣсть моя была затворена Твоему гласу, сердце мое открыто гласу моея прискорбности; открой его такЪ же и гласу Твоея любви; вотЪ единственное блаженство, котораго я навсегда вЪ мірѣ семЪ желаю.

Употребленіе вЪ дѣйство.

1е Сдѣлать себѣ ненарушимый законЪ не поступать никогда противЪ наставленій своей совѣсти.

2е ВЪ случаяхЪ сомнѣнія, дѣлать то, что при смертномЪ часѣ желали бы мы, что бы сдѣлано было.

3е Входить часто во внутренность своей совѣсти, дабы видѣть, что вЪ ней происходитЪ, не упрекаетЪ ли она насЪ чѣмЪ предЪ БогомЪ, и сЪ чѣмЪ не желали бы мы нѣкогда предЪ него предстать.

4е Мыслить, что совѣсть наша будетЪ насЪ нѣкогда судить, и что естьли заглушимЪ мы ея гласЪ, то она насЪ наижесточайше обвинитЪ.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

О вѣрѣ.

Богу угодно было, чтобы мы родились въ нѣдрѣ вѣры; онъ озарилъ насъ живымъ ея свѣтомъ; мы получили ее какъ драгоцѣнное достояніе отъ нашихъ предковъ. Мы почитаемъ ее благодатію; но знали ли мы когда ея цѣну и всѣ ея выгоды? ибо вотъ что вѣра есть для насъ и что мы съ чувствами должной нашей признательности сами себѣ сказать можемъ.

Я родился въ нѣдрѣ вѣры, и вѣра для меня есть неразрывный союзъ, соединяющій меня съ церковію; непремѣнное правило рѣшащее всѣ мои сомнѣнія, непоколебимое утѣшеніе въ неудовольствіяхъ сей жизни; наконецъ спасительная мысль, успокоивающая меня при часѣ смертномъ. Драгоцѣнная вѣра! чѣмъ я тебѣ обязанъ, когда Ты для меня источникъ всѣхъ сихъ выгодъ?

1е. Я родился въ нѣдрѣ вѣры, и вѣра для меня есть священный союсъ соединяющій меня съ церковію: въ самомъ дѣлѣ мы тѣмъ только привязаны къ церкви, поелику мы ея члены, и тѣмъ только ея члены, поелику мы соединены съ нею вѣрою: безъ нее будемъ мы въ очахъ церкви какъ заблудшія и внѣ стада овцы,

какъ посторонніе и отъ тѣла отдѣленные члены; но какъ скоро вѣра насъ оживитъ, то съ сего времени входимъ мы въ общество вѣрныхъ; мы принадлежимъ Святому народу; мы въ числѣ чадъ Божіихъ; мы имѣемъ право на достояніе Небесное. Пускай другіе славятся тѣмъ, что они родились въ Королевскихъ чертогахъ, что они дѣти великихъ земли; а я щастіемъ моимъ буду почитать всегда то, что я чадо церкви: для чего же? Для того что я тогда могу увѣренъ быть, что я на дорогѣ къ небу, и шествовать по пути спасенія, то есть *по пути вѣры*; кромѣ его нѣтъ другаго, и всякой другой можетъ только довести до пропасти и до крайнѣйшаго нещастія.

Но можетъ быть скажутъ, что и безъ вѣры есть множество такихъ людей, которые впрочемъ порядочны, справедливы, безпорочны, нѣкоторые изъ нихъ упражняются *въ благотвореніяхъ, молятся, постятся, подаютъ милостыни*, и пр. Все сіе велико и похвально; но ко всему тому не достаетъ еще важнѣйшаго, послушанія вѣры, безъ которой нѣтъ ни достоинства, ни спасенія, ни воздаянія: дѣянія блистательныя, но дѣянія безплодныя; плоды видомъ прекрасные, но плоды поврежденные. И такъ напрасно хотѣть

славиться сими дѣяніями. Евангеліе всегда скажетъ намъ, что тотъ, кто не вѣруетъ, ужѐ осужденъ. Апостолъ всегда извѣститъ намъ, что безъ вѣры Богу угодить не можно. Самъ Іисусъ Христосъ всегда велитъ намъ почитать язычникомъ и мытаремъ неповинующагося церкви, хотя бы впрочемъ былъ онъ столь строгаго житія какъ пустынникъ, и такъ просвѣщенъ какъ Серафимы.

Какоеже будетъ удивленіе, печаль, отчаяніе тѣхъ, которые будучи удалены отъ вѣры и отдѣлены отъ церкви, предстанутъ нѣкогда предъ Бога, думая, что пришли они съ великимъ богатствомъ заслугъ, явятся въ очахъ его съ пустыми руками? О какъ мой жребій отъ сего далекъ! Въ вѣрѣ одушевленной любовію нѣтъ ни единаго дѣянія, которое бы не вписано было въ животную книгу, нѣтъ ни малѣйшаго таланта, которой бы не принесъ сторичнаго плода для вѣчности. Вотъ какая драгоцѣнная выгода.

2^е^. Я родился въ нѣдрѣ вѣры; и вѣра для меня есть непремѣнное правило рѣшащее всѣ мои сомнѣнія. Сколько же такихъ, случаевъ когда я имѣю надобность прибѣгать къ ней для рѣшенія и успокоенія моихъ волнованій касательно вѣрова-

нія? Иногда разсудокъ, будучи всегда любопытенъ и нетерпѣливъ, желаетъ проникнуть тайны закона; но находя покровенными мракомъ, облаками, принужденъ бываетъ при всякомъ шагѣ останавливаться, и самого себя спрашивать, для чего сіе? Какъ это? Сіи непроникаемыя тайны кажется угнѣтаютъ его ихъ тяжестію. Естьли бы я не имѣлъ другихъ просвѣщеній, кромѣ таковыхъ сего слабаго разсудка, то до чего бы я себя довелъ? Но когда прибѣгаю я къ вѣрѣ, я успокоиваюсь, сіи *для чего* и *какъ* изчезаютъ. Для чего сіе? Для того что Богъ то сказалъ; какъ это? Такъ церковь тому научаетъ. Все сказано сими двумя словами, все заключается въ сихъ двухъ рѣшительныхъ отвѣтахъ.

Иногда безпокойные и непокорливые умы, каковыхъ въ мірѣ много, сдѣлаютъ мнѣ безчисленные вопросы, выищутъ затрудненія въ тонкихъ и возвышенныхъ вещахъ, и естьли бы я только на собственныя мои познанія положился, то бы я можетъ быть совершенно ихъ удовлетворить не могъ. Но не надѣясь на себя, буду я ссылаться на вѣру, и на все отвѣчать имъ двумя словами: что говоритъ церковь? Чему учитъ вѣра? Вотъ чему

я вѣрю и чего держусь: сохрани Боже, что бы я захотѣлъ знать что больше!

Но сiе еще только собственныя и личныя сомнѣнiя; въ нѣдрѣ самой церкви поднимаются прѣнiя раздѣляющiя разумы и составляющiя различныя стороны: есть ли: естьли въ сiе мрачное время ходилъ бы я только по моимъ слабымъ просвѣщенiямъ, что бы со мною было? Съ той и другой стороны мужи просвѣщенные; приводятъ доказательства, противополагаютъ затрудненiя; чего держаться? вѣры: не спорю; но гдѣ сiя истинная вѣра? Всякой ласкается, что онъ - то ее имѣетъ и за нее поборствуетъ. Вотъ рѣшительная минута, и я остаюсь на вѣкъ притомъ: церковь, церковь, собранiе правовѣрныхъ, имѣющая главою самаго Iисуса Христа, вотъ мое правило, вотъ мой отвѣтъ. Всякая сторона, всякое отдѣленiе тщетно бы меня искушать стали: естьли они не члены таковой церкви, они для меня ничто. Вѣра успокоила мои смущенiя, прогнала мои смущенiя, прогнала мои грѣхи, и продолжаетъ снабжать меня своими дарами.

3е. Я родился въ нѣдрѣ вѣры, и вѣра для меня есть непоколебимое утѣшенiе въ неудовольствiяхъ: ибо, надобно

признаться, есть въ жизни такія минуты, въ которыя разсудокъ могъ бы, можетъ быть, насъ подкрѣпить; но есть и таковыя, когда необходимо нуженъ весь законъ, дабы не подвергнуться отчаянію. Случаются приключенія столь ужасныя, произшествія столь бѣдственныя, что обыкновенныя утѣшенія были бы недостаточны. Въ пораженіи оными одинъ только естественный разсудокъ тщетно бы напоминалъ мнѣ о непостоянствѣ человѣческихъ вещей, тщетно бы описывалъ мнѣ суету благъ сего міра; все сіе прикасается только поверхности моей души, а не проникаетъ до сердца. Тщетно бы Стоическая твердость и Философическая мудрость стали мнѣ разсказывать пышныя свои правила и говорить, что мудраго ничто поколебать не можетъ, что міръ для того сотворенъ, чтобы владѣть самимъ собою и управлять произшествіями жизни. Ахъ! подите прочь, слабые утѣшители, оставьте меня одного терзаться моею печалію, она меня угнѣтаетъ, но она мнѣ мила; вмѣсто услажденія ея вы ее раздражаете, прибавляя ей бремя тягостнаго утѣшенія. Тщетно вѣрные друзья, тронутые моимъ жребіемъ, будутъ меня утѣшать, увѣряя меня, что пріемлютъ они чувствительное участіе

вЪ моихЪ огорченіяхЪ; я слушаю ихЪ по наружности со вниманіемЪ, но больше того еще слушаю мою печаль; я не знаю какЪ во всѣхЪ ихЪ словахЪ не нахожу я ничего другаго, кромѣ пустоты и сухости, ничто меня не трогаетЪ, и все оставляетЪ меня погруженнаго вЪ безднѣ сея печали.

Но когда вѣра придетЪ ко мнѣ на помощь, и дастЪ мнѣ почувствовать, что моя печаль помогаетЪ моему спасенію, что источникЪ моихЪ слезЪ можетЪ учиниться источникомЪ моего блаженства; вѣра говоритЪ мнѣ, что печалями моими могу я загладить грѣхи мои, укротить гнѣвЪ Божій, заслужить мѣсто между избранными. Когда же вѣра сія представитЪ мнѣ Бога вознесеннаго на КрестЪ для примѣра, откроетЪ глазамЪ моимЪ рай, какЪ воздаяніе за мои труды; покажетЪ мнѣ блаженную вѣчность, какЪ конецЪ моихЪ нещастій; ахЪ! сЪ сего времени сердце мое начнетЪ отверзаться терпѣнію, разумЪ мой покорится спасительнымЪ разсужденіямЪ, печаль моя покажется мнѣ не столь горькою, и едва не учинится она мнѣ драгоцѣнною. О вѣра, Божественное могущество! ты только едина можешь производить сіи чудеса: ты представляешь мнѣ Бога умирающаго, я

Ему раболѣпно поклоняюсь: ты подаешь мнѣ крестъ, я его лобызаю: ты показываешь мнѣ вѣчность, я ее надѣюсь. Кромѣ тебя ктобы укротилъ волнованіе сего океана печали? Но при видѣ твоемъ, кажется мнѣ превращается онъ въ ручьи наслажденія.

4е. Соверши твое дѣло, спасительная вѣра, и бывши моимъ утѣшеніемъ въ печаляхъ моихъ, въ продолженіе сей жизни, будь также непоколѣбимою мыслію успокоевающею меня при часѣ смертномъ. Она то исполнитъ, а наипаче тогда, какъ дастъ намъ воспользоваться драгоцѣнными ея преимуществами.

Я умираю въ вѣрѣ, скажетъ себѣ правовѣрная душа, я испускаю мой духъ въ нѣдрѣ церкви, мои послѣднія минуты будутъ ей посвящены, и мои послѣднія воздыханія препоручатся ей. Пріими, Божественная вѣра, мое приношеніе; могу ли я чрезъ то загладить содѣланныя мною тебѣ досады! По крайнѣй мѣрѣ я признаю тебя единственнымъ средствомъ ко спасенію, и единственнымъ путемъ, могущимъ вести насъ къ Богу. Сколь сіе признаніе умирающаго для тебя славно! Но въ тоже время сколь оно для меня усладительно!

Самая Церковь почитаетъ сію мысль столь утѣшительною для человѣка при его послѣднемъ часѣ, и столь способною тронуть Божіе сердце, что въ молитвахъ, приносимыхъ ею за умирающаго, она напоминаетъ его вѣру: вотъ душа имѣющая предстать предъ Тобою, хотя множество имѣетъ причинъ бояться сего ужаснаго прехожденія; но воспомяни Господи, что и въ самыхъ ея заблужденіяхъ она всегда сохраняла вѣру. Тройце Божественная! Отецъ, Сынъ, и Святый Духъ, она всегда исповѣдала Святое Твое имя: сію-то вѣру представляетъ она Тебѣ съ своими раскаяніями; помилуй, и прійми ее въ нѣдра Твоего милосердія. И такъ иди, Христіанская душа, продолжаетъ Церковь, съ надеждою; иди, хотя грѣхи твои тебя обвиняютъ, но вѣра твоя за тебя ходатайствовать будетъ. Вотъ послѣдній и драгоцѣннѣйшій залогъ ея любви, какой только она тебѣ дать можетъ. Она его конечно дастъ намъ нѣкогда, естьли въ продолженіе нашей жизни пребудемъ мы ей вѣрными; сохранимъ наше къ ней усердіе, и станемъ поступать по Святымъ ея правиламъ.

Размышленіе о томъ же.

Неизреченное для насъ благополучіе, о Боже мой! родиться въ нѣдрѣ вѣры; но не довольно того, что бы знать сіе щастіе и имъ наслаждаться; мы заключили еще съ нею обязательства. Они состоятъ въ четырехъ приношеніяхъ, требуемыхъ ею отъ насъ: приношеніе покорности, чтобы внимать ее съ послушаніемъ; приношеніе привязанности, чтобы любить ее съ нѣжностію; приношеніе усердія, чтобы защищать выгоды ея съ жаромъ; приношеніе дѣянія, чтобы почитать ее нашими дѣлами.

Боже Святый! Творецъ и исполнитель вѣры, благоволившій озарить меня Божественнымъ ея свѣтомъ, посли мнѣ милость совершенно познать мои къ ней обязательства, а наипаче вѣрность, съ каковою долженъ я ненарушимо ихъ выполнять.

1е. Приношеніе покорности: какіе же должны быть Священные онаго знаки? Смиреніе и послушаніе; вотъ должность истинныхъ чадъ Церкви: вѣра требуетъ того столь непремѣнно и повелительно, что естьли кто ей въ томъ откажетъ и отъ того уклонится, то она его не признаетъ, отвергнетъ и ополчится про-

тивЪ его всѣми проклятіями. И тогда ужѐ будетЪ онЪ для нее не что иное, какЪ непослушная овца; горе ей, естьли она такЪ заблудясь попадется вЪ челюсти хищнаго волка! СЪ сего времени будетЪ такой человѣкЪ не что иное, какЪ камень преткновенія и соблазна, которой не можетЪ помѣщенЪ быть вЪ зданіи небеснаго Іерусалима; какЪ согнившій членЪ, которой прочь отнять должно, дабы онЪ не заразилЪ прочихЪ.

Твердая и непоколебимая покорность до той степени, чтобы всемЪ жертвовать, все претерпѣвать, всего лишиться, нежели лишиться вѣры, нежели даже подвергнуться потерянію оной: богатства, почести, здравіе, вольность, самая жизнь, все сіе драгоцѣнно; но вЪ сравненіи сЪ вѣрою ничего не значитЪ, и ей уступить должно; и естьли надобность востребуетЪ, на развалинахЪ всего того должна воздвигнуться торжествующая вѣра.

Наипаче покорность внутренняя и сердечная: на семЪ-то олтарѣ надлежитЪ намЪ посвятить вѣрѣ сіе приношеніе. Когда она повелѣваетЪ, то имѣетЪ она право надЪ сокровенными мыслями нашей души и надЪ внутренними чувствами нашего сердца. Но повиновенія наружнаго и молчанія, преисполненнаго почтенія и уваженія

будетъ ли достаточно? Никакъ, сего для вѣры мало; сіе было бы подать ей только руку, а она требуетъ сердца. Божественная вѣра, Святая церковь, да будетъ правая моя рука отрублена, естьли она когда напишетъ то, что опровергаетъ мой разумъ; да изсохнетъ мой языкъ и навсегда прилпнетъ гортани моей, естьли онъ когда произнесетъ такія слова, которыя несогласны съ сердцемъ моимъ: законъ мой наставляетъ меня говорить, а не скрывать, вѣра моя научаетъ меня умирать, а не лгать. Такая вѣра, которая бы уполномочивала меня къ таковой скрытности, была бы проклинаема мною: поди прочь, сказалъ бы я ей, ты не Христіанская вѣра: языческая честность гораздо лучше тебя.

2е. Приношеніе привязанности, которое заставляетъ насъ любить вѣру съ нѣжностію. Церковь есть мать наша; въ семъ случаѣ сердце говоритъ и безъ изустнаго изъясненія. По сему любезному качеству матери, Святая церковь, могу ли я тебя не познать? И по сколькимъ причинамъ заслуживаешь ты сіе пріятное наименованіе? Ты усыновила меня Іисусу Христу; Ты возродила меня въ нѣдрѣ своемъ; ты приняла меня въ обьятія твои;

Ты питала меня млекомъ твоимъ. Въ гладѣ моемъ насытила ты меня небесною манною и Ангельскимъ хлѣбомъ; въ жаждѣ моей напоила ты меня безсмертнымъ питіемъ въ нѣдрѣ Агнца, благопріятствуя мнѣ такимъ образомъ съ самаго моего дѣтства твоими дарами, и истощая на меня потомъ отъ возраста до возраста твои добродѣянія; ты показала мнѣ путь ко спасенію, руководствуя меня по стезямъ Божіимъ; ты съ кротостію воззывала меня, когда я заблуждалъ; ты съ нѣжностію принимала меня, когда я возвращался. Сколько молитвъ, возсланныхъ за меня ко Господу! Сколько жертвъ, принесенныхъ на твоихъ олтаряхъ! Сколько пріуготовленныхъ вспомоществованій для небесной жизни! Симъ твои благосклонности еще не кончились: какъ я имѣлъ щастіе возродиться въ нѣдрѣ твоемъ, то уповаю въ объятіяхъ твоихъ испустить и послѣднее мое дыханіе: твоими руками долженъ я быть представленъ Отцу щедротъ; твоею помощію и посредствомъ твоихъ благодатей надѣюсь я войти въ царствіе небесное. Кого же мнѣ нѣжно любить, какъ не тебя? Справедливость, благодарность, польза, не суть ли краснорѣчивые гласы, говорящіе за тебя и требующіе моего сердца? Я его тебѣ навсег-

да посвящаю со всѣми его чувствами. Я долженъ еще тебѣ всею моею нѣжностію: но какими знаками могу я тебѣ оную изъявить?

3^е. Возъимѣемъ къ ней усердіе: вотъ наивѣрнѣйшій залогъ, какой мы только ей дать можемъ, и которой она съ радостію приметъ. Можетъ ли въ Христіанинѣ не доставать усердія къ вѣрѣ? Мы думаемъ оное имѣть, мы тѣмъ льстимся; но имѣемъ ли мы его въ самомъ дѣлѣ? Посудимъ себя сами: вотъ его знаки. О Боже мой! какому испытанію, или какому сужденію я тутъ подвергаюсь! Ахъ! Господи, мы правовѣрные и Христіане именемъ, но таковы ли мы житіемъ и нравами?

Наша вѣра имѣетъ заповѣди, она имѣетъ узаконенія, она имѣетъ обычаи. Заповѣди, исполняемъ ли мы ихъ? Узаконенія, почитаемъ ли мы ихъ? Обычаи, наблюдаемъ ли мы ихъ? Вотъ усердіе; можемъ ли мы сказать, чтобы мы его въ насъ имѣли? Наша вѣра имѣетъ свои выгоды, печемся ли мы о нихъ? Есть ли она имѣетъ успѣхи, сорадуемся ли мы ей? Есть ли она лишается чего, соогорчаемся ли мы ей? Вотъ усердіе и единственное, которое она освящаетъ. Сверхъ того всякой долженъ отвѣтствовать за себя: но

что до меня принадлежитъ, что могу я отвѣтствовать, кромѣ обвиненія меня?

4е. Послѣднее весьма драгоцѣнное приношеніе, которымъ мы обязаны вѣрѣ, есть приношеніе нашихъ дѣлъ. Вѣра и дѣла должны всегда соединены быть и шествовать вмѣстѣ; дѣла безъ вѣры суть дѣла безплодныя, и вѣра безъ дѣлъ есть вѣра мертваго. Древо познавается отъ плода, сказалъ Спаситель, а Христіанинъ отъ дѣлъ. Безъ вопрошенія насъ, наши дѣянія должны сказать какого мы закона. Вѣра наша на челѣ у насъ не написана, но мы должны объявлять ее нашими нравами, и учинить ее почтенною нашимъ поведеніемъ, нашими дѣлами, которыя ей соотвѣтствуютъ, ее прославляютъ, сохраняютъ и содержатъ. Любовь къ Богу, отверженіе самихъ себя, вспомоществованіе братіи нашей; вотъ достойное знаменованіе вѣры нашей, естьли она въ насъ обитаетъ: но чтобы такое было, о Боже мой! Естьли бы вмѣсто такихъ дѣлъ, которыми должно ее поддерживать, прославлять, сохранять, моими же бы дѣлами я ей противорѣчилъ, ее обезславливалъ, ее не брегъ, и чрезъ то необходимо бы ее лишился.

Удивительно ли то, есть ли такимъ образомъ противорѣча нашей вѣрѣ, обез-

славливая и не брежа о ней, мы ее наконецъ потеряемъ? И не есть ли то небреженіе, что не остерегаемся мы отъ такихъ случаевъ, гдѣ, знаемъ мы, она всему подвержена будетъ; что дѣлаемъ мы союзы съ подозрительными особами; что слушаемъ мы опасные разговоры, не отвращая уха нашего отъ змѣя соблазнителя; что предаемся мы чтенію неистовыхъ и беззаконныхъ книгъ, могущихъ заразить какъ разумъ, такъ и сердце? Мы хотимъ говорить, разсуждать о всемъ, и рѣшить все, какъ можно послѣ того жаловаться, что имѣемъ мы искушенія противъ вѣры? И какъ сей вѣрѣ пребывать въ насъ, когда употребляемъ мы всѣ способы къ ея потерянію? Помышляете ли вы, сказалъ Спаситель міра, что когда пріидетъ Сынъ человѣческій, то найдетъ Онъ еще на земли вѣру? Увы! Божественный Спаситель, не дождавшись еще конца міра, естьли бы Ты пришелъ нынѣ, много ли бы Ты оной нашелъ между нами? Ахъ! не отъими отъ насъ сего священнаго залога, не погаси сего небеснаго свѣтильника, не лиши насъ сей драгоцѣнной участи Твоего достоянія: накажи насъ, мы то заслуживаемъ; но не простри наказаніе Твое до удаленія отъ насъ Твоего Святаго Духа, и до отвлеченія отъ насъ свѣта и дара

вѣры; *не отвержи мене отъ лица Твоего, и Духа Святаго не отъими отъ мене* (а).

МОЛИТВА.

Чѣмъ могу я возблагодарить Тебя, о Боже мой! за произведенїе меня въ нѣдрѣ вѣры, за просвѣщенїе меня Божественнымъ ея свѣтомъ, преимущественно предъ столь многими воздыхающими во мракѣ смерти? Чѣмъ заслужилъ я такое благоволенїе? и чего не долженъ я сдѣлать для засвидѣтельствованїя истинной, живой и вѣчной моей признательности? Я понимаю все то благополучїе, которое сїя вѣра мнѣ доставляетъ; но я чувствую также чего она требуетъ, и какїя суть тѣ приношенїя, которыя имѣетъ она право отъ меня взыскивать: съ сего времени во всю мою жизнь буду я Тебѣ ихъ возсылать ея именемъ и ея помощїю.

Приношенїе покорности, я буду почитать ее съ послушанїемъ; прино-

(а) Псал. 50.

шенїе привязанности, я буду любить ее съ нѣжностїю; приношенїе усердїя, я не премину защищать выгоды ея съ жаромъ; приношенїе дѣянїя, во всю мою жизнь буду я пещися о прославленїи ея моими дѣлами. Такъ! я буду стараться прославлять ее во всемъ. Я воцарю ее въ моемъ сердцѣ и въ моемъ поведенїи; она будетъ душею моихъ чувствъ и моихъ дѣянїй; я буду судить о вещахъ согласно съ вѣрою; мои мысли, мои предпрїятїя оживлены будутъ духомъ вѣры. Сохрани ее во мнѣ, о Боже мой! дабы во все теченїе моей жизни была она правиломъ моихъ нравовъ, а при часѣ смертномъ могла она принять послѣднїя мои воздыханїя, вручить Тебѣ мою душу, и ввести ее въ средину избранныхъ.

Употребленїе въ дѣйство.

1е. Часто упражняться въ дѣйствїяхъ вѣры, и возобновлять ея чувства предъ Богомъ.

2е. Во всѣхъ вещахъ поступать, сколь возможно, по разуму вѣры.

3е. Отъ времени до времени возобновлять свои обязанности вѣрѣ, и обѣты данные ей при крещенiи.

4е. Имѣть уваженiе и отмѣнное почитанiе къ наималѣйшимъ благочестивымъ обычаямъ, принятымъ вѣрою.

5е. Отвергать всякую книгу, всякой разговоръ, всякой союзъ, которые могутъ повредить чувства вѣры, и просить Господа о сохраненiи намъ оной до послѣдняго нашего издыханiя.

ЧТЕНIЕ ПЯТОЕ.

О Провидѣнiи.

Есть Провидѣнiе; надобно его познать, надобно ему подвергнуться, надобно ему слѣдовать.

Есть Провидѣнiе; во всемъ находимъ мы сему ясныя доказательства: въ Богѣ, въ мiрѣ и въ насъ самихъ. Въ Богѣ, просвѣщенiе разсудка открываетъ оное въ его существѣ; въ мiрѣ, видъ сей вселенной дѣлаетъ оное ощутительно очамъ нашимъ; въ насъ самихъ, внутреннее чувство намъ оное доказываетъ.

1е. Сiя важная истинна почерпнута въ нѣдрѣ самаго Бога. Есть Богъ, ежели

есть Богъ, то есть существо безконечно совершенное; ежели есть существо безконечно совершенное, то оно безконечно премудрое, безконечно благое, безконечно всемогущее. Ежели оно премудрое, то оно должно знать порядокъ; ежели оно благое, то оно должно любить порядокъ; ежели оно всемогущее, то оно должно установить порядокъ. Установленный порядокъ есть первоначальное и безпосредственное дѣйствіе Провидѣнія: слѣдовательно есть Провидѣніе. Ежели есть Богъ, то Онъ есть конецъ всѣхъ вещей, такъ какъ Онъ есть первое начало оныхъ. Ежели Онъ есть послѣдній конецъ оныхъ, то непремѣнно долженъ Онъ довести ихъ до ихъ предмета: для доведенія ихъ до онаго надлежитъ избрать способы и управлять ими; избрать способы для конца, управлять способами къ концу, есть собственное дѣйствіе Провидѣнія; слѣдовательно есть *Провидѣніе*.

Я вопрошаю: вездѣ ли находится Богъ? Или неограниченность престала ли быть неограниченна? Есть ли онъ вездѣ, вездѣ онъ видитъ, знаетъ, дѣйствуетъ и управляетъ; видѣть, знать, дѣйствовать и управлять по Божески, что другое есть, какъ Провидѣніе? Противорѣчить сей истиннѣ, не есть ли то же самое

что подкапывать основаніе всѣхъ прочихъ, и погрузить вселенную въ хаосъ и безпорядокъ плачевнѣйшій самаго небытія, изъ котораго она извлечена?

2 е. Какъ же Провидѣніе можетъ сокрыться отъ просвѣщенія нашего разсудка, когда оно дѣлается яко ощутительное нашимъ чувствамъ въ устроеніи вселенной? Когда въ тихую ночь, при чистомъ воздухѣ, возвожу я очи мои къ небу, то вижу я зрѣлище представленное твердію, безчисленное множество звѣздъ текущихъ подобно какъ въ порядкѣ битвы, помѣщенныхъ подъ знаменами ведущаго ихъ Провидѣнія; живый и одушевленный свѣтъ сихъ звѣздъ подобно блестящимъ цвѣтамъ разсѣяннымъ по небу; удивительную исправность ихъ движеній: въ такомъ-то часу таковая звѣзда должна явиться, вотъ ужѐ она и блистаетъ; въ такое-то время она должна зайти, вотъ ужѐ ее и нѣтъ. Какое постоянство и непремѣнчивость ихъ теченія! Съ самаго начала свѣта начинаютъ и кончатъ онѣ оное безостановочно и безпрерывно. И кто не придетъ въ восхищеніе отъ таковой стройности?

Съ Неба обратимъ наши взоры на землю: какое новое доказательство о Провидѣніи въ сей удивительной разнооб-

разности предметовъ, древесъ, произрастѣній, плодовъ, животныхъ, которыми она наполнена! Разныя рѣки, подобно какъ жилы орошаютъ огромное тѣло жаждущей земли, сіи древеса обремененныя плодами, сіи луга изпещренные цвѣтами: что помыслить о сей постоянной премѣнѣ годовыхъ временъ? Съ какою исправностію раздѣляютъ они годъ! Весна оживляетъ землю и покрываетъ ее пріятною зеленью. Лѣто позлащаетъ поля богатой жатвы. Осень собираетъ изобильные плоды. Зима наслаждается ими въ объятіяхъ покоя. Сія стройность не столько ли же удивительна, какъ и небесная?

Я переношусь наконецъ на берегъ пространнаго моря. Какое зрѣлище его глубина и его обширность, его тишина и его волнованія! Когда оно тихо и спокойно, представляетъ оно мнѣ изображеніе ненарушимаго мира его Творца; когда оно волнуется и свирѣпствуетъ, заставляетъ оно меня трепетать гнѣва Божія: оно всегда заключено само въ себѣ и заставляетъ меня обожать премудрые уставы Провидѣнія. Я вижу воздымающіяся ужасныя волны, подобныя высокимъ горамъ; три пылинки останавливаютъ свирѣпость волнъ, которыя разбиваются о

берегъ, и почитаютъ законъ начертанный путь на пескѣ Провидѣніемъ: *До сего дойдеши, и не прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя* (а).

О! Вы необожающіе Провидѣнія! вы хотите въ немъ сомнѣваться, изрядно; но прежде заградите уста сего удивительнаго согласнаго пѣнія слышимаго въ твореніяхъ; погасите небесные свѣтильники возженные имъ надъ главами вашими; повелите ночи не возвѣщать больше дня; опровергните весь порядокъ времени, годовыхъ временъ, произведеній на земли; расторгните оплоты моря; и сверхъ того, введите во вселенную тотъ безпорядокъ, которой владычествуетъ въ вашемъ сердцѣ, и тогда ужѐ скажите, въ дерзкомъ молчаніи вашихъ сужденій: есть ли провидѣніе? Ежели же, на противъ того, вашъ разсудокъ до того дойти не можетъ, естьли онъ принуждаетъ васъ признать во вселенной Провидѣніе, то присоедините ваши гласы къ таковому всѣхъ тварей составляющихъ сіе удивительное согласное пѣніе на похвалу его славы.

(а) Іов. 38.

3е. Послушаемъ еще краснорѣчивѣйшаго гласа, гласа внутренняго чувства произходящаго въ насъ: ибо здѣсь не нужно разсужденіе, а опасно только то, чтобы съ лишкомъ не разсуждать. Первое воззрѣніе покажетъ, что есть провидѣніе: и кто можетъ не принять простоту сего доказательства чувства? Естьли же увижу я какое устроенное сѣмейство, въ которомъ наслаждаются миромъ, то скажу я: есть въ немъ начальникъ повелѣвающій. Естьли увижу я какое спокойное Государство, въ которомъ господствуютъ художества, законы, правосудіе, содѣловающее Государство ихъ почтеннымъ, то скажу я: есть въ немъ Государь правящій. Естьли увижу я стадо пасущееся на тучныхъ лугахъ, собранное подъ единъ посохъ, хранимое отъ челюстей хищнаго волка, то скажу я: есть бдительный пастырь ихъ пасущій. Естьли увижу я корабль на открытомъ морѣ, плывущій съ распущенными парусами, достигающій благополучно пристани, то безъ всякаго размышленія скажу я: есть на немъ искусный кормчій имъ управляющій. Въ тоже самое время вижу я вселенную подобно какъ повѣшенную и качающуюся въ воздухѣ, и въ сей вселенной порядокъ, красоту, истину, устройность, посто-

янство; со всѣмъ тѣмъ скажутъ, что это случай. О случай! какъ ты премудръ! какъ ты просвѣщенъ! какъ ты постояненъ! Я бы почти сказалъ, какъ ты Божественъ! Но говоря, что это случай, не уже ли думаютъ увѣрить въ томъ другихъ! Можно ли увѣриться въ томъ самимъ? Сіе внутреннее чувство не сопротивляется ли обманчивому изреченію языка? И во сколькихъ случаяхъ внутреннее свидѣтельство вырываетъ изъ насъ, противъ воли нашей, признаніе Провидѣнія? Въ нечаянной опасности, въ непредвидѣнномъ нещастіи, тотчасъ возводятъ глаза къ нему и восклицаютъ: *Боже мой*! Почто же возводить глаза къ нему, естьли око Провидѣнія закрыто? Почто же его призывать, естьли оно не имѣетъ уха насъ услышать?

Ахъ! Боже мой, не выходя изъ насъ самихъ, нахожу я ощутительныя доказательства о Провидѣніи. Тщетно бы я сталъ сомнѣваться и ему сопротивиться, оно торжествуетъ надъ моими сомнѣніями и сопротивленіями; всѣ же мои усиливанія учинясь безполезными, послужили бы только къ глубочайшему начертанію сего довода въ моемъ сердцѣ, и къ заставленію меня заключить такимъ обра-

зомъ : въ сей вселенной есть непремѣнно такое умное существо, которое начальствуетъ; око, которое видитъ; рука, которая дѣйствуетъ; премудрость, которая управляетъ; сила, которая поддерживаетъ; вѣчность, которая сохраняетъ, то есть, Провидѣніе видящее все, начальствующее надъ всѣмъ, располагающее всѣмъ : и такъ должно его признавать и обожать; должно ему подвергнуться и слѣдовать. Такое заключеніе должно быть всякой благоразумной души. Всякое другое поведеніе есть наижалостнѣйшее въ человѣкѣ ослѣпленіе, и можетъ быть наижесточайшее Божіе наказаніе.

БЕСѢДА.

ДУШИ СЪ БОГОМЪ.

О дѣйствіи Провидѣнія.

Душа. Нѣтъ ничего справедливѣе, о Боже мой! что взирая на сіи блистательныя наружности представляемыя всѣми твоими твореніями, находимъ мы себя принужденными признавать и обожать Провидѣніе; но позволь мнѣ, Боже благости открыть предъ Тобою мое сердце; объявить Тебѣ мои сомнѣнія и мои безпо-

койства; и чрезъ то получить себѣ отраду моимъ мученіямъ и моему смущенію. Когда я возвожу взоръ мой на сію пространную вселенную, ищу я во всемъ томъ, что въ ней происходитъ, сего Провидѣнія, но оно кажется сокрылось и блескъ его померкъ. Когда смотрю я на сіи столь различные удѣлы богатствъ сего міра, нахожу что одни имѣютъ все, а другіе ничего; одни родятся во изобиліи и расточаютъ сокровища, другіе стонутъ въ бѣдности и питаются только хлѣбомъ омоченнымъ ихъ слезами; одни кажется рождены на то, чтобы имъ быть щастливыми, а другіе будто при рожденіи ихъ имѣли на челѣ своемъ написаніе: ты будешь проклятъ. Всѣ однако же суть чада сего Провидѣнія. Какъ же понимать сіе столь чувствительное неравенство ихъ состояній? Для чего сей Королемъ, а тотъ подданнымъ? Для чего сей властвуетъ какъ господинъ, а тотъ пресмыкается какъ рабъ? Для чего всѣхъ, поелику всѣ суть чада Божіи, не учинить равными, и не вести однимъ и тѣмъ же путемъ, поелику всѣ долженствуютъ достигнуть къ единому предмету?

Сего еще не довольно: не только что имѣнія неравно раздѣлены, но часто

нечестивые и злые люди преимуществуютъ въ семъ удивительномъ раздѣленіи. Кто не удивится видя нечестиваго повелѣвающаго, а праведнаго принужденнаго повиноваться! Находя Іова на гноищѣ, а Ахава въ великолѣпныхъ чертогахъ? Святаго Апостола Павла на мѣстѣ казни, а Нерона на престолѣ? Разсуждая о томъ, что такъ часто видимъ мы въ мірѣ, преступленіе торжествующее, невинность угнѣтенную, порокъ господствующій, добродѣтель попранную, при видѣ сего, смущенный и удивленный разсудокъ не покусится ли воскликнуть: гдѣ справедливость? Гдѣ Провидѣніе? Гдѣ ты, о Боже правенный? О Боже благій и Всемогущій! Оживи мою вѣру, прости смятеніе моего разума, и благоволи укротить волненіе души моей.

Господь. Душе маловѣрная, какому смятенію, какимъ непомѣрностямъ предаются заблужденныя твои чувства? Доколѣ будешь ты судить о вещахъ по вашимъ человѣческимъ умозрѣніямъ? Я снисойду до тебя, дабы тебя возвести до Меня. Ты говоришь самъ въ себѣ: сіе неравенство состояній и имѣній есть ли дѣло Провидѣнія? Одни богаты, а другіе бѣдны; одни Государи, а другіе подданные; одни господа, а другіе рабы. Но подумай и разсуди: въ совершенномъ ра-

венствѣ состояній и имѣній, человѣческій родъ, гражданское общество, соединеніе его членовъ могли ли бы существовать? Есть ли, на примѣръ, сдѣлать два города, одинъ составить весь изъ знатныхъ и богатыхъ, а другой изъ простыхъ и бѣдныхъ людей: составленной изъ бѣдныхъ, извѣстно, пропадетъ скоро: можетъ ли же составленной изъ богатыхъ себя поддерживать? И въ семъ равенствѣ имѣнія и почестей, кто захочетъ принять на себя безпокойныя, трудныя, однако же и необходимо нужныя состоянія, между тѣмъ какъ другіе стали бы исполнять покойныя и почтенныя должности? Кто бы захотѣлъ въ званіи земледѣльца, орошать землю своимъ потомъ, когда въ то же время другіе живутъ въ нѣдрѣ покоя и нѣги? Въ городѣ всѣмъ ли быть безъ различія народамъ, или всѣмъ судьями? А во вселенной всѣ ли должны повиноваться, или всѣ повелѣвать? Или, есть ли никто не будетъ ни повелѣвать, ни повиноваться, то что же иное былъ бы свѣтъ, какъ не Вавилонская башня?

Такимъ образомъ сіе неравенство состояній и имѣній не только не противно Провидѣнію, но потому имянно что Провидѣніе есть, сему неравенству непре-

менно и быть должно. Сія премудрость обьемлющая все, заблаго разсудила соединить людей между собою союзами повиновенія и зависимости, дабы щастливый утѣшая печальнаго, а богатый помогая бѣдному, бѣдный и печальный, богатый и щастливый соединили ихъ гласы вмѣстѣ воспѣть хвалы управляющему ими Провидѣнію.

Душа. Но наконецъ, о Боже мой! положимъ, что неравенство состояній нужно, по крайней мѣрѣ для чего бы въ семъ неравенствѣ, не дать преимущества праведнымъ предъ нечестивыми? Для чего бы не ввѣрить добрымъ власти и богатствъ, изъ которыхъ сдѣлали бы они столь святое употребленіе, вмѣсто того, что отданы оныя несправедливымъ людямъ, которые употребляютъ ихъ во зло и ихъ обезславливаютъ?

Господь. Познай еще и здѣсь намѣренія Моего Провидѣнія въ таковыхъ Моей премудрости. Для чего не дается праведнымъ земныхъ благъ? Для того, чтобы они не престали быть праведными: во изобиліи они возгордятся, и содѣлаются развратными. И такъ Я хочу привести въ дѣятельность ихъ добродѣтель и увеличить ихъ вѣнцы. Іовъ прославляетъ Меня больше на своемъ гноищѣ, нежели всѣ Го-

сударй на престолѣ. Но съ другой стороны, для чего даются грѣшнымъ блага міра сего? Для того, чтобы показать ничтожество и суетность сихъ благъ, и Я посылаю оныя даже Моимъ врагамъ, дабы ихъ тѣмъ пріобрѣсти, и приманкою временныхъ благосклонностей, до которыхъ они больше охотники, привлечь ихъ ко мнѣ; дабы подать имъ средство къ заглаженію ихъ грѣховъ, естьли захотятъ они изъ сихъ благосклонностей сдѣлать лучшее употребленіе. Еще для чего же? Для награжденія за то малое добро, которое они на земли дѣлаютъ. Я награждаю естественныя добродѣтели естественными благами: и потому-то далъ Я нѣкогда Римляномъ владычество вселенныя, въ награжденіе за ихъ нравственныя добродѣтели.

Со всѣмъ тѣмъ, Провидѣніе Мое въ семъ случаѣ не всегда одинаково поступаетъ. Оно не всегда отказываетъ праведнымъ въ земныхъ благахъ. Опасно было бы, что бы не подумали, что сіи блага не суть Мое твореніе, естьли бы я никогда не давалъ оныхъ служащимъ мнѣ. Оно не всегда посылаетъ оные грѣшникомъ; сіе послужило бы къ поощренію другихъ таковыми же учиниться, видя, что, дабы быть щастливу, надобно только содѣлать-

ся беззаконнымъ. Мое Провидѣніе располагаетъ инако, и мудрымъ размѣромъ наблюдаемымъ противъ тѣхъ и другихъ, содержитъ оно ихъ всѣхъ въ правильныхъ предѣлахъ, которые оно имъ предписало, и въ непроницаемости тайны своего намѣренія.

Душа. Я обожаю Твои намѣренія, о Боже мой! но позволишь ли мнѣ еще открыть Тебѣ мое сердце въ расужденіи личныхъ моихъ безпокойствъ и поступка Твоего Провидѣнія, касательно собственныхъ моихъ обстоятельствъ? Я ничего не пропустила, кажется мнѣ, ко снисканію милости и благоволенія сего Провидѣнія, но оно скрывается отъ очей моихъ. Я избрала себѣ состояніе, и въ немъ я нещастлива: начинаю я дѣла съ молитвою, онѣ безуспѣшны: предпріемлю ли я что, ничто не удается: все обращается противъ меня; друзья мои меня оставили, меня гонятъ: и Ты самъ, о Боже мой! по видимому меня покидаешь; увы! естьли бы не боялася я тебя прогнѣвать, я бы сказала: гдѣ Провидѣніе?

Господь. Постой, невѣрная душа, ты предаешься горести твоихъ печалей; ты страждешь, ты воздыхаешь, ты удивляешься своему страданію, но знаешь ли

ты, что опредѣляетъ тебѣ Провидѣніе? Подожди не много, когда кончится здѣшняя временность, то увидишь ты развязку всего: завѣса снимется, ты увидишь правость Провидѣнія. Правда, естьли бы ты долженствовала вѣчно пребывать на земли, и далѣе бы ничего ожидать не имѣла, то бы тебѣ была причина удивляться; но когда ты подумаешь, что Богъ твой не на всегдашнее житіе оставилъ тебя въ мірѣ семъ; что земля для тебя не что иное, какъ мѣсто странствованія, и изгнанія, пребываніе и время испытанія; что ты проведешь на ней нѣкоторое число дней, послѣ которыхъ откроется взору твоему новый порядокъ вещей, награждающій или наказующій всякаго по достоинству и по преступленіямъ: то можешь ли тогда сомнѣваться о Провидѣніи, какъ будто труды твои должны остаться тщетными, какъ будто слезы твои не должны никогда быть отертыми; какъ будто испытанія твои должны быть ненагражденными? И не должна ли ты напротивъ того сказать сама себѣ: конечно, ежели есть Провидѣніе, то сему такъ быть надлежитъ: надобно, чтобы путешественникъ почувствовалъ прежде безпокойства странствованія, дабы наслаждаться по томъ пріятностями пред-

назначеннаго мѣста: надобно, что бы злато очистилось прежде въ огнѣ, дабы потомъ быть чище и блистательнѣе: надобно, что бы зерно согнило прежде въ землѣ, дабы потомъ принести Небу сторичный плодъ; надобно на конецъ, чтобы сѣять въ слезахъ; дабы потомъ пожать въ радости.

Надмѣнная душе! жалѣй о своей высокомѣрности, и научись обожать премудрыя распоряженія Провидѣнія, а не проникать ихъ: душе беззаконная! трепещи подъ рукою Божію, и страшись, чтобы Провидѣніе, въ отмщеніе, не оставило тебя заблуждаться по путямъ твоимъ. А ты, покорная и вѣрная душа, обожай намѣренія Божескія, почитай ихъ сокровенность, и заключа въ чувствахъ повинующейся вѣры: есть Провидѣніе, надобно его признавать; есть Провидѣніе, надобно ему покаряться: старайся поступать согласно съ его волею и употреби всѣ твои силы, всѣ твои старанія на исполненіе Святыхъ его распоряженій. Ты безсильна безъ помощи Божеской благодати; но Богъ всего не сдѣлаетъ безъ твоего согласія съ Его благодатію: помоги сама себѣ, то и Онъ тебѣ поможетъ; усиливайся, Онъ тебя подкрѣпитъ: иди, Онъ будетъ тобою руководствовать; и

такимЪ образомЪ непремѣнно достигнешь ты до того предназначеннаго мѣста, гдѣ провидѣніе Его уготовало тебѣ блаженство и воздаяніе.

МОЛИТВА

и употребленія въ дѣйство.

Сколь мы слѣпы и неразсудливы, о Боже мой! желая измѣрить непроницаемую глубину Твоего Провидѣнія! Не заслуживаемЪ ли мы, чтобы Ты предалЪ насЪ мрачности нашего ослѣпленія, и оставилЪ бы насЪ ходить по пути нашихЪ заблужденій и нашихЪ мыслей. Чего же мы хотимЪ? НедовлѣетЪ ли намЪ знать, что Ты благЪ; что сЪ самой той минуты, какЪ мы препоручимЪ себя Твоему Провидѣнію, Ты нами руководствовать будешь; что Ты не оставляешь тѣхЪ, которые возлагаютЪ на Тебя все свое упованіе; что вЪ противномЪ случаѣ всѣ наши обращенія, всѣ наши разсужденія тщетны и безполезны, а часто надмѣнны и дерзновенны; что они могутЪ отвратить отЪ насЪ милостивые и нѣжные

Твои взоры, и ввергнуть насъ въ сомнѣнія, грѣхи и нещастія?

О Божественное Провидѣніе! я препоручаю Тебѣ всего себя, я бросаюсь въ Твои объятія невозвратно: я предаюсь во всемъ воли Твоей. Ты мой создатель, мой Богъ и мой Отецъ: Ты знаешь то ничтожество, изъ котораго Ты меня извлекъ, то бреніе, изъ котораго Ты меня сотворилъ, тотъ конецъ, къ которому Ты меня назначаешь, тотъ путь, которой меня къ нему довести долженъ: и такъ распоряжай всѣмъ и учреждай все по Твоему благоизволенію: я желаю о семъ Божественномъ Провидѣніи единое знать то: Его признавать, Его обожать, ему повиноваться, и сколько въ силахъ я буду, Ему слѣдовать, а затѣмъ, всего ожидать отъ Твоея благости. Могу ли я ввѣрить мой жребій въ лучшія руки, какъ въ таковыя началюбивѣйшаго Отца?

ЧТЕНІЕ ШЕСТОЕ.

О безсмертіи души.

Какъ съ одной стороны все представляетъ намъ смерть и разрушеніе нашихъ тѣлъ сотворенныхъ изъ земли, такъ съ другой, все извѣщаетъ намъ безсмертіе нашихъ душъ созданныхъ по образу Божію. Вѣра, разумъ, внутреннее чувство, единогласное мнѣніе всѣхъ народовъ, все подтверждаетъ сіе преславное безсмертіе. Вѣра обнадеживаетъ насъ въ томъ во всемъ своемъ Священномъ Писаніи; просвѣщеніе разума можетъ насъ въ томъ убѣдить, внутреннее чувство заставляетъ насъ безпрестанно онаго желать: мы чувствуемъ, что по смерти нашей будетъ еще нѣчто насъ самихъ существовать; общее и единогласное мнѣніе всѣхъ народовъ споспѣшествуетъ сверьхъ того къ подкрѣпленію сей основательной истинны.

А какъ сіи святыя чтенія предлагаются Христіяномъ, то бы обижена была ихъ вѣра, естьли бы предпринято было доказывать имъ столь важной членъ закона: и такъ ограничимъ мы себя тѣмъ, чтобы предложить имъ только драгоцѣнныя выгоды безсмертія, и побудить ихъ учиниться достойными оныхъ.

Нѣтъ мысли столь великой, столь обильной и столь намъ спасительной, какъ таковая весьма одуманная о безсмертіи душъ нашихъ: она содѣловается для насъ источникомъ наидрагоцѣннѣйшихъ благъ.

Она возвышаетъ наши чувства, она освящаетъ насъ въ нашихъ дѣяніяхъ, она удовлетворяетъ насъ въ нашихъ желаніяхъ, она утѣшаетъ насъ въ нашихъ печаляхъ. Разсмотримъ ея великія дѣйствія: нѣтъ ничего достойнѣе насъ, какъ познать, что такое мы въ порядкѣ благодати.

1е. Она возвышаетъ наши чувства. Нѣтъ ничего справедливѣе: нещастіе человѣку происходитъ часто отъ того, что онъ себя не знаетъ, или знаетъ себя худо: онъ не знаетъ ни того, что онъ можетъ, ни того, чего онъ ожидаетъ, и часто ни того, что онъ есть. Мы ошибаемся, когда мы думаемъ, что тѣло наше есть мы сами: конечно, нѣтъ, сіе тѣло, сія земля не есть мы, но наша темница; что же подлинно есть мы, такъ это наша душа: въ ней находится настоящая наша великость. О жалостное ослѣпленіе людей! Естьли ихъ спросить, кто вы таковы?

Одинъ скажетъ: я благородный, имѣющій чинъ въ мірѣ: другій, я судія, засѣдающій въ правительствѣ: иной, я Король, владѣющій на престолѣ. Все сіе велико, но въ васъ есть еще нѣчто больше: ты безсмертный, вотъ наипрекраснѣйшее твое наименованіе и наидрагоцѣннѣшее твое преимущество; блескъ прочихъ затмѣвается предъ симъ. Ты безсмертный: по сему преимуществу, твое происхожденіе есть отъ Бога, твой образецъ есть Богочеловѣкъ, твое упражненіе есть добродѣтель, твоя жизнь есть благодать, твое достояніе есть небо, твоя надежда есть вѣчность, твое блаженство есть блаженство самаго Бога. Въ сей точкѣ зрѣнія, душа твоя стоитъ больше всѣхъ мірскихъ благъ; достоинство твое больше таковаго всѣхъ земныхъ королей; и единственное званіе безсмертнаго, начертанное на челѣ твоемъ, приноситъ тебѣ больше чести, нежели всѣ вѣнцы могущіе его украшать.

Въ возвышеніи сихъ чувствъ, человѣкъ начинаетъ себя познавать и уважать; тогда будетъ онъ ужè опасаться нанести себѣ безчестіе гнусностію пороковъ, унизить себя рабствомъ страстей, посрамить себя заразою человѣческихъ вещей. Будучи безсмертнымъ, паритъ онъ къ Небу, стыдится онъ прилѣплять-

ся къ землѣ, и заниматься недостойными его упражненіями. Безсмертный человѣкъ не долженъ въ сердцѣ своемъ имѣть другихъ желаніи, кромѣ похвальныхъ.

Человѣкъ смертный полагаетъ всю великость въ суетныхъ вещахъ свойственныхъ времени: но душа безсмертная находящая то пылинками, что міръ почитаетъ громадами, великость свою не въ чѣмъ другомъ полагаетъ, какъ въ своемъ безсмертіи; и есть ли она станетъ только себя держать въ семъ столь возвышенномъ чувствѣ, то будетъ она видѣть подъ ногами проходящую суетную пышность человѣческихъ великостей: тогда человѣкъ не будетъ имѣть нужды ни въ великолѣпіи для своего уваженія, ни въ покрывалѣ для своего сокрытія, ни въ лицемѣріи для своего притворства; ему остается только отбросить обманчивость своей гордости, дабы быть истинно великимъ. Не заимствуя ничего наружнаго, природа и законъ столько приносятъ ему чести, что онъ можетъ быть великимъ безъ надуванія, и казаться таковымъ безъ принужденія: потому что тогда, поднявшись выше міра и его чувствъ, содѣловается онъ великъ отъ великости самаго Бога, премудръ отъ

Его премудрости, справедливъ отъ Его правоты, безсмертенъ отъ Его безсмертія, и такъ сказать, весь божественъ отъ самаго Его Божества. Въ такомъ видѣ человѣкъ престанетъ себя любить, или, естьли онъ еще себя любитъ, будетъ онъ любить въ себѣ не тѣлеснаго человѣка, не земнаго человѣка, не плотоугоднаго человѣка, но человѣка духовнаго, безсмертнаго, небеснаго; вотъ человѣкъ, и вотъ весь человѣкъ; остальное же въ немъ не иное что, какъ тѣнь, призракъ и изображеніе.

2е. Мысль о безсмертіи освящаетъ насъ во всѣхъ нашихъ дѣяніяхъ, посредствомъ великости видовъ и возвышенности внушаемыхъ ею намъ побудительныхъ причинъ. Что въ самомъ дѣлѣ значутъ прочія побудительныя причины касательно разпоряженія нашего поведенія, въ сравненіи таковыхъ нашего безсмертія? Нѣтъ другихъ истинныхъ добродѣтелей, кромѣ тѣхъ, которыя основаны на семъ столь преславномъ безсмертіи; прочія же содѣловаютъ притворщиковъ, лукавыхъ, лицемѣровъ, ханжей: онѣ не учинятъ никогда людей благоразумными по намѣренію, добродѣтельными по правилу. Иногда говорятъ что добродѣтели бываютъ часто не иное что, какъ притворство: почему? Потому что сіи добродѣтели ограничиваются време-

немъ и не стремятся къ безсмертію. Часто правосудіе бываетъ не что иное, какъ принужденная и усиленная добродѣтель: рука чиста, но сердце не таково. Безкорыстіе не что иное, какъ воздержность; умѣренность не что иное, какъ притворство; все сіе случается весьма часто въ семъ обиталищѣ мрачности. Но вознеси человѣка до таковаго безсмертія, онъ будетъ тамъ дышать чистѣйшимъ воздухомъ и не подверженъ никакой заразѣ; добродѣтель тамъ есть истина, искренность, чувство: рука невинна и сердце непорочно.

Таковы суть добродѣтели вообще. Помѣсти ихъ особенно во всякое званіе, во всякое состояніе, что бы безсмертіе было правиломъ поведенія и побудительною причиною дѣйствій, то сыщешь ты въ нихъ истинно мудраго, хорошаго Государя, хорошаго судью, хорошаго гражданина, хорошаго отца. Государь, почитающій себя безсмертнымъ, будетъ взирать на своихъ подданныхъ какъ на чадъ своихъ, увѣренъ будучи, что онъ нѣкогда будетъ царствовать не надъ ними, но съ ними въ небѣ. Судья будетъ вѣсить опредѣленія свои на вѣскахъ правосудія, потому что онъ будетъ думать, что и его дѣла свѣшены будутъ на вѣскахъ свя-

тилища. Купецъ положитъ честность въ основаніе своей торговли, потому что онъ вспомнитъ, что есть еще другая торговля прибыльнѣе, чрезъ которую можетъ онъ пріобрѣсти сокровища самого безсмертія. Художникъ будетъ работать денно и нощно, естьли то потребно: но не ограничиваясь временемъ, онъ употребитъ свои труды въ пользу для вѣчности, и какъ же бы онъ былъ нещастливъ, естьли бы, принужденъ будучи имѣть на земли содержаніе свое отъ пота лица своего, явился онъ ни съ чѣмъ въ вѣчность! Всякой человѣкъ, однимъ словомъ сказать, которой будетъ имѣть предъ очами своими вѣчность, не можетъ имѣть въ виду своемъ ничего кромѣ великаго, въ предпріятіяхъ своихъ ничего кромѣ справедливаго, въ поступкахъ своихъ ничего кромѣ честнаго, въ поведеніи своемъ и дѣяніяхъ ничего кромѣ святаго. Естьли бы помышляли о безсмертіи и согласно тому жили, то бы всѣ сердца были убѣжищемъ добродѣтели, всѣ бы люди были образомъ Божіимъ: законы, тишина, правда господствовали бы на земли, и міръ бы подобенъ былъ небесному раю.

Естьли бы люди исполнены были сихъ великихъ чувствъ, и одушевлены си-

ии великими побудительными причинами, то встрѣчалось ли бы то, что такъ часто видно въ семъ мірѣ? Стали ли бы люди вмѣнять себѣ въ достоинство и во уваженіе однѣ наружныя выгоды, богатство, чины, пышность нарядовъ? Душа надѣющаяся только тѣмъ снискать хорошее мнѣніе, позабыла о великости своего существа, и о возвышенности своего назначенія? Безсмертные люди, да почитаемъ наши добродѣтели, а не богатства наши; да научимся полагать цѣну намъ самимъ, а не тому, что мы имѣемъ, и да поймемъ, что нѣтъ ничего столь великаго въ человѣкѣ, какъ человѣкъ самъ.

Однако же не довольно еще того для насъ, чтобы понять всю великость нашего назначенія: главное тутъ есть то, что бы разсматривать поддерживаемъ ли мы достоинство нашего существа святостію нашихъ чувствъ и нашихъ дѣяній. И какое *нещастіе для насъ*, *какое беззаконіе въ насъ*, естьли, *будучи столь велики въ намѣреніяхъ и въ видахъ Божіихъ*, лишимся мы сей великости низостію нашихъ чувствъ и гнусностію нашего поведенія! И такъ станемъ безпрестанно пользоваться неисчерпаемыми благами изъ обильнаго источника отверстаго намъ безсмертіемъ.

Размышленіе о томъ же.

Мысль о безсмертіи души, свято одуманная, доставляетъ намъ наидрагоцѣннѣйшія выгоды: она приходитъ къ намъ на помощь ко услажденію горести нашихъ чувствъ, и къ наполненію всего пространства нашихъ чувствъ: возвыси ихъ, о Боже мой! до тебя, принеси ихъ въ нѣдро сего преславнаго безсмертія, куда Ты насъ зовешь: оно выше нашихъ мыслей, но не выше нашей надежды.

Статья Первая.

Мысль о безсмертіи души утѣшаетъ насъ во всѣхъ печаляхъ, какъ бы онѣ велики и чувствительны ни были. И во сколькихъ прискорбныхъ случаяхъ имѣемъ мы надобность призывать сію спасительную мысль, въ теченіи сей гиблющей и смертной жизни? Что же такое, увы! наша жизнь, какъ не цѣпь огорченій и нещастій? *Человѣкъ бо*, говоритъ Іовъ, *рожденъ отъ жены малолѣтенъ, исполнь гнѣва* (а). Всѣ люди шествуютъ по пути, устланномъ крестами и терніемъ, и часто орошеннымъ ихъ слезами. Жизнь человѣческая есть больше, нежели безпрестанная война: *не искушеніе ли житіе человѣку на земли* (б); она есть непрерывная цѣпь печалей, без-

(а) Іовъ 14.
(б) Іовъ 7.

покойствъ, досадъ, скукъ, огорченій; она есть соборище золъ, безпрестанный приливъ и отливъ премѣнъ, которыя подобно разъяренным волнамъ, однѣ другимъ послѣдуютъ для нашего потопленія; естьли бы въ семъ потопѣ бѣдствій не имѣли мы къ утѣшенію нашему въ жизни, кромѣ самой жизни, какой бы жалостной былъ нашъ жребій! Наши очи имѣли ли бы столько слезъ и наши сердца столько воздыханій, что бы могли мы оплакать наши нещастія? Но, когда, посреди бѣдствій сей жизни, которая не что иное есть, какъ безпрестанное умираніе, безсмертіе представится взору нашему и возжетъ небесный свѣтильникъ вѣчныхъ сіяній, то что можетъ больше сей точки зрѣнія облегчить тягость золъ нашихъ и усладить огорченіе прискорбностей нашихъ? Въ прочемъ, что намъ до того нужды, что въ теченіе сей жизни будемъ мы щастливы или нещастливы, богаты или бѣдны, велики или малы, здоровы или больны, естьли сія жизнь въ самомъ дѣлѣ есть только для насъ прехожденіе, а безсмертіе должно быть навсегда нашею участію, нашимъ достояніемъ и нашимъ пребываніемъ? О душе моя! просвѣтясь сими великими и непремѣнными истинами, возвысимъ наши мысли, оживотворимъ наши

сердца и наши чувства, перенесемъ великость нашихъ золъ великостію нашей надежды. Мы имѣемъ нѣкоторое только время на терпѣніе, и вѣчность на наше утѣшеніе. Здѣсь только мракъ долгой ночи, день вѣчности долженъ ему послѣдовать, и когда на конецъ заря сего великаго дня появится, то всѣ облака будутъ разогнаны, всѣ труды увѣнчаны, всѣ слезы отерты; удовольствіе возродится въ нашихъ чувствахъ, радость воцарится въ сердцахъ нашихъ и возстановитъ въ нихъ ненарушимое спокойствіе. Итакъ, станемъ терпѣть, о душе моя! естьли то надобно, плакать, воздыхать на земли, потому что мы живемъ во юдоли плача и въ мѣстѣ изгнанія; но не забудемъ мы о небесномъ отечествѣ: мы сѣемъ во слезахъ, но пожнемъ въ радости; мы пройдемъ чрезъ желѣзо и огнь, но мы достигнемъ мѣста успокоенія; остается еще нѣсколько лѣтъ испытанія, и нѣсколько дней сраженія, и тогда все ужѐ кончится и премѣнится. Ужѐ святые держатъ вѣнецъ какъ наклоненный надъ нами; возведемъ очи наши къ небу, безсмертіе замѣнитъ намъ нѣкогда за всѣ земныя нещастія и печали. Къ сему-то блаженному предмету призываешь Ты насъ, о Боже мой! Мысль о нашемъ безсмертіи намъ то возвѣщаетъ и насъ къ тому готовитъ.

Статья вторая.

Усладительная и спасительная мысль, удовлетворяющая всѣмъ нашимъ желаніямъ! Конечно, о Боже мой! сердце человѣческое есть бездна великой бѣдности, или весьма неограниченныхъ желаній, потому что оно безпрестанно чего нибудь желаетъ, безпрестанно что нибудь требуетъ, безпрестанно о полученіи чего нибудь безпокоится.

Я часто о семъ разсуждаю, и говорю самъ себѣ: иногда обвиняютъ людей, что они будучи всегда не насытными, ни чѣмъ не бываютъ довольны; *ошибаются.* Правда, что люди виноваты въ томъ, что они безмѣрно желаютъ благъ міра сего; но они правы въ томъ, что они не бываютъ оными довольны; они назначены къ чему нибудь большему: слѣдственно сему такъ и быть должно. Мы видимъ что всѣ прочія *животныя* довольны тѣмъ; что для ихъ *естественныхъ* надобностей *потребно*; единъ *только* человѣкъ всегда ненасытенъ въ своихъ *желаніяхъ*: для чего? Для того что кромѣ тебя, о Боже мой! ничто его удовольствовать не можетъ. Тщетно предлагаютъ ему кучи богатствъ и сокровищь земныхъ; это кучи пыли, бросамой ему въ глаза, для воспрепятствованія ему видѣть свою великость, и по-

черпать свое блаженство въ его источникѣ. И такъ, не смотря на всѣ сіи щедро предлагаемыя ему сокровища, онъ всегда ищетъ, желаетъ, безпокоится. И хотя бы онъ былъ владѣтель цѣлаго міра, онъ пожелалъ бы пріобрѣсти еще другіе міры.

Посмотримъ на великихъ земли: они воображаютъ себѣ, что блаженство состоитъ въ великости; и когда достигаютъ они до вершины славы, то познаютъ они, что сія слава не что иное было, какъ дымъ. Наскуча почестями, обращаются они къ богатству. Посмотримъ чадъ вѣка: они владѣютъ безчисленными сокровищами; и посреди самихъ оныхъ, кромѣ недостатка, ничего не находятъ. Не будучи удовольствованы тѣмъ, что они имѣютъ, желаютъ они еще того, чего у нихъ нѣтъ, наскуча сокровищами, ввергаютъ они себя во увеселенія. Посмотримъ плотоугодниковъ и роскошныхъ: они ищутъ своего блаженства въ услажденіи тѣлесныхъ чувствъ; а какъ сіи услажденія истощеваютъ скоро ихъ прелести, то должно возбудить ихъ безобразіями роскоши, до униженія чувства и до обезславленія разсудка. Что такое все сіе въ нихъ, о Боже мой! какъ не отчаяніе страсти, предавшейся всему, не могущей ни чѣмъ себя

удовольствовать. *Суета суетствий, всяческая суета* (а).

О блаженное безсмертие! когда представишь ты нам предметы, могущие нас удовольствовать? Весьма долгое время, гоняясь за мечтою, испытали мы, что все прочее вмѣсто удовлетворенія нашим желаніям, оныя только подстрѣкало и воспламеняло. Блаженное безсмертие! твои почести твердыя, твои сокровища освященныя. Дадим душѣ свободу дѣйствовать, она возведет очи свои к небу, она остановит свои желанія на безсмертіи, и на истинных благах: тогда честолюбивой будет доволен, скупой удовлетворен, сластолюбивой насыщен, потому что они в безсмертіи найдут непоколѣбимыя блага и истинныя услажденія.

ПРИВЕРЖЕННОСТИ
и
МОЛИТВА

Когда, о Боже безсмертный! о Царю вѣков! когда блеснет очам нашим лучь сего безсмертія? Когда возсіяет нам прекрасный день сего безсмертія?

(а) Еклесіаст. 1.

Когда сїе безсмертїе приметъ насъ въ свои объятїя? Придетъ сей благополучный часъ; возсїяетъ прекрасный день: въ ожиданїи сей вождѣленной минуты, бодрствуемъ, подкрѣпимся услажденїемъ сея надежды. Будучи окружены облаками времени, да воспоминаемъ, что свѣтлость вѣчности будетъ нашею участїю. Мы живемъ на земли, не забудемъ того, что мы созданы для неба; мы воздыхаемъ на мѣстѣ странствованїя, небесное отечество насъ ожидаетъ: мы находимся еще на волнующемся морѣ мїра, но достигнемъ наконецъ до надежнаго пристанища. Въ таковомъ видѣ, отщетимся отъ всего, утѣшимся во всемъ. Естьли случится намъ понести какїе кресты, не оскорбимся тѣмъ; все пройдетъ. Естьли мы имѣемъ богатства, не прилѣпляемся къ нимъ; все должно будетъ оставить; и оставляя мїръ, есть ли о чемъ намъ пожалѣть? Ты Единъ, о Существо Превѣчное! Ты Единъ обратишь на себя мои взоры, остановишь и удовольствуешь мои желанїя: съ сей минуты посвящая я

ихЪ Тебѣ, дабы не унизить ихЪ употребленіемЪ на гиблющія блага. СозданЪ будучи для неба, важна ли для меня земля? НазначенЪ на вѣчность, должно ли занимать меня время? И когда БогЪ призываетЪ меня вЪ вѣчность, мірЪ можетЪ ли остановить меня хотя на едино мгновеніе? О безсмертіе! почто не могу я теперь вознестися выше сего міра, гдѣ я безпрестанно умирая, и носимый на крылахЪ любви Божіей, прилетѣть вЪ твои объятія, дабы вЪ оныхЪ вѣчно наслаждаться истинною жизнію, жизнію самого Бога!

Употребленіе вЪ дѣйство.

1е. ВЪ немощахЪ и болѣзняхЪ тѣла, надлежитЪ думать, что оно не безсмертно, и что долженствуя нѣкогда имѣть свой конецЪ, неудивительно, что оно претерпѣваетЪ и разрушается.

2е. Во искушеніяхЪ и страстяхЪ, надлежитЪ памятовать, что душа безсмертна, и что не должно ее унижать и безчестить заразою пороковЪ.

3е. Во утѣшеніяхЪ, или вЪ печаляхЪ жизни, говорить самому себѣ: все пройдетЪ;

и такимъ образомъ не должно ни прилѣпляться къ однимъ, ни допустить овладѣть собою другихъ.

4е. Не внимать разговоры, и ополчаться противъ разглашаемыхъ правилъ о опровержении безсмертія душъ нашихъ: допустить поколебаніе вѣры въ семъ членѣ, есть подверженіе себя совершенному ея лишенію во всемъ.

ЧТЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

О изящности и достоинствѣ Христіянина.

Предъ очами Божіими и вѣры нѣтъ ничего столь великаго, какъ истинный Христіянинъ. О семъ можемъ мы судить по знаменитости наименованій, которыми почтенъ онъ Христіянствомъ, по святости подаваемаго ему для подражанія примѣра, по возвышенію внушаемыхъ ему чувствъ, и по великости предлагаемыхъ ему надеждъ. По симъ чертамъ познаемъ, что такое мы есмы, или по крайней мѣрѣ, что такое мы быть должны.

1е. Что есть Христіянинъ? Онъ есть ученикъ Іисуса Христа, озаренный свѣтомъ вѣры и Евангелія, наставленный въ непремѣнныхъ истинахъ закона. Благодать неизреченная! Наименованіе преславное!

Мы наслѣдовали его отъ самого Iисуса Христа; онъ самъ заслужилъ и купилъ намъ его цѣною своей крови, въ которой мы возродилися въ тоже самое время, какъ воспріяли въ освященной водѣ крещеніе.

Что есть Христіянинъ? Членъ Iисуса Христа. Всѣ Христіяне суть токмо тѣло, котораго Iисусъ Христосъ есть глава, и живущіе жизнію Бога, потому что члены должны жить жизнію главы. Будучи члены Iисуса Христа, мы ужѐ стали по превосходству храмомъ Божіимъ, не только въ душахъ нашихъ, которыя, по благодати возрожденія, суть престолъ Духа Святаго, но и самыя тѣла наши, по слову Святаго Апостола Павла, суть живый престолъ того же Духа Святаго: *или невѣсте, яко тѣлеса ваша, храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть* (а). Ко всѣмъ симъ наименованіямъ присовокупимъ и таковыя, которыми Святый Апостолъ Петръ почтилъ всѣхъ Христіянъ, называя ихъ царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, преславное завоеваніе пріобрѣтенное Iисусу Христу цѣною Его крови. Какія наименованія! Какое освященное званіе! Естьли бы Христіяне знали,

(а) Корин. 6.

что такое они суть, стали ли бы они такъ жить? И всякой Христіянинъ не былъ ли бы Святой?

2е. Что же еще есть Христіянинъ, и что онъ быть долженъ? Человѣкъ образованный по правиламъ Евангелія и по образцу самого Іисуса Христа. По сему великому образцу образованные Христіяне что такое были, и какихъ людей представляли они вселенной? Людей новыхъ, и до толѣ неизвѣстныхъ міру, истинныхъ мудрецовъ, которыхъ язычники знали единое только имя: въ нихъ удивлялися преславному собранію всѣхъ добродѣтелей; вѣрности въ словахъ, искренности въ чувствахъ, правости въ поведеніяхъ, скромности безъ притворства, возвышенію безъ гордости, смиренію безъ подлости. Они имѣли для того только страсти что бы ихъ побѣждать, увеселенія, что бы ими жертвовать, должности, что бы ихъ выполнять: любили добро, и знали его для того только, чтобы производить его въ дѣйство: они презирали похвалы, и умѣли только ихъ заслуживать: они боялися видовъ грѣха, почти столько же какъ согрѣшить, а согрѣшить боялися они гораздо еще больше, нежели умереть. Вотъ Христіянинъ: сердце Его есть жертвенникъ добродѣтели; уста,

толкователи истины; все Его поведеніе, вѣрное изображеніе Бого-человѣка. Вотъ каковъ человѣкъ, ежели онъ есть совершенный христіянинъ; есть ли же онъ не таковъ, христіянство упрекаетъ его слабостями, осуждаетъ его грѣхи, и побуждаетъ его употребить всѣ свои старанія не унижать своего достоинства.

3е. Достоинство христіанина: познаемъ оное еще по изящности чувствъ внушаемыхъ ему закономъ, поставляя его надъ всемъ.

Законъ возноситъ его выше случающагося и всѣхъ превратностей. Хотя бы всѣ бѣдствія на него устремились, имѣніе его было бы похищено, друзья бы его оставили, ни въ чемъ бы онъ не имѣлъ успѣха, здравіе бы его погублялось, во всемъ бы имѣлъ онъ недостатокъ и утрату, но когда вѣра у него остается, то не потерялъ онъ ничего. Будучи всего лишенъ, онъ покажется бóльшимъ, потому что покажется онъ великимъ самъ по себѣ, подавъ вселенной увидѣть, что хорошій человѣкъ, не завися отъ щастія, можетъ заслуживать Божію милость.

Законъ возноситъ его выше міра; онъ споспѣшествуетъ ему торжествовать

надъ его заблужденіями; вѣра ихъ разсеваетъ: надъ его пріятностями, сердце его ими гнушается: надъ его ужасами, бодрость его ихъ презираетъ: чего бояться міра тому, кто страшится только грѣха?

Законъ возноситъ его выше его самого: вознестися выше міра, есть великость души: но вознестися выше самого себя, есть геройство Сколь знаменито видѣть человѣка великодушно ополчающагося противъ самого себя, объявляющаго себѣ непримиримую войну; всегда съ мечемъ въ рукахъ, отсѣкающаго до корня свои страсти: обрѣзывающаго до наималѣйшихъ отростковъ свое самолюбіе: безпрестанно приносящаго самого себя въ жертву Богу на Олтарѣ любви! Таковъ есть христіянинъ! Онъ чувствуетъ, чего сіе стоитъ его сердцу; но онъ знаетъ, чѣмъ онъ обязанъ вѣрѣ.

Законъ возноситъ его выше страданій, мучителей, смерти: когда жизнь проводится только въ пожертвованіяхъ, то смерть уже не важна: и не сему ли и самые язычники удивлялись въ первыхъ христіянѣхъ, достойныхъ сего знаменитаго имени? Какой это родъ людей, восклицали они? Когда извѣщаютъ на нихъ въ нашемъ судилищѣ, они являются предъ

нимъ сами собою; когда осуждаютъ ихъ на смерть, они благодарятъ, какъ за нѣкое благодѣяніе; когда ведутъ ихъ на мученія, они идутъ туда съ торжествующимъ видомъ. Когда угрожаютъ имъ всякими ужасными терзаніями; вы можете сіе учинить, говорятъ они; но мы для того люди, чтобы умереть, для того христіяне, что бы умереть святыми: тѣло наше побѣдимо, но вѣра наша торжествуетъ. Ударяйте, жгите, рвите, убивайте; вы думаете насъ умерщвлять, а вмѣсто того подаете вы намъ жизнь блаженнѣе: сіе для насъ окончаніе времени, но начало вѣчности. Какіе люди! какія чувства! Однимъ словомъ, сіи-то были истинные христіяне.

4е. И, какъ же бы сіи великодушные воины могли себѣ измѣнить, имѣя въ виду своемъ ожидающіе ихъ вѣнцы, и подкрѣпляемы будучи великою надеждою? Какая есть еще великость христіянина и преимущество Его надъ всѣми прочими? Здѣсь, вознесемъ наши мысли и наши чувства: наша надежда исполнена преславнаго безсмертія. Вотъ наша участь, наше достояніе; жребій нашъ во странѣ живыхъ. Прекрасное зрѣлище, показанное нѣкогда нѣкоторою великодушною матерію! Она имѣла седмерыхъ дѣтей, всѣхъ ихъ по-

вели на мученіе. Мучитель осуждалъ ихъ на смерть; исполнители его опредѣленій пріуготовляли костры, огни и мечи, всѣ орудія казни; кровь знаменитыхъ мучениковъ текла ручьями предъ глазами сей великодушной матери: воззри, любезной мой сынъ, на небо, сказала она съ живыми чувствами вѣры, ты идешь удостовѣрить себѣ въ него входъ, оно развервзаетъ тебѣ свои объятія. Самое сіе говоритъ церковь и намъ для возвышенія нашихъ чувствъ, и для воспламененія жара нашей бодрости: воззрите на небо; вспомните, что въ качествѣ христіянъ, оно ваше отечество; что земля для васъ мѣсто изгнанія, что міръ для васъ земля чуждая.

Наши надежды возносятъ насъ къ небу, вознесемъ туда наши сердца и наши желанія: станемъ остерегаться отъ унизительной заразы гиблющихъ благъ; пропустимъ мимо подъ ногами нашими стремленіе человѣческихъ вещей. Въ званіи человѣка, мы въ мірѣ; но въ званіи христіянъ, мы не принадлежимъ сему міру. Какъ! Ты христіянинъ, а держишься міра! Ты христіянинъ, а принимаешь участіе въ пустыхъ радостяхъ, въ пышностяхъ сего міра! Ты христіянинъ, а тебя видятъ въ собраніяхъ, въ зрѣлищахъ міра!

Вспомни, что ежели ты вѣ семѣ мірѣ, то сіе для того единственно, чтобѣ быть вѣ немѣ образцемѣ, по твоимѣ добродѣтелямѣ, или обвиненіямѣ, по противоположенію твоихѣ нравовѣ, или побѣдителемѣ, по превосходству твоихѣ чувствѣ; то есть, что ты для того христіянинѣ, что бы быть святымѣ.

Вотѣ та возвышенная великость, до которой возноситѣ насѣ христіянство: но вѣ то же время, какія неизбѣжныя обязательства оно на насѣ налагаетѣ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ.

О обязанностяхѣ и должностяхѣ христіянина.

Повергшись кѣ стопамѣ Твоимѣ, о Боже мой! хочу я разсмотрѣть обязанности мои, и дать самому себѣ отчетѣ вѣ томѣ, что такое я предѣ Твоими очами, или по крайней мѣрѣ что такое я быть долженѣ. Я христіянинѣ: сія знаменитая мысль представившаяся мнѣ, достойна всѣхѣ моихѣ разсужденій, и долженствуетѣ воздвигнуть всѣ мои чувства. Благоволи, Господи, озарить меня твоимѣ свѣтомѣ, оную проникнуть, и познать всѣ христіян-

скія обязанности и во всемъ ихъ пространствѣ.

Статья первая.

Я христіянинъ: неизреченная благодать, ниспосланная мнѣ преимущественно предъ столь многими другими, есть то, что произошелъ я отъ родителей христіянъ, что просвѣщенъ свѣтомъ вѣры, между тѣмъ какъ столь многіе воздыхаютъ во мракѣ заблужденія и тѣни смерти. Я бы могъ такъ же, какъ и они въ ономъ родиться и въ ономъ умереть. Тогда, удаленъ будучи отъ пути спасенія, я не участвовалъ бы никогда въ блаженствѣ святыхъ: вѣчно отлученъ бы былъ отъ Бога, и осужденъ бы былъ на вѣчные мраки и мученія. Благость Божія опредѣлила о мнѣ инако въ мою пользу: я нахожусь въ нѣдрѣ церкви, въ числѣ ея чадъ; мнѣ остается только слушать ея гласа, слѣдовать ея ученію, и шествовать по назначенному ею мнѣ пути, съ надеждою что я нѣкогда чрезъ оной достигну неба, естьли до конца буду я вѣрно по немъ слѣдовать.

Церковь пріяла меня яко бы въ свои объятія: при рожденіи моемъ, возродила она меня въ освященной водѣ крещенія; во всю мою жизнь она меня наставляетъ,

мною управляетъ; я уповаю, что она приметъ последнія мои дыханія; по смерти же моей, буду я имѣть участіе въ ея молитвахъ и жертвоприношеніяхъ. Какая благодать! Какое благотвореніе! Благодать тѣмъ наипаче великая, что я оную ничѣмъ не заслужилъ и заслужить не могъ. Богъ ниспослалъ мнѣ ее въ даръ по своему милосердію. Благодать тѣмъ наипаче драгоцѣнная, что она содѣловается для меня источникомъ почти безчисленныхъ другихъ благодатей въ теченіи сей жизни, и что безъ нее всѣ прочія былибы мнѣ безполезны для достиженія неба. Благодать тѣмъ наипаче неизреченная, что можетъ она учиниться для меня основаніемъ и залогомъ вѣчнаго во славѣ блаженства.

Буди, о Боже мой! тысячекратно за то благословенъ! Я познаю великость благодѣянія; оно есть единственное дѣйствіе твоей ко мнѣ благости и любви. Столь многіе другіе воспользовались бы имъ лучше, и сдѣлались бы великими Святыми. Естьли бы Тирскіе и Сидонскіе жители получали таковое просвѣщеніе, они бы жили подъ вретищемъ и пепломъ. Естьли бы столь многіе невѣрные и дикіе родились въ нѣдрѣ христіянства, они бы были святые. Но увы! сія благодать что про-

извела во мнѣ, и какое сдѣлалъ я изъ нее по днесь употребленіе? Гдѣ оказалъ я мою за нее благодарность? Гдѣ собранные мною съ нее плоды? Гдѣ произвелъ я христіянскія добродѣтели въ дѣйство? Ты зришь сію пустоту и сіе злоупотребленіе, о Боже мой! Ты тѣмъ прогнѣванъ, а я нестонаю еще о томъ въ горести моего сердца! Когда сіе сердце было не благодарно, не вѣрно, по крайнѣй мѣрѣ должно оно печалиться и сокрушаться: произведи, Господи, во мнѣ сіе сокрушеніе; присовокупи сію благодать но столь многимъ другимъ, дабы онѣ не остались безплодными, не послужили бы къ моему обвиненію, и вмѣсто образованія христіянина, не нашли бы онѣ только не благодарнаго и невѣрнаго.

Статья вторая.

Я христіянинъ: я ношу то названіе, но имѣю ли я его добродѣтели, имѣю ли его благодати, имѣю ли его дѣла? Какую нахожу я причину воздыхать, разсматривая, что такое долженъ быть христіяниномъ, и видя что такое я предъ Богомъ?

Христіянину надлежитъ быть живымъ образомъ Іисуса Христа: по какимъ же чертамъ я на него похожъ? Имѣлъ ли я

сей Божественный образецъ предъ очами моими? Начерталъ ли я его въ моемъ сердцѣ?

Христіянину не должно прилѣпляться къ міру, удалиться отъ міра, распяться міру; а я живу только для міра, дышу только для міра. Мыслить по мірскому, поступать по мірскому, слѣдовать во всемъ воображеніямъ, правиламъ, примѣрамъ мірскимъ, то ли быть христіяниномъ?

Христіянинъ долженъ быть смиренномудръ, убѣгать и страшиться почестей, любить или терпѣть презрѣніи; а я тщеславенъ, гордъ; я стараюсь только о моемъ возвышеніи, о моемъ отличіи и о изъявленіи моей чувствительности при малѣйшемъ презрѣніи, при малѣйшемъ упущеніи ко мнѣ вниманія и уваженія; то ли истинный христіянинъ?

Христіянину надлежитъ быть мертву самому себѣ, охотно воспринять суровости и строгости покаянія, сдѣлать себѣ насиліе, преодолѣвать свои страсти и склонности; учинить изъ себя безпрестанную жертву: а я во всемъ себѣ угождаю; я люблю себя нѣжить и покоить; я убѣгаю всего того, что можетъ нанести мнѣ какое принужденіе и трудъ; я не хо-

чу ничего претерпѣть, или претерпѣваю я съ негодованіемъ. Естьли бы для закона моего надобно было мнѣ терпѣть мученіе, то что бы онъ во мнѣ нашелъ, мученика, или отступника?

Христіянинъ долженъ быть кротокъ, терпѣливъ, снисходителенъ, любителенъ, услужливъ ко всѣмъ, снося ихъ недостатки, сожалѣя о ихъ прискорбностяхъ, извиняя ихъ проступки: а я, увы! нахожу въ себѣ совсѣмъ противныя тому чувства; я вспыльчивъ, нетерпѣливъ, иногда гнѣвливъ и яростенъ; сверьхъ того я осуждаю, хулю и обвиняю другихъ; я питаю въ сердцѣ моемъ злопамятство, отвращеніе, ненависть и зависть. По чему же я христіянинъ и былъ ли я имъ по сіе время? Какая тѣнь, какая мечта христіянства?

Жизнь христіанина долженствуетъ быть доказательствомъ его вѣры, то есть, жизнь человѣка совсѣмъ небеснаго, живущаго въ семъ мірѣ такъ, какъ бы онъ въ немъ не жилъ, неприлѣпившагося въ немъ ни къ чему; имѣющаго только тѣло на земли, а чувства вознесенныя къ небу; всегда расположеннаго и готоваго умереть. По сему изображенію могу ли я себя узнать? Христіянскія чувства оби-

тают ли въ моемъ сердцѣ? Христіянская кровь течетъ ли еще въ моихъ жилахъ? Увы! о Боже мой! есть ли я не стыжусь моимъ поведеніемъ, то самый мой законъ стыдится мною. Я христіянинъ, и я ношу только сіе названіе, и сіе названіе еще я обезславливаю, ему измѣняю моимъ поведеніемъ, и моими нравами, кажется, отъ него отрицаюсь. Думалъ ли я, что я такое былъ, и чѣмъ быть долженствовалъ? Жизнь честнаго язычника многоли отъ моей различествуетъ? По что же родиться, такъ сказать, христіяниномъ на тотъ только конецъ, что бы жить какъ невѣрный, и умереть можетъ быть какъ отринутый?

Статья третія.

Я христіянинъ, и въ качествѣ христіянина нѣкогда судимъ буду. Какъ сіе сужденіе будетъ строго! Какъ оно будетъ ужасно! Когда я долженъ буду отдать отчетъ въ толикомъ времени мною потерянномъ, въ толикихъ благодатѣхъ, мною во зло употребленныхъ, въ толикихъ должностяхъ мною нарушенныхъ; въ толикихъ средствахъ спасенія мною нерадимыхъ, въ толикихъ таинствахъ мною принятыхъ, въ толикихъ назидательныхъ примѣрахъ, которымъ бы я часто свидѣ-

телемъ и ими бы часто тронутъ быть могъ; наконецъ, въ неизреченной благодати низпосланной мнѣ отъ Бога, произведенiемъ меня въ нѣдрѣ христiянства; что мнѣ тогда отвѣтствовать?

Мнѣ кажется, что Iисусъ Христосъ призываетъ меня въ сiю минуту, что онъ переноситъ меня къ страшному своему судилищу, и что поставя меня при сужденiи нѣкоего худаго христiянина, обращаетъ къ нему сiи ужасныя слова: *прииди, недостойный христiянинъ, прiиди отдать отчетъ Моему правосудiю въ благотворенiяхъ Моего милосердiя. Невѣрная душа, чего Я для тебя, что только можно, не сдѣлалъ? Я благоволилъ тебѣ родиться въ нѣдрѣ Моей церкви, Я озарилъ тебя свѣтомъ вѣры, я обогатилъ тебя Моими благодатьми, Я искупилъ тебя Моею кровiю, Я предуготовилъ тебѣ вѣчное блаженство; не довлѣетъ ли сего ко изъявленiю тебѣ Моей любви? Не довлѣетъ ли сего для требованiя твоего сердца? Чего же должно было Мнѣ ожидать отъ тебя? Нещастный! Я хотѣлъ быть твоимъ Спасителемъ, а ты принуждаешь Меня тебя погубить: Я тебя создалъ для участвованiя въ Моей славѣ, а ты получишь только Мои проклятiя. Низверженный*

на всегда во глубину бездны, съ язычниками и идолопоклонниками, во всю вѣчность нещастный съ ними, какъ они и больше, нежели они, будешь ты испускать огненныя воздыханія, и проливать кровавыя слезы о злоупотребленіи низпосланныхъ тебѣ Благодатей; ты будешь ихъ исчислять, но онѣ безчисленны; ты будешь о нихъ сожалѣть, но онѣ невозвратны; ты будешь призывать твоего Бога, но сей прогнѣванный Богъ сокроется отъ очей твоихъ. Ты увидишь, что Онъ для тебя былъ, и что ты противъ Его былъ: Онъ всегда *милосердъ*, всегда *жалостливъ*, всегда благъ; а ты, всегда непокоренъ, всегда неблагодаренъ, всегда упорно-стремящійся къ своей погибели. Ни сіе милосердіе, которое тебя предупреждало, ни небо, которое было тебѣ отверсто, ни адъ, которымъ ты угрожаемъ былъ, не могли обратить тебя на истинный путь. Ты дойдешь до того, что примешь сіе отчаянное желаніе и будешь говорить вѣчно, безполезно, неутѣшно: такъ, тысячекратно лучше бы для меня было никогда не родиться, никогда не быть озарену свѣтомъ вѣры, погружену быть во мракѣ идолопоклонства, никогда не быть изведену изъ небытія: отъ сего было бы только единымъ человѣкомъ меньше въ

мірѣ, а теперь будетъ единымъ христіяниномъ больше въ адѣ. Христіянинъ въ адѣ! какой ужасъ, и какой извергъ! Христіянинъ, и врагъ Богу! Христіянинъ, и проклятъ! Христіянинъ, и отринутъ!

О Боже спасителю! о Боже благости! призвавый насъ ко Свѣту истины, сохрани насъ отъ сего нещастія и не допусти насъ никогда испытать его ужасы.

Я знаю и чувствую, что оному подвергается и до онаго доводитъ себя всякій христіянинъ живущій не по святости своей вѣры: не подвергался ли тому я и самъ, живучи такъ какъ я жилъ, обезславливая во мнѣ качество и названіе христіянина, противорѣча вѣрѣ моей дѣлами моими, стыдяся даже показываться христіяниномъ, и живучи такъ какъ будто я онымъ не былъ? Боже щедротъ, помилуй душу мою, пріими мои разскаянія, и благоволи еще услышати молитву мою.

МОЛИТВА.

По особливой благодати Твоей, о Боже мой! сотворилъ Ты меня христіяниномъ: доселѣ не зналъ я ни

достоинства моего состоянія, ни святости моихъ обязательствъ; я имѣлъ почти едино только названіе, и едины благодати христіянина; пора ужѣ помыслишь мнѣ воспріять онаго и поведеніе и чувства: съ сего времени будетъ сіе впредь великимъ и единственнымъ моимъ предпріятіемъ, и я твердо вознамѣрился стараться о томъ до конца моей жизни. Я знаю, какую я налагаю на себя должность: нести крестъ, презирать міръ, умереть самому себѣ, бояться только грѣха, почитать только благодать, любить только добродѣтель, желать только небеснаго царствія, помышлять только о вѣчности, то есть, жить какъ христіянинъ, и умереть какъ святой, дабы воскреснуть, какъ предопредѣленный. *Вотъ мои обязательства*, о Боже мой! я воспринимаю ихъ вновь съ сей минуты, и во всю мою жизнь буду я имѣть попеченіе выполнять ихъ вѣрно, великодушно и постоянно Колико былъ бы я блаженъ, естьли бы я отъ нихъ никогда не удалялся!

Употребленія въ дѣйство.

1е. Съ усердіемъ молиться часто Господу Богу, Пресвятой его Матери, и Святымъ Его угодникамъ, подражая добродѣтельному ихъ житію.

2е. Исправлять освященныя наши должности и помнить о Святыхъ нашихъ обязательствахъ.

3е. Будучи внутренно христіянами, показывать часто сіе и наружными знаками.

4е. Молить часто Бога о ниспосланіи благодати жить и умереть по христіянски, и быть всегда готову къ прехожденію въ будущую жизнь.

ЧТЕНІЕ ОСЬМОЕ.

О грѣхѣ смертномъ.

Грѣхъ названъ смертнымъ, потому что онъ умерщвляетъ душу. Смерть есть трехъ родовъ, которые бываютъ слѣдствіемъ и дѣйствіемъ грѣха; смерть духовная, смерть временная и смерть вѣчная. Смерть духовная есть лишеніе благодати и всѣхъ ея пользъ. Смерть временная есть нещастія, бѣдности сей жизни, и послѣднее мгновеніе оную прекращающее. Смерть

вѣчная есть осужденіе, ежели нераскаянно пребудутъ въ грѣховномъ состояніи. Три ужасныя мщенія, которыхъ пагубною причиною есть грѣхъ.

1е. Смерть духовная есть лишеніе Благодати и всѣхъ ея пользъ. Какъ сія смерть производитъ бѣдственныя свои дѣйствія не наружно, то можетъ быть покажется она грѣшнику не столь опасною: но, увы! какими смертельными ранами сія душа уязвляется, и въ какое пагубное состояніе она приводится! Будучи мертвая въ очахъ Божіихъ, и лишенная жизни Благодати, видитъ она себя *обнаженною*, *униженною*, *оставленною*, *преданною на угрызеніе червей*. Боже мой! какая бездна золъ!

Она обнажена всего, драгоцѣнныхъ даровъ Благодати, составляющихъ наилучшее ея украшеніе предъ Богомъ, безъ которыхъ она предъ очами его не что иное, какъ *отвратительный предметъ*; будучи обнажена всѣхъ *пріобрѣтенныхъ* ею достоинствъ составляющихъ наидрагоцѣннѣйшее ея сокровище, безъ которыхъ, дошедши до крайней бѣдности, остается ей только ея грѣхъ съ плачевными его слѣдствіями.

Она унижена. До какой славы благодать Божія, кровь Іисуса Христа на нее

изліянная, ее вознесла? Какія права̀ она ей дала? Какою вольностію чадъ Божіихъ она ее почтила? По коликимъ священнымъ причинамъ могла она величаться тѣмъ, что она принадлежитъ Богу, и что Богъ принадлежитъ ей? Богъ былъ ея отецъ, Іисусъ Христосъ ея Спаситель, Духъ Святый небесный Ея женихъ, небо ея достояніе, безконечныя заслуги Бога Искупителя ея сокровище; но, о пагубныя опустошенія грѣха и наносимой имъ душѣ смерти! Въ одно мгновеніе онъ похищаетъ всѣ сіи преимущества, разрываетъ всѣ союзы, заглаживаетъ всѣ сіи преславныя черты; все, что она ни имѣла величайшаго въ порядкѣ Благодати, у нее похищено. Грѣхъ помѣстивъ смерть въ сей душѣ, привелъ ее въ состояніе хуждшее самого небытія, изъ котораго Благодать ее извлекла.

Она оставлена: однако же Богъ не совсѣмъ ее покинулъ; Его милосердіе побуждаетъ Его бросать еще на нее нѣкоторые взгляды; но оные не суть ужѐ больше взгляды любви и милости. Онъ ниспосылаетъ ей еще благодати, но вѣсомъ и мѣрою; онъ ниспосылаетъ ей благодати, но обыкновенныя, а не преимущественныя и избранныя; онъ ниспосылаетъ ей благодати, но возстановится ли она сими вспо-

моществованіями? Сіе ей возможно, и только то имѣетъ она вѣрнаго, а прочее все совершенно невѣрно: Онъ ниспосылаетъ ей благодати; таковыя ниспосылалъ Онъ тому нещастному грѣшнику, о которомъ сказалъ Онъ: все кончилось, пускай онъ ослѣпляется, пускай ожесточается, пускай себя теряетъ; когда хотѣлъ онъ погибнуть, да погибнетъ; его погибели единственно онъ самъ виною: *врачевахомъ Вавилонъ, и не исцѣлѣ: оставимъ его* (а).

Наконецъ, она предана на угрызеніе червей, на терзаніе раскаяніями. Здѣсь, разсудокъ представляетъ грѣшнику противъ воли его ужасъ его поведенія и жалостное состояніе его сердца; тамъ, совѣсть, возмущеніемъ своимъ воздвигаетъ внутри его междоусобную, страшную и непремиримую брань. Сверьхъ того, законъ представляя ему то видъ угрожающей ему смерти, то строгость суда, то разверзая взору его приготовленныя ему вѣчныя бездны; всегда возбуждая его вѣру, а съ вѣрою и его страхи, будетъ онъ производить его мученія, преставъ уже быть его утѣшеніемъ. Всѣ его страсти возставши совокупно противъ его, будутъ его тревожить, мучить, терзать. Нещастный!

(а) Іерем. 51.

окруженъ будучи такими врагами, обратится онъ противъ самаго себя въ жестокихъ волнованіяхъ своего сердца; то будетъ онъ радоваться своему грѣху, то его проклинать; иногда вздумаетъ онъ его оставить, тотчасъ потомъ будетъ онъ жалѣть, что приходила къ нему такая мысль: то намѣревается продолжать грѣшить; и въ семъ внутреннемъ сраженіи испытываетъ онъ уже нѣкоторымъ образомъ предварительно досаду, бѣшенство, отчаяніе осужденныхъ. Онъ еще щастливымъ почесть себя долженъ, есть ли чувствуетъ онъ спасительныя раскаянія! Нещастіе было бы тогда уже совершенное, когда бы оныя заглушены были, и когда бы грѣшникъ въ одно и то же время виновенъ и спокоенъ былъ.

2е. смерть временная, то есть, плачевныя приключенія, превратности, случайныя смерти, и многія иныя нещастія; тщетно ищемъ мы часто другихъ имъ причинъ кромѣ грѣха, которой есть обыкновеннѣйшій ихъ источникъ. Не грѣхъ ли въ самомъ дѣлѣ, въ первые вѣка, содѣлалъ всеобщій потопъ, низвелъ съ неба огнь на нещастные города и ихъ беззаконныхъ жителей, вооружилъ руку Ангела истребителя противъ первородныхъ Еги-

петскихъ, населилъ пустыню змѣями, былъ виною поглощенія землею дѣтей Аароновыхъ? Оставя отдаленные примѣры, откуда явились въ мірѣ толикія нещастія, отъ чего съ нѣсколькихъ уже лѣтъ сіи превратности годовыхъ временъ, сіи полевыя безплодія, толикія непредвидимыя и нещастныя произшествія? Для чего смерть похищаетъ столь часто, не взирая ни на какіе возрасты? Для чего то, что почиталося у нашихъ отцевъ рѣдкостію, учинилось у насъ такъ обыкновенно? Сіи скоропостижныя смерти, сіи случайныя смерти, сіи жертвы переносимыя съ пиршества, изъ собранія прямо во гробъ и въ могилу? Для чего симъ ужаснымъ зрѣлищамъ случаться чаще, естьли бы не для того, что умножились преступленія? Возможно ли ослѣпиться до того, что бы не познать тутъ мщенія Божія и наказанія за грѣхи?

И что бы такое было, естьли бы проникнувъ во внутренность домовъ, разсмотрѣть поражаемыя ихъ иногда ужасныя бѣдствія, имѣнія разстроенныя, наслѣдства разточенныя, тяжбы заведенныя, непостоянства непредвидимыя, болѣзни многочисленныя, здравія изчезающія, а сверьхъ того еще внутреннія несогласія и ссоры? Стонаютъ подъ игомъ нещастій;

приписывают ихъ случайности, несправедливости людской, жестокому и слѣпому року: познаемъ, что оныя другой причины не имѣютъ, кромѣ грѣха господствующаго въ домахъ, и привлекающаго Небесныя мщенія; вмѣсто того, что мы винимъ твари, познаемъ, что ударъ идетъ свыше; скажемъ: мы нещастливы по тому, что мы грѣшны: рука Божія поднята надъ нами, для того что грѣхъ вооружилъ ее противу насъ.

И что бы еще такое было, о Боже мой! естьли бы послѣ сихъ взору нашему предстоящихъ нещастій и бѣдъ, позволено было читать Божественныя твои судьбы, и снять ужасное покрывало сокрывающее отъ очей нашихъ будущее? Мы бы увидѣли наибольшія нещастія еще угрожающія, можетъ быть случайныя и бѣдственныя смерти предоставленныя грѣшникамъ. Одному бы извѣстили, что по участвованіи чрезъ нѣкоторое продолженіе времени во увеселеніяхъ, въ пиршествахъ, въ зрѣлищахъ, въ пустыхъ радостяхъ сего міра, придетъ его конецъ, когда онъ наименьше о томъ думать будетъ; что онъ не будетъ имѣть времени на покаяніе, и что вѣчное раскаяніе ему назначено. Другому бы сказали, что въ самой его юности, во время цвѣтущаго его здравія,

когда онъ надѣется имѣть долгую жизнь, смерть его поразитъ, не давъ ему даже минуты примѣтить поражающій его ударъ. Иного бы увидѣли лежащаго на одрѣ болѣзни, котораго друзья, родственники, жена, дѣти съ притворною и безчеловѣчною нѣжностію ласкаютъ ложною надеждою выздоровленія, оставляя его умирать безъ помощи. Въ другомъ бы примѣтили какъ и съ какими безпокойствами, угнѣтенъ будучи бременемъ своихъ преступленій, и почувствовавъ прикосновеніе смерти, сталъ бы онъ требовать духовника, которой по праведному, но ужасному Божію сужденію, не успѣлъ бы къ нему прійти; и грѣшникъ, произнося имя покаянія, умретъ безъ исповѣди и какъ отринутый. Въ третьемъ окажется пагубное отчаяніе, въ которое при сей послѣдней минутѣ погрузитъ его видъ его преступленій, ужасъ его жизни, приближеніе его Бога, которой *придетъ* къ нему не Спасителемъ, но Судіею, но *отмстителемъ*: нѣтъ, скажетъ сей грѣшникъ, мои грѣхи безмѣрно велики, не осталося уже для меня милосердія; я погибъ. И такъ, имѣя еще Іисуса Христа почти во устахъ своихъ, и крестъ въ рукѣ, онъ умретъ съ беззаконіемъ и отчаяніемъ въ сердцѣ. Тѣло его лежитъ на одрѣ, а душа его съ грѣхами

своими предстала уже предъ Бога. Вотъ, третія смерть, бѣдственнѣе всѣхъ прочихъ, и наказаніе за грѣхи наиужаснѣйшее.

3е. Смерть вѣчная. Вотъ сія душа навсегда удаленная отъ Бога, разлученная съ Богомъ, проклятая Богомъ, навсегда низверженная въ глубину бездны, въ огни пожирающіе, во мраки ужасные, навсегда терзаемая несносными угрызеніями совѣсти, и преданная безполезнымъ раскаяніямъ, навсегда напаяемая горестію и желчію, навсегда жертва гнѣва Божія, не имѣя никогда ни малѣйшей надежды ко утѣшенію, *потому что* грѣхъ навсегда будетъ пребывать въ сей душѣ и возводить къ Богу вопли о вѣчномъ ея мщеніи. О грѣхъ! о смерть во грѣхѣ!

Увы! многимъ читающимъ сіи великія, сіи ужасныя истины, покажутся онѣ простыми угроженіями! Сколькимъ можетъ быть, сколькимъ назначено не долго уже жить? Сколькимъ скоропостижная смерть? Сколько помрутъ безъ пріуготовленія, безъ покаянія, безъ причащенія Святыхъ Таинъ, или хотя и съ причащеніемъ, но со спутствіемъ отчаянія и съ послѣдствіемъ осужденія? Сколько можетъ быть окончатъ жизнь свою предавшись ужасамъ діавольской высокомѣрности, своевольнаго

непокаянія, или что еще страшнѣе, отчаянія? Какой жребій! Какое нещастіе! Мы о томъ не помышляемъ, мы того не предусматриваемъ; и можемъ быть такое опредѣленіе на насъ сдѣлано; можетъ быть Богъ назначаетъ ужѐ насъ къ смерти; можетъ быть скоро повелитъ онъ ей разить; а мы занимаемся увеселеніями, пустыми забавами сего міра! а мы спокойно живемъ во грѣхѣ! Не буйство ли сіе? Не ослѣпленіе ли? Гдѣ наша вѣра?

Размышленіе о томъ же.

Для полученія истиннаго понятія о грѣхѣ смертномъ, разсмотримъ его въ четырехъ разныхъ видахъ, или лучше, въ четырехъ явленіяхъ мщеній Божескихъ; то есть, Ангела мятежника въ небѣ, перваго человѣка въ земномъ раю, толикихъ нещастныхъ въ адѣ, а наипаче Іисуса Христа на голгоѳѣ: ибо видя ужасныя мученія, на которыя Богъ осуждаетъ, или за грѣхи, или за единственные виды грѣха, мы лѣгко поймемъ, какъ Богъ безконечно ими гнушается, и что мы то дѣлали и въ томъ пребывали, чего мы страшиться должны,

Воже мой, просвѣти мой разумъ, коснися моему сердцу; теперь наиболѣе нужна мнѣ помощь Твоей благодати; дабы научиться ненавидѣть единственнаго моего врага, опаснаго мнѣ въ семъ мірѣ.

Первое явленіе Божескихъ мщеній, и первая жертва грѣха есть Ангелъ мятежникъ въ небѣ: какимъ страхомъ объятъ я при видѣ его наказанія? Ангелъ не повинуется Богу, и въ тоже мгновеніе наказывается за его неповиновеніе. Мечь Божій поднятъ на него; Ангелъ удаленъ отъ Бога, изгнанъ навсегда съ неба, низверженъ навсегда въ нѣдро нещастливой вѣчности: однимъ словомъ, грѣхъ превратилъ Ангела въ діавола.

Ужасная и трепетная для меня мысль, сравнивая мои грѣхи со грѣхомъ виновнаго Ангела! Ангелъ сотворилъ единъ только грѣхъ, и то грѣхъ мысленной, грѣхъ минутной, а я, о Боже мой! я сотворилъ такое множество грѣховъ, такъ великихъ грѣховъ, и такъ часто! Ангелъ не имѣлъ ни одной минуты одуматься; въ самое то мгновеніе какъ учинился онъ виновнымъ, учинился и нещастнымъ; а мнѣ, по моемъ согрѣшеніи, Богъ далъ мнѣ время войти въ самого себя; Благодать мнѣ то часто внушала, совѣсть моя не преставала во-

піять противъ меня; и совсѣмъ тѣмъ, я медлилъ, я откладывалъ, я стеню можетъ быть еще во грѣхѣ. Ахъ, Господи! сіе пагубное отсрочиваніе во грѣхѣ, несть ли больше грѣхъ, нежели самый мой грѣхъ? Кажется, о Боже мой! дорого стоило Тебѣ потерять столь совершенное Твое твореніе, каковъ Ангелъ, при самомъ началѣ его бытія. Когда не взирая на все сіе пожертвовалъ ты Ангеломъ мятежникомъ Твоему гнѣву, то какое мщеніе явишь Ты надъ человѣкомъ грѣшникомъ?

Второе явленіе Божескихъ мщеній за грѣхъ, первый человѣкъ въ земномъ раю. Человѣкъ едва извлеченный изъ ничтожества сотвореніемъ, ввергается паки въ ничтожество ужаснѣе прежняго грѣхомъ. Преступленіе его тотчасъ послѣдуемо было его осужденіемъ и его нещастіемъ; онъ изгнанъ изъ рая, лишенъ всѣхъ его выгодъ, осужденъ *на девятьсотъ — лѣтнее* раскаяніе, наконецъ, на *страхи смерти*; но сіе еще ничто. Адамъ возжегъ грѣхомъ своимъ гнѣвъ Божій не только противъ себя одного, но и все потомство свое подвергнулъ онъ тому же наказанію и тому же проклятію.

Здѣсь, о душе моя! представимъ себѣ изображеніе всѣхъ нещастій, угнѣтаю-

щихъ родъ человѣческій; соберемъ въ мысляхъ всѣ бѣдствія претерпѣнныя вселенною, голодъ, жажду, болѣзни, печали, войны, смертоносныя язвы, и всѣ насланія Божескія, и скажемъ себѣ: вотъ дѣйствія грѣха и пагубныя отрасли сего проклятаго дерева. Безъ грѣха, никогда бы нещастій не землѣ не было.

Поступимъ далѣе: сойдемъ мысленно во внутрь гробовъ; вообразимъ себѣ тѣла всѣхъ тамъ погребенныхъ, сіи превеликія кучи костей, праху, пыли, въ которыя они превратились; червей, которые ихъ пожрали; и устрашась скажемъ еще себѣ: вотъ дѣйствія грѣха, безъ него никогда бы не было ни костей, ни мертвыхъ тѣлъ. О Боже мой! надобно что бы грѣхъ былъ нѣчто весьма ужасное, надобно чтобы тотъ источникъ, откуда столько золъ проистекаетъ, былъ весьма ядовитъ, потому что слѣдствія отъ нихъ столь разительны!

Новое явленіе Божескихъ мщеній, еще поразительнѣе; толикіе миліоны осужденныхъ во адѣ. Пренесемся на минуту ко входу сего обиталища мщеній, и ставши близъ одного изъ сихъ раскаленныхъ жерлъ, извергающихъ изъ себя безпрестанно огни и пламя, помыслимъ о грѣхѣ и его ужасахъ:

воззримъ на сіи страшныя пропасти; грѣхъ ихъ ископалъ въ нѣдрѣ земли; на сіи пожирающіе огни, на сіе отмщевающее пламя; грѣхъ ихъ возжегъ раздуваніемъ гнѣва Божія; на сіи густые мраки, которые не столько ужасны какъ таковые грѣхомъ распространенные въ душѣ: на сіи нещастныя жертвы; грѣхъ низвергъ ихъ въ сіи адскія пропасти: послушаемъ воздыханій, стоновъ, воплевъ жалостныхъ и отчаянныхъ; грѣхъ испускаетъ оные чрезъ ихъ уста. Теперь пойдемъ мысленно въ сіи пропасти, разсмотрѣть тамъ, чрезъ слабый свѣтъ и густые мраки, ужасъ грѣха: какъ бы сей свѣтъ слабъ ни былъ, онъ превратится для насъ въ живую свѣтлость, дабы способствовать намъ къ познанію и возненавидѣнію грѣха. Подъ симъ отвратительнымъ видомъ, можетъ ли онъ не возбудить въ сердцахъ нашихъ всего къ себѣ омерзенія, потому что онъ заслуживаетъ всякія проклятія отъ Бога мщеній?

Но забывъ, есть ли возможно, все то, что мы размышляли, разсмотримъ четвертое явленіе Божескихъ мщеній, ужаснѣе еще всѣхъ прочихъ; голгоѳу. Туда-то Богъ Спаситель, Богъ умирающій насъ призываетъ. Станемъ у подножія его Креста, и будемъ свидѣтели плачевнаго зрѣлища,

представляемаго намъ закономъ; уже рука Божія поднята, опредѣленіе совершено на Святаго Святыхъ, жертва пригвождена ко кресту, и кровь агнча течетъ ручьями по землѣ; сынъ Бога самого умираетъ на крестѣ. Вотъ до чего довели его наши грѣхи, которыхъ содѣлался Онъ жертвою!

Удивительно, что Іисусъ Христосъ принявъ только на себя грѣхи наши, имѣя только видъ грѣха, по сему единственно виду былъ закланною за насъ жертвою; и что еще удивительнѣе, что грѣхъ нашъ ни чѣмъ другимъ загладиться не могъ, какъ смертію и заслугами Божіими. Всѣ добродѣтели Святыхъ, всѣ заслуги праведныхъ, всѣ страданія мучениковъ, самыя всѣ достоинства Царицы Ангелъ и Святыхъ не были достаточны ко удовлетворенію за единый грѣхъ. Но что всего жалостнѣе, смерть Бога не тронула еще нашихъ сердецъ, дабы вырвать ихъ отъ грѣха. Такъ, Божественный мой Спаситель, смертію Твоею затмилъ Ты солнце, потрясъ основанія земли, отверзъ гробъ, раздробилъ камни; а наши сердца, крѣпче сихъ самихъ камней, пребываютъ нечувствительны, и не сокрушаются о грѣхѣ, воздвигшемъ крестъ твой, пролившемъ кровь твою, и причинившемъ смерть твою. Дол-

то ли еще сему сердцу быть нечувствительну? Нѣтъ, Боже мой, съ самой сей минуты предастся оно чувствіямъ своей прискорбности.

Что касается до меня, о Боже мой! мнѣ кажется, что для познанія, оплакиванія и возненавидѣнія грѣха, нѣтъ надобности ни въ умствованіи, ни въ разговорѣ. Я повергаюсь къ подножію креста Твоего, я возвожу на него взоръ мой, и при видѣ ужаснаго зрѣлища представляемаго мнѣ вѣрою, говорю я самъ себѣ: вотъ слѣдствіе грѣха. Сія глава такъ опущенная есть дѣйствіе толикихъ беззаконныхъ мыслей происходящихъ въ умахъ нашихъ; сіи очи преисполненныя слезъ есть дѣйствіе толикихъ виновныхъ взглядовъ; сіе сердце уязвленное печалію и прободенное копіемъ есть дѣйствіе толикихъ грѣховныхъ желаній принятыхъ въ сердца наши.

Увы! какое худое употребленіе дѣлаемъ мы изъ слезъ нашихъ! Мы плачемъ, мы воздыхаемъ о нещастіяхъ сей жизни, а отвращаемъ взоръ нашъ отъ наибольшихъ нещастій будущей. Естьли человѣкъ лишится части своего имѣнія, онъ внѣ себя; естьли же потеряетъ онъ вѣчныя блага, онъ о томъ и не безпокоится; естьли жена лишится милаго ей мужа,

она проводитъ жизнь свою въ печали и тоскѣ, и сія рана на вѣкъ остается неизлѣчимою въ ея сердцѣ; естьли же душа, чрезъ грѣхъ, потеряетъ небеснаго жениха, сіе нещастіе ее не трогаетъ. Естьли придворный лишится благоволеній своего Государя, онъ дѣлается неутѣшимъ, и жизнь его будетъ ему въ тягость; естьли же прогнѣвляютъ своего Бога, наилучшаго изъ всѣхъ господъ, и теряютъ его милость, то не произносятъ ни единого воздыханія, и не проливаютъ ни единыя капли слезъ.

О жалостное ослѣпленіе людей! Плакать о потерѣ имѣній, а не плакать о потерѣ души! плакать о землѣ, а не плакать о небѣ! не щадить слезъ хотя безполезныхъ, однакоже весьма горькихъ, для выгодъ сего міра, и быть нечувствительну къ выгодамъ спасенія, самой вѣчности! И мы христіяне! И мы имѣемъ вѣру? И мы вѣримъ вѣчности? О грѣхъ, сколько твои мраки ужасны! сколь ослѣпленіе твое велико! Но сколь же и уготованныя тебѣ муки страшны! Сколь раскаянія, отчаянія производимыя тобою, безконечны! Сколь они горьки! Самой вѣчности не достанетъ изчерпать ихъ источникъ.

Вотъ, Боже мой, какія чувства воспріемлю я въ сію минуту у подножія кре-

сша Твоего, и при видѣ грѣха причинившаго смерть твою; начертай ихъ навсегда въ моемъ сердцѣ.

Чувства и употребленія въ дѣйство.

1е. Чувство печали, сожалѣнія, сокрушенія при видѣ моихъ грѣховъ и заблужденій моей жизни: кто дастъ очамъ моимъ источникъ слезъ ихъ оплакать? Почто не могу я ихъ омыть потокомъ крови моей? *Кто дастъ главѣ моей воду, и очима моима источникъ слезъ* (а)?

2е. Чувство спасительнаго страха и боязни при видѣ опасности и случаевъ грѣха. Станемъ бояться, убѣгать, трепетать при видѣ грѣха, подобно какъ увидѣвъ у ногъ нашихъ змію: *яко же отъ лица зміина бѣжи отъ грѣха* (б).

3е. Чувство благодарности, что Богъ насъ не поразилъ и не взялъ изъ сего міра въ самое то время, когда мы согрѣшали: какой бы тогда былъ нашъ жребій и наше нещастіе?

4е. Чувство сожалѣнія къ тѣмъ, которые имѣютъ нещастіе быть во грѣхѣ; естьли

(а) Iерем. 9.

(б) Iис. Сирах. 21.

увидимъ мы можетъ быть, нашихъ, родственниковъ, нашихъ друзей, пораженныхъ смертїю и падающихъ предъ нами, мы тѣмъ до слезъ тронуты будемъ: смерть грѣшника плачевнѣе и жалостнѣе.

МОЛИТВА.

Боже мой! сохрани меня отъ грѣха; вотъ единственное нещастїе, котораго я страшусь; но естьли я согрѣшу, накажи меня въ семъ мїрѣ, сотвори мщенїе на земли, излей весь гнѣвъ Твой на меня въ сей жизни, только яви мнѣ милосердїе Твое въ будущей. Молю Тебя еще о милости, какъ наивеличайшей изъ всѣхъ, когда Ты предузнаешь, что я буду имѣть нещастїе Тебя еще грѣхомъ прогнѣвать, исхити меня изъ сего мїра прежде, нежели сїе нещастїе со мною случится. Я лучше хочу не жить, нежели жить подъ Твоимъ гнѣвомъ. Я лучше хочу претерпѣть тысячу смертей, нежели на едину минуту досадить Тебѣ смертїю, причиненною душѣ моей грѣхомъ. Да живу я токмо для оплакиванїя мо-

ихъ грѣховъ, для утоленія Твоего гнѣва, и для испрошенія великаго Твоего милосердія.

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

О смерти.

Наиважнѣйшее въ жизни нашей дѣло есть приуготовленіе себя къ смерти; а наивѣрнѣйшій къ тому способъ есть частое о ней воспоминаніе и размышленіе. Изъ среды самихъ мраковъ, объемлющихъ смерть, выдутъ наияснѣйшія свѣтлости. Вотъ великія истинны, предлагаемыя ею нашимъ разсужденіямъ.

1е. Мы умремъ; сіе намъ непремѣнно опредѣлено; ежедневно исполняется сіе надъ кѣмъ нибудь изъ Адамовыхъ чадъ. Въ самую сію минуту, какъ я о томъ размышляю, кто нибудь въ мірѣ испускаетъ послѣднее свое дыханіе, и начинаетъ свою вѣчность. Можетъ быть тотъ, кто за нимъ послѣдовать долженъ, есть самый я. Думаютъ ли о томъ? Цѣлая земля есть не что иное, какъ обширный ѳеатръ, на которомъ всегда находится нѣкое мертвое тѣло, и какъ неизмѣримая бездна, разверзающаяся для поглощенія его; а совсѣмъ

тѣмъ кто изъ насъ беретъ себѣ время, подробно разсмотрѣть и познать сіе на насъ опредѣленіе? Мы будучи люди смертные и всегда умирающіе, живемъ такъ какъ будто бы никогда умереть не должны; мы удаляемъ отъ себя даже и мысль о смерти, какъ будто удаляя мысль, избѣгнемъ мы ея ужасовъ. Такимъ образомъ, при столькихъ опасностяхъ живемъ мы ни о чѣмъ не думая; мы подобны тѣмъ нещастнымъ жертвамъ, которыхъ ведутъ къ олтарю, и онѣ не знаютъ бояться угрожающей имъ смерти, доколѣ не почувствуютъ поражающаго ихъ удара.

2е. Мы умремъ всѣ. Сотворенные изъ одной земли, идемъ мы всѣ къ одному концу; смерть потребуетъ насъ всѣхъ къ своему судилищу, и назоветъ насъ всѣхъ нашимъ именемъ; тебя вътотъ день, тебя въ другой; тебя въ тотъ годъ, тебя въ слѣдующій; тебя завтра, тебя можетъ быть сего дня. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ городахъ будутъ новые люди; въ домахъ новые жители; въ семъ мірѣ новый міръ; тѣ, которые въ немъ обитать будутъ, скажутъ тогда то же, что мы говоримъ теперь: мы всѣ умремъ. Придутъ размышлять надъ нашими гробами; будутъ дѣлать о насъ таковыя же разсужденія, каковыя дѣлаемъ мы о другихъ: но больше ли

они пріобрѣтутъ себѣ отъ того пользы? Учинятся ли они чрезъ то больше христіяне? По видимому кажется съ ними то же будетъ, что и съ нами. Послушаютъ сихъ истинъ, тронутся ими, поговорятъ, примутъ намѣренія; потомъ какъ разойдутся, истребятъ все изъ памяти: новыя мысли загладятъ сіи спасительныя; и, когда придетъ смерть, будутъ почти столько же удивлены, какъ будто о ней никогда въ жизнь свою не слыхивали.

3 е. Смерть опровергнетъ всѣ наши предпріятія, и разсѣетъ всѣ наши мысли: ибо вотъ мы каковы; мы преисполнены предпріятіями; мы образуемъ одно, другое слѣдуетъ за нимъ близко, а третіе тотчасъ заступаетъ мѣсто сего; смерть дѣлаетъ таковое четвертое совсѣмъ противное, и всѣхъ ихъ разомъ опровергаетъ. Сей человѣкъ въ цвѣтущей своей юности имѣетъ воображеніе свое, наполненное одними только играми, забавами, увеселеніями; ему представляется неизмѣримый путь жизни: смерть попускаетъ его пройти нѣсколько шаговъ; и вдругъ нападя на него, останавливаетъ его при началѣ шествія; и не ожидаемымъ концемъ, можетъ быть еще плачевнымъ, приводитъ въ ужасъ его единовозрастныхъ услышавшихъ:

такой-то умерЪ, когда помышляли они составить сЪ нимЪ нѣкое увеселеніе. А ты, человѣкЪ прилѣпленный кЪ міру, занятый весь самЪ собою, міромЪ, украшеніями, нарядами, что ты дѣлаешь? Ты украшаешь жертву; смерть готова ужѐ ее поразить. Ты смотришься вЪ зеркало представляющее тебѣ суету, а не видишь позади тебя смерти тебѣ угрожающей; она держитЪ надЪ тобою мстительный ударЪ и ожидаетЪ пока жертва нарядами своими пріуготовится быть пораженною; и, вЪ самое тщеславіе мірскимЪ суетнымЪ украшеніемЪ, сія жертва сЪ трепетомЪ падаетЪ.

О люди! Какое наше ослѣпленіе! Мы признаемся, что жизнь наша не что иное, какЪ одно только дыханіе, и на такомЪ непрочномЪ основаніи хотимЪ мы воздвигнуть огромныя зданія. Мы простираемЪ виды наши весьма далеко, за насЪ, выше насЪ, а не видимЪ отверзающейся подЪ ногами нашими могилы. Увы! всѣ наши предпріятія опровергаются! Всѣ наши намѣренія пресѣкаются! Мы обманываемся лестными мыслями, мечтательными предметами; вся наша жизнь проходитЪ вЪ предпріятіяхЪ; и, когда надобно будетЪ оставлять сей мірЪ, мы не покинули еще вре-

менныхъ видовъ, предпріятій, желаній. Какія пріуготовленія къ вѣчности!

4е. Смерть похититъ у насъ все: почести, богатства, увеселенія, чины, достоинства, друзей, союзы, все должно будетъ оставить. Всякой человѣкъ принужденъ будетъ возопить со Іовомъ: *Тлѣю же духомъ носимъ, прошу же гроба* (а). На послѣдокъ должно будетъ выговорить сіе прискорбное и плачевное слово, я оставляю, я оставляю. Ахъ! скажи лучше, у меня похищаютъ, у меня вырываютъ. Надобно все оставить, и все оставить немедленно, и все оставить безъ остатка, и все оставить безповоротно. Могила, гробъ, черви и прахъ, вотъ все то, что достанется намъ на удѣлъ, и *прошу же гроба*. Безразсудные люди! Для сего ли надлежало производить во глубинѣ сердца своего толикія желанія и толикія предпріятія, предаваться толикимъ заботамъ и попеченіямъ; въ нѣдрѣ государствѣ, возжигать толикія войны, дѣлать толикія сраженія, проливать толико крови, раззорять и опустошать толикія страны и земли? Что же изо всего сего нѣкогда выдетъ? Или лучше въ ка-

(а) Іов. 17.

кой безднѣ, въ какой пропасти не должно ли все сіе на вѣки поглощено быть?

5^е. Смерть наконецъ рѣшитъ все и навсегда. Древо нѣкогда упадетъ и упадетъ оно на право или налѣво, по наклоненію принятому имъ въ теченіи его бытія; вотъ наше изображеніе. Во всю вѣчность будемъ мы то, что были мы въ минуту смерти. Естьли мы умремъ въ состояніи Благодати, нашъ жребій уже опредѣленъ, и мы благополучны на всегда. Естьли же мы умремъ въ состояніи грѣха, наше злополучіе неизбѣжно, и навсегда. Смерть есть одно только мгновеніе, и сіе опасное мгновеніе рѣшитъ о вѣчности. О мгновеніе! мгновеніе страшное! Кто можетъ извѣсить твою тягость? Кто можетъ измѣрить твое продолженіе? Кто можетъ изчислить ужасныя твои слѣдствія?

О смерте, сказалъ Пророкъ, *яко добръ судъ твой есть* (а). И кто, по истинѣ, ему сопротивиться возможетъ? Естьли бы прилѣжно подумали, что надобно умереть, то кто бы столь безрасудно сталъ привязываться къ жизни? Кто бы сталъ забавляться предпріятіями, воображеніями, мечтами, естьли бы онъ

(а) Іис. Сирах. 41.

услышалъ гласъ смерти, вопіющій къ нему, что все не что иное есть, какъ ничтожество и суета? Кто бы столь крѣпко прилѣпился къ земнымъ благамъ исчезающимъ при видѣ назначенныхъ намъ вѣчныхъ благъ? Ктоже бы напротивъ того не сказалъ самъ себѣ: какъ я нѣкогда долженъ умереть, и все оставить смерти, то для чего мнѣ къ тому не пріуготовиться, удалясь отъ всего? Каждый день почитали бы днемъ могущимъ быть послѣднимъ. Всякое дѣяніе отправляли бы какъ дѣяніе могущее быть послѣднимъ въ жизни. Приступали бы къ освященному олтарю, какъ ко престолу самаго Бога. Принимали бы причащеніе Святыхъ Таинъ съ такими чувствами, какъ въ напутствіе къ вѣчности; и какъ жизнь наша не что иное есть, какъ безпрестанное умираніе, то всей жизни надлежало бы быть безпрестаннымъ пріуготовленіемъ къ смерти. Такимъ образомъ старались бы жить, какъ праведные, дабы умереть какъ святые, и по томъ навсегда наслаждаться жизнію избранныхъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ.

О словахъ Святаго Апостола Павла: *по вся дни умираю* (а).

Колико важныхъ истинъ заключается въ сихъ словахъ! Колико предварительныхъ смертей должны пріуготовить сію послѣднюю смерть, сію самовластную смерть, имѣющую нѣкогда окончить жизнь нашу!

Боже живый, какъ мнѣ нѣкогда умереть должно, сотвори что бы вся моя жизнь была безпрестаннымъ пріуготовленіемъ къ смерти. Ты извѣщаешь мнѣ самъ, быть всегда готову, потому что мнѣ неизвѣстенъ ни день, ни часъ, и что смерть можетъ постигнуть меня всякую минуту.

1е. По вся дни умираю. Увы! Сколькимъ уже вещамъ я умеръ! Не умеръ ли я уже всѣмъ годамъ прошедшей моей жизни? Они уже протекли; они миновались, какъ сонъ; они просили и никогда не возвратятся. Остатокъ дней моихъ пробѣжитъ также нечувствительно: я прохожу мой путь, и вижу себя всякій день умирающаго, не дѣлая на то моего вниманія; я достигну до послѣдняго часа жизни, не помышляя о томъ и не ожидая того.

(а) 1. Коринѳ. 15.

2 е. По вся дни умираю, и всякій день теряю я нѣчто изъ моего бытія, и изъ того, что составляетъ теченіе моей жизни. Я чувствую что все мало по малу исчезаетъ; разумъ мой унижается, память моя теряется, глаза мои ослабѣваютъ, силы мои уменьшаются, все тѣло разстроивается и грозитъ паденіемъ; все сіе есть возвѣщатели смерти, все сіе есть самыя смерти подробно пріуготовляющія къ послѣднему концу, и непозволяющія выпускать его изъ вида.

3 е. По вся дни умираю: я ужѐ протекъ великую часть пути, не зная сколько еще мнѣ онаго остается. Я живъ сегодня, завтрашней день не есть мой. Я дышу въ сію минуту, едва увѣренъ я увидѣть слѣдующую. Самая сія безпрестанная ненадежность жизни не есть ли родъ смерти? Въ семъ состояніи на что можно положиться? Возможно ли имѣть что въ виду, брать намѣренія, составлять предпріятія? Что принадлежитъ до меня, я только то предпріемлю, что бы помышлять о смерти, къ ней приуготовляться, и быть на всякую минуту готову. Когда придетъ послѣдняя, будетъ ли тогда время сіе исполнить?

4 е. По вся дни умираю всему тому что проходитъ, всему тому что случает-

ся мнѣ огорчительнаго или утѣшительнаго. Время истребляющее все, не похищаетъ ли у насъ безъ разбора и хорошее и худое? Что въ мірѣ семъ продолжительно и постоянно? Когда придутъ на насъ нещастія, скажемъ: они окончатся скоро, почто намъ столько огорчаться? Когда же получимъ мы какую радость, скажемъ: завтра можетъ быть мы ею ужѐ больше наслаждаться не будемъ, почто ей вдаваться? Какая безрасудность прилѣпляться къ тому, чего противъ воли моей, чрезъ нѣсколько времени больше ужѐ не будетъ! И какая высочайшая степень благоразумія отнюдь не полагаться ни на что такое, что не имѣетъ надежнаго основанія! Единъ Богъ непремѣненъ и есть вѣчное благо; къ Нему-то, о душе моя! къ Нему единственно надлежитъ прилѣпиться; смерть не можетъ Его у насъ похитить.

5е. По вся дни умираю, то есть, всякой день прерываю я нѣкую изъ цѣпей привязывающихъ меня къ жизни. Когда смертъ найдетъ насъ привязанныхъ тысячію цѣпьми, богатствъ, сродниковъ, друзей, предпріятій, надеждъ, и вдругъ надобно будетъ прервать всѣ сіи цѣпи! Какое насиліе! Какая прискорбность! Для избѣжанія оныхъ, я добровольно всякой

день самъ себя по малу освобождаю, предупреждая, сколько силъ моихъ есть, работу смерти, дабы она пришедъ не нашла ничего больше во мнѣ произвести, какъ только разлучить душу мою съ тѣломъ, и вручить ее съ миромъ ея Творцу.

6е. По вся дни умираю, почитая себя ужѐ умершимъ. Душа рѣшившаяся жить только для единаго Бога, не должна принимать участія въ жизни сего міра, подобно какъ мертвые которые ужѐ во гробѣхъ. Для нее нѣтъ ужѐ больше ни увеселеній, ни почестей, ни прибытковъ. Естьли бы стали попирать ее ногами какъ мертвыхъ, она должна молчать и казаться нечувствительною, и ничто ее трогать не должно.

7е. По вся дни умираю. И какъ же могу я хотѣть оставаться долго въ семъ мірѣ? Чего мнѣ въ немъ желать, и о чемъ сожалѣть? Число грѣховъ моихъ не довольно ли велико? Отчетъ которой я о нихъ дать долженъ, не довольно ли ужасенъ? О Боже мой! Я безмѣрно ужѐ во зло употребилъ Твои благодати, и полученные отъ Тебя дни и времена: щастливъ бы я былъ, естьли бы я умеръ въ нѣкоторое извѣстное время; я бы тогда съ лучшимъ расположеніемъ предсталъ предъ

Тобою; впрочемъ, когда бы я и еще долѣе жилъ, все бы смертію же кончилось; но съ прибавленіемъ трудности, грѣховъ и страха? Смерть отсроченная есть ли меньше смерть? Тысяща лѣтъ предъ очами Твоими, о Боже мой! яко день вчерашній, иже мимо иде, или какъ бы онъ во все не былъ; одни только разскаянія послѣ того остаются.

8^е^. По вся дни умираю. Щастливъ я, есть ли могу совершить теченіе мое въ Твоей благодати, окончить жизнь мою въ Твоей Святой любви, умереть смертію праведныхъ! Для сего только я жить желаю, къ сей только вожделенной метѣ я стремлюся. Я употреблю всѣ мои труды, всѣ мои старанія о семъ великомъ всѣхъ временъ дѣлѣ, о сей ежедневной и безпрестанной моей и всѣхъ смерти.

Какая пріятность, о душе моя! Какая внутренная тишина. Какая спокойная будетъ смерть есть ли ты расположишься по симъ чувствамъ, и есть ли ты чистосердечно можешь съ Апостоломъ сказать: *по вся дни умираю.* Такъ, всякій день узнаю я больше и больше ничтожество міра; всякій день отвыкаю я отъ тварей; всякій день прерываю я нѣкую связь моего сердца; всякій день поборaю я нѣкій порокъ, или нѣкій недостатокъ;

всякій день стараюсь я умереть нѣкой вещи, и желаю умереть всему. О блаженная жизнь, умирающая такимъ образомъ безпрестанно! Какъ она свята, какъ она угодна Богу! Съ какою святостію пріуготовляетъ она насъ къ сей властительной смерти, которой нѣкогда непремѣнно подвергнуться должно! Какимъ надежнымъ способомъ располагаетъ она насъ къ ожидаемой нами безсмертной и вѣчной жизни! Да умираемъ всякій день смертію Святыхъ, дабы нѣкогда жить жизнію избранныхъ.

Правда, о душе моя! сія безпрестанная смерть непріятна и трудна природѣ; но умираютъ ли безъ труда и равнодушно? И такъ ополчимся Святою довѣренностію, воздвигнемъ нашу бодрость и нашу твердость. Мы будемъ умирать для Бога, мы будемъ умирать всякій день, дабы жить вѣчно; соединимъ нашу смерть и жертву съ смертію и жертвою Іисуса Христа. Послѣ всего, какъ бы продолжительна, какъ бы печальна, какъ бы прискорбна ни была сія ежедневная смерть, Благодать усладитъ горести, надежда умягчитъ жестокости, награжденіе увѣнчаетъ труды.

МОЛИТВА.

Истинно, о Боже мой! я долженствую подвергнуться не единой токмо той смерти, которая соблюдается мнѣ къ концу моей жизни. Ежедневно вкушаю я ту смерть, которая есть начало и провозвѣщенiе настоящей смерти, имѣющей окончить мое теченiе. Увы! мы говоримъ, что мы нѣкогда умремъ, а не видимъ того, что мы ужѐ повсеминутно умираемъ. Мы думаемъ, что живемъ, а вмѣсто того умираемъ; смерть производитъ надъ нами всякiй день свое дѣйствiе, а мы не помышляемъ производить въ насъ дѣйствiя Божiя.

Ты, который есть истинная жизнь, прiими днесь приносимую Тебѣ отъ меня жертву моихъ дней; живи во мнѣ: отвлеки меня отъ всего временнаго; представляй мнѣ безпрестанно сiю смерть, которая всякую минуту вырываетъ у меня нѣкую часть моего бытiя. По вся дни умираю, по что прилѣпляться мнѣ къ мiру? По вся дни умираю; почто не прiуготовляться мнѣ всякiй день къ

смерти? Нѣкогда скажутъ обо мнѣ, онъ умеръ. Мнѣ надлежитъ сказать самому себѣ, я умираю повсеминутно: и, какъ нечувствительно лишаюсь я сей смертной похищаемой у меня жизни, то сотвори меня достойна той назначенной мнѣ вѣчной жизни.

Употребленія въ дѣйство.

1е. Я буду ежедневно приносить жизнь мою Богу въ жертву.

2е. Я буду взирать на посылаемыя отъ Него мнѣ болѣзни и немощи, какъ на спасительныя отъ Него мнѣ извѣщенія, и средства ко пріуготовленію меня къ смерти.

3е. Я присовокуплю жертву моей жизни къ таковой Іисуса Христа на крестѣ.

4е. Я буду часто пріобщаться Святыхъ Таинъ, дабы всегда готову быть къ смерти.

5е. Я буду почитать всякій день могущимъ быть послѣднимъ моимъ днемъ.

6е. Я буду памятовать, что въ качествѣ христіанина долженъ я быть мертвъ міру и всему.

ЧТЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

О частномъ судѣ грѣшника.

Частный судъ есть тотъ, которой произведенъ будетъ надъ нами въ самую минуту нашей смерти; ибо прежде послѣдняго дня, сего великаго дня мщеній, когда всѣ люди призванные на Іоасафатово полѣ, должны будутъ предстать всеобщему суду, для торжественнаго и явнаго оправданія отъ Провидѣнія, будетъ другій частный и личный судъ, которому всякой изъ насъ при окончаній жизни своей подверженъ.

Судъ по видимому не столь страшный, потому что будетъ онъ безъ пышности, безъ торжества, безъ блеска, но въ самомъ дѣлѣ будетъ онъ наиужаснѣйшій въ разсужденіи его слѣдствій и дѣйствія, для того что тутъ-то рѣшится вѣчный жребій каждаго изъ насъ, и что тотъ послѣдующій послѣдній судъ будетъ токмо всенароднымъ объявленіемъ перваго ему предъидущаго.

Такимъ образомъ, по краткомъ времени нѣсколькихъ только лѣтъ протекшихъ на земли, по жизни проведенной часто въ суетѣ, въ пустыхъ увеселеніяхъ, иногда въ безпорядкѣ и неумѣренности страстей; по болѣзни можетъ быть про-

должительной и томной, можетъ быть краткой и нѣсколькихъ только дней; по тревогамъ, тоскамъ, лишенія силы последнею борьбою, придетъ наконецъ рѣшительная минута кончить намъ наше теченіе, и заставить сказать о насъ, что мы говаривали о многихъ другихъ, *онъ умеръ*. Нѣсколько слезъ, истинныхъ или притворныхъ, нѣсколько сожалѣній, по любви или по благопристойности, сопутствуютъ тѣлу умершаго, которое немедленно должно отнять отъ устрашенныхъ очей живыхъ.

Я мысленно провождаю сію душу разлученную съ тѣломъ; вотъ вступила она въ вѣчность, пренесена въ сіе мрачное обиталище мертвыхъ. Какой въ сію минуту ея ужасъ при вступленіи въ сей новый путь? Одна, удивленная, изумленная, бывши подобно какъ объятая Божіимъ величествомъ, находитъ теперь она себя совсѣмъ оставленную Богомъ.

Она оставлена міромъ и тварьми; ея друзья, ея сродники, ея покровители, словомъ, все то, что имѣла она дражайшаго въ мірѣ, проводило ее досѣлѣ; но при входѣ въ сію чуждую землю, въ предѣлы сего мрачнаго обиталища, все удалилось. Гдѣ онѣ теперь, сіи плотскія руки, сіи

очаровающіе предметы, сей обманчивый истуканъ міра? Увы! въ продолженіи ея жизни она жертвовала имъ своимъ имуществомъ, своимъ покоемъ, своимъ спасеніемъ: въ сію минуту все изчезло, душа остается одна съ своими дѣлами и раскаяніями.

Она оставлена собственною своею совѣстію, то есть, тою ложною и заблуждающею совѣстію, которая въ продолженіи ея жизни, ее соблазняла и ослѣпляла, но тутъ содѣлавшись прямою совѣстію, и вышедъ изъ своего усыпленія и заблужденій, *предаетъ она грѣшника самому себѣ*, его раскаяніямъ и его нещастію.

Сіи оставленія ужасны: но есть еще одно таковое гораздо прискорбнѣе и тягостнѣе. Быть оставленной своимъ Богомъ, Богомъ столь преисполненнымъ прежде сего благостію, любовію и милосердіемъ къ ней, и находить только въ немъ Бога правосуднаго, раздраженнаго и мстящаго.

И такъ вообразимъ себѣ душу въ семъ нещастномъ положеніи, въ сію страшную минуту. Вотъ она, при выходѣ изъ ея тѣла, тотчасъ пренесенная въ судилище ея судіи; одна съ Богомъ однимъ; съ одной стороны рай, съ другой адъ; су-

дилище Божіе въ срединѣ; и душа будучи между однимъ и другимъ, трепещетъ при ногахъ своего судіи, въ ужасномъ ожиданіи вѣчнаго своего опредѣленія. Какіе предметы представляются тутъ сей удивленной душѣ! Плачевное изображеніе всей ея жизни явится ея взору, отъ перваго употребленія ея разсудка, до послѣдняго; всѣ ея мысли, всѣ ея слова, всѣ ея дѣянія, всѣ ея согрѣшенія будутъ судимы съ нею. Какія потаенныя чувства! Какіе сокрытые предметы! Какія заблужденія! Какія ложныя правила! Какія излишества!

Не подумаемъ, чтобы потребно было долгое время на сіе сужденіе и на рѣшеніе вѣчнаго жребія сей грѣшной души: одно мгновеніе рѣшитъ все и навсегда: конечно такъ, въ самую ту минуту, какъ душа выдетъ изъ своего тѣла, она найдетъ своего Бога, онъ ей явится, и не инако, какъ въ *качествѣ судіи*. Тогда божественный свѣтъ поразитъ ея взоръ, и она увидитъ въ немъ, какъ въ блистательномъ зеркалѣ, въ одно и тоже время свои грѣхи, свое обвиненіе и свой вѣчный жребій. Она увидитъ тамъ свои грѣхи, ихъ число, ихъ обстоятельства, ихъ великость, ихъ продолженіе: она увидитъ тутъ заслуженное ея обвиненію, и будетъ

читать его собственными своими глазами, чувствуя справедливость, причины и соразмѣрность онаго; она увидитъ тутъ вѣчный свой жребій, непремѣнный, и тѣмъ самимъ приводящій въ отчаяніе: все совершилось, скажетъ ей Верховный судія, ты суждена, ты обвинена, я тебя отвергаю, я тебя проклинаю, я тебя удаляю отъ Меня на вѣкъ, очи и сердце Мое отвращены отъ тебя, и ты Меня никогда не увидишь. Тотчасъ исполнители воли Бога мщеній схвативъ душу повлекутъ ее въ мѣсто ужаса, гдѣ мученія будутъ навсегда ея участію, ее туда ввергнутъ, и тѣмъ все кончится.

Увы! о Боже мой! Не прошло еще больше одной минуты, какъ сія душа испустила послѣднее свое дыханіе; тѣло ея лежитъ еще на одрѣ болѣзни, и имѣетъ еще нѣкоторой остатокъ естественной теплоты; ближніе его окружаютъ его въ прискорбномъ молчаніи, орошаютъ его еще своими слезами, смотрятъ на него съ ужасомъ, и отходятъ прочь пораженные; тѣло еще не опущено въ землю, а душа уже ввергнута во адъ.

Таковы суть для сей души ужасныя слѣдствія сего страшнаго суда; вѣчное проклятіе Божіе на нее падаетъ; она опре-

дѣлается на жесточайшее мученіе навсегда; несносное отчаяніе совершаетъ всѣ ея нещастія. Вотъ, говорю я, сія душа пораженная, проклятая Богомъ, удаленная отъ Бога на вѣкъ. Она никогда не увидитъ Бога, никогда не соединится съ Творцемъ бытія своего; темное облако закрываетъ ее навсегда отъ очей его; она будетъ возсылать къ нему свои воздыханія, они отринутся назадъ; она будетъ жалостно къ нему вопіять, никогда то услышано не будетъ; и тотъ самый, которой чрезъ пріобрѣтеніе его утвердилъ бы ея блаженство, чрезъ разлученіе съ нимъ и лишеніе его, содѣлаетъ навсегда ея злополучіе.

Какое ужасное, какое тяжкое будетъ отчаяніе сей души, когда почувствуетъ, что она бы могла быть благополучною, а теперь видитъ она себя осужденною на нещастіе, безъ утѣшенія, безъ надежды, на вѣкъ безъ помощи! Но все уже кончилося, сія душа была судима, жребій опредѣленъ, нещастіе совершенно; пропасти разверзлись, дабы поглотить ее на вѣки. Неизмѣримый хаосъ запирается надъ нею, и надъ сею закрытою пропастію, рука Божія начертываетъ огненными буквами слѣдующія навсегда страшныя слова: вѣчность, вѣчность, вѣчность.

Размышленіе о томъ же.

Я знаю, о Боже мой! что и я самъ подвергнуся нѣкогда таковому же страшному сужденію, какъ сія душа, и что въ самую минуту моей смерти предстану я предъ Тебя для отданія отчета о всей моей жизни и полученія опредѣленія о вѣчномъ моемъ жребіи. Я хочу воспріять, въ разсужденіи сего, мои мѣры, единъ съ Тобою единымъ, подобно какъ тогда; я повергаюсь теперь предъ подножіемъ креста Твоего, какъ бы тогда предъ подножіемъ судилища Твоего, и хочу самъ себя судить, или лучше, представить себя Тебѣ, яко моему верховному судіѣ, и объявить, въ чемъ я нѣкогда судимъ буду.

Подкрѣпи меня, о Боже мой! Я прошу у Тебя въ сію минуту всѣхъ свѣтовъ, могущихъ озарить мой разумъ, всѣхъ сокрушеній долженствующихъ проникнуть мое сердце; наконецъ, всѣхъ благодатей ко пріуготовленію меня къ сему страшному суду, и ко предупрежденію строгостей онаго.

И такъ Верховный судія сѣдитъ на судилищѣ своемъ, душа трепещущая и устрашенная при подножіи сего судилища съ боязнію ожидаетъ вѣчнаго своего опредѣленія, Богъ открываетъ книгу жизни и

смерти ея взору, и страшный судъ начинается. Вотъ, о душе моя! въ чемъ состоять будетъ дѣло: вотъ тѣ седмь главныхъ статей, о которыхъ мы вопрошены будемъ, и на которыя всѣ мы отвѣтствовать долженствуемъ; пріуготовимся къ тому; по сему-то рѣшится наша вѣчность.

1е. Строгое сужденіе содѣянныхъ нами грѣховъ, грѣховъ мыслей, словъ, дѣяній; грѣховъ всѣхъ временъ и всѣхъ возрастовъ; грѣховъ въ ихъ родѣ и ихъ обстоятельствахъ; грѣховъ можетъ быть утаенныхъ на исповѣди, потому что ложный стыдъ заградилъ уста, не взирая на внутреннія угрызенія тревожущейся совѣсти; грѣховъ полуоткрытыхъ на исповѣди, умягченныхъ или не объясненныхъ, оставляя душу неочищенною и сердце неуспокоеннымъ; грѣховъ забытыхъ, но можетъ быть какъ бы добровольно забытыхъ, потому что какъ скоро представятся они разуму, тотчасъ ихъ удаляютъ, какъ безпокойныя мысли препятствующія увеселеніямъ и возбуждающія раскаянія: сколько до того времени скрытыхъ изверговъ содѣлаются тогда явными!

Можетъ быть въ продолженіи моей жизни я скрывалъ и извинялъ мои грѣхи.

Богѣ представитѣ мнѣ ихѣ тогда во всемѣ ихѣ ужасномѣ видѣ; увы! какѣ бы они велики ни были, естьли бы вѣ нихѣ раскаялися, прощены бы они были; но естьли существовали они до смерти, то будутѣ жить они вѣ вѣчности, для содѣланія ее навсегда злополучною.

9е. Жестокое сужденіе грѣховѣ, до которыхѣ довели мы другихѣ поданіемѣ худыхѣ совѣтовѣ, худыхѣ примѣровѣ, случаевѣ ко прогнѣванію Бога, и кѣ погибели душѣ: сіи веденые вольные и дерскіе разговоры; сіи сообщенныя вредныя книги; сіи нескромные и непристойные виды, сіи украшенія, сіи свѣтскіе наряды, сіи нечестивыя шутки надѣ закономѣ и надѣ святыми его обрядами: все сіе не подвергнетѣ ли отвѣту за все то учиненное предѣ Богомѣ зло, кѣ которому поданѣ поводѣ? Сколько можетѣ быть предѣ очами Его виновнѣе будутѣ за преступленія другихѣ, которымѣ подали они кѣ тому поводѣ, нежели за свои собственныя? О Боже мой! не довольно ли было мнѣ тяжкаго бремя собственныхѣ моихѣ грѣховѣ, не налагая на себя еще чужихѣ? Таковому подвергнешь Ты меня сужденію, и такової востребуешь Ты отѣ меня отчетѣ.

3е. Ужасное суждение грѣховъ, которыхъ содѣянію мы не воспрепятствовали, будучи къ тому обязанными. Въ тысячи случаяхъ мы могли и должны были то учинить. Намъ поручено былоназиданіе, хорошій порядокъ, мы о томъ нерадѣли. Мы видѣли сего человѣка весьма огорченнаго, одно слово его бы успокоило. Намъ ввѣрено было воспитаніе сей особы, мы оставили ее на волю ея склонностей: мы будемъ отвѣчать кровію за кровь, душею за душу. Мы слышали злословіе упраздняющее хорошее имя ближняго, нечестіе и беззаконіе проповѣдующее пагубныя правила; боязливое человѣкоугодіе заградило уста наши; сіе самое молчаніе есть преступленіе, часто соблазнъ, иногда предательство и нѣкоторый родъ отступничества. Колико душъ принесутъ предъ Бога величайшее бремя какъ собственныхъ своихъ, такъ и чужихъ грѣховъ, которыхъ содѣянію долженствовали они воспрепятствовать?

Не ужѐ ли не зазираетъ меня тутъ совѣсть? Богъ будетъ о томъ судить не по милосердію ужѐ своему; но по строгости неумолимаго Его правосудія, и что мнѣ тогда отвѣтствовать, когда я самъ себя обвинить принужденъ.

4е. Страшное сужденіе о добрѣ нами несдѣланномъ. Я слышу Апостола говоря-

щаго: *вѣдущему убо добро творити, и не творящему, грѣхъ ему есть* (а). Сколько добраго могли бы сдѣлать и пропустили! Проповѣдовали слово Божіе, прилѣжно ли мы его слушали? Приносили божественную жертву, стояли ли мы съ благоговѣніемъ? Увѣщавали приступить къ Святымъ Тайнамъ, часто ли мы то дѣлали? Вопли недостатка и бѣдности доходили до насъ, отверзли ли мы ихъ надобностямъ чувствительное сердце и благотворную руку? Больные, вспомоществовали ли мы имъ въ ихъ немощахъ? Огорченные, утѣшали ли мы ихъ въ ихъ печаляхъ? Въ темницахъ заключенные, посѣщали ли мы ихъ въ ихъ узахъ? Сколь многіе успокоиваются тѣмъ, что они не сдѣлали великихъ преступленій, когда на противъ того должны они трепетать, что не произвели въ дѣйство великихъ добродѣтелей, имѣвши къ тому толико способовъ? О душе моя! молись, трепещи; суди сама себя, и не дожидайся того, что бы Богъ позвалъ тебя во всемъ томъ на непремѣняющійся судъ.

5е. Строгое сужденіе и о добрѣ нами содѣянномъ: ибо Богъ отмщающій угрожаетъ призвать на судъ и самихъ праведныхъ. Мы сотворили добрыя дѣла, но какъ,

(а) Іаков. 4.

по какой причинѣ, и съ какими намѣреніями? Тщеславіе, человѣкоугодіе не принимали ли тутъ участія? Милостыни безъ разбора, молитвы безъ вниманія, исповѣди безъ сокрушенія, причащенія безъ пріуготовленія и безъ плода: обманчивое древо, ты приносило только поврежденные плоды; пожирающій червь самолюбія всѣхъ ихъ изгадилъ. Увы! какой будетъ нашъ жребій? Думая, что собрали мы великія сокровища заслугъ, явимся мы предъ Бога съ ничѣмъ. Боже мой! какъ твои сужденія строги! Можетъ быть самыя мои добродѣтели обвинены будутъ, и то, чѣмъ уповалъ я удостоиться нѣсколько Твоей милости, послужитъ къ моему осужденію.

6е. Ужасное сужденіе о полученныхъ нами благодатѣхъ, которыми мы не воспользовались; толикія просвѣщенія, святыя чтенія назидательныхъ примѣровъ, живыя вдохновенія, спасительныя раскаянія. Богъ держа въ рукѣ вѣсы, положитъ на одну сторону свои дары и благодати, а на другую будетъ онъ ожидать, что бы мы положили нашу вѣрность и наше соотвѣтствіе. Куда дѣвались толикія благодати, и какой собралъ ты съ нихъ плодъ? Тиръ и Сидонъ, пріидите посрамить сихъ неблагодарныхъ и вѣроломныхъ христіанъ. Нещастные! вы принуждаете Меня поло-

жить въ нерадѣніи оставленныя Мои благодати въ число множайшихъ вашихъ преступленій; и то что долженствовало содѣлать ваше блаженство, запечатлѣетъ вашу погибель и ваше обвиненіе.

Какъ, о Боже мой! не трепетать мнѣ при видѣ и ожиданіи столь строгаго испытанія? Когда сія единственно мысль въ состояніи теперь меня тревожить, что же будетъ во время исполненія?

7е. Сужденіе, ужаснѣйшее еще сужденіе о тѣхъ самихъ благодатѣхъ, которыхъ мы ни получали. Не уже ли мы, о Боже мой! виновны въ томъ, что Ты не былъ щедръ? Вотъ изъясненіе сей страшной тайны дня мщеній. Сіи благодати Богъ намъ предуготовилъ; но мы не получили ихъ отъ себя. Естьли бы мы пребыли вѣрными, онѣ бы конечно намъ достались; первыя привлекли бы за собою другихъ, а за сими бы послѣдовали еще иныя драгоцѣннѣйшія: наша невѣрность ихъ отъ насъ удалила и подвергла насъ отчету о нихъ. Солнце сіяло, а мы зажмурились: извинительны ли мы, что мы не видали? Нещастныя души! въ то время когда многія осуждены будутъ за блага, которыя онѣ получили, вы такъ же осуждены будете за таковыя, которыхъ вы ли-

шены были. Сколько благодатей возстанутъ въ сiю минуту противъ васъ, и будутъ требовать, что бы надъ вами сдѣлано было отмщенiе!

Таковое и еще жесточае будетъ мнѣ сужденiе при концѣ моемъ; во всемъ томъ я изслѣдуемъ и судимъ буду. Увы! не увижу ли я себя тогда въ состоянiи сей грѣшной души, о нещастiи которой дѣлалъ я размышленiя?

Ничего другаго тутъ не остается, кромѣ того, что Верховный Судiя произнесетъ на конецъ ужасное о сей душѣ рѣшенiе, опредѣляющее навсегда ея жребiй съ ея нещастiемъ: *иди отъ Мене, проклятая душа, иди во огнь вѣчный.* Страшныя изреченiя! Я увѣренъ, что я ихъ нѣкогда услышу, и не надеженъ въ томъ, что бы оныя мнѣ сказаны не были. И такъ съ сего времени во весь остатокъ дней моихъ составлю я изъ сего предметъ моихъ разсужденiй, моихъ страховъ и моихъ раскаянiй.

МОЛИТВА.

Колико ужасны суды Твои, о Боже мой! И колико ослѣплены люди, что

не размышляютъ о нихъ денно и нощно! Завтра можетъ быть они имъ подвергнутся, а сего дня живутъ они въ разсѣянiи и заблужденiи. Господи! не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ: когда праведный оправдиться не можетъ, то что будетъ съ человѣкомъ грѣшникомъ и повиннымъ? Какой будетъ мой жребiй въ сей страшный день! Буду ли я въ числѣ избранныхъ? Не получу ли я нещастiя быть отринуту съ осужденными? Ты теперь еще Отецъ преисполненный благости, услыши гласъ моихъ раскаянiй и моихъ воздыханiй, доколѣ есть еще время. Съ моей стороны, я буду прiуготовляться къ серому великому дню, и вотъ какiя намѣренiя воспрiемлю я при подножiи креста Твоего, какъ бы при таковомъ судилищѣ Твоего правосудiя.

Употребленiя въ дѣйство.

1е. Я буду часто размышлять о жестокости Твоего сужденiя, и буду часто приводить къ себѣ на память о томъ мыслъ,

весьма способную ко вперенїю въ меня спасительнаго страха.

2е. Я употреблю ежедневное старанїе о прїуготовленїи себя къ оному; я буду судить самъ себя строго; я поставлю себя выше людскихъ сужденїй, когда они будутъ удалять меня отъ Святыхъ Твоихъ уставовъ.

3е. Я послѣдую совѣту кающагося Пророка: во всѣхъ моихъ помышленїяхъ, словахъ, дѣянїяхъ, сужденїя Твои будутъ привиломъ моего поведенїя.

4е. Наконецъ, возложу я на Тебя мое упованїе, буду просить Твоего милосердїя, буду стараться быть готову явиться предъ Тобою, когда Ты меня позовешь. И такимъ образомъ приложу я попеченїе о содѣланїи моего Судїи ко мнѣ милостивымъ, и сужденїе Его ко мнѣ благосклоннымъ: таковы суть мои чувства! Ахъ! естьли бы я могъ сохранить ихъ во всю мою жизнь, и носить ихъ начертанныя на моемъ сердцѣ до самой той минуты, какъ предстану предъ Тобою!

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕНАДЕСЯТЬ.

О лишенїи Бога.

Вотъ вѣчное размышленїе осужденнаго, и чувства занимающїя, мучащїя и терзаю-

щія навсегда его сердце, которыхЪ онЪ ни на одно мгновеніе удалить отЪ себя не можетЪ: я лишился Бога, я лишился Его моею виною, я лишился Его навсегда. Краткія слова; но великій предметЪ размышленія на всю жизнь, можетЪ быть на цѣлую вѣчность!

ВообразимЪ себѣ душу погруженную вЪ горести мрачной своей печали, вЪ средоточіи самой себя, поглощенную глубиною угнѣтающихЪ ея разсужденій, и вЪ безднѣ ужаснаго ея отчаянія, говорящую безпрестанно саму себѣ:

1е. Я лишилась Бога, моего Создателя, моего Спасителя, Творца моего бытія, моего перваго начала, моего послѣдняго конца, Источника моего блаженства. Я лишилась Бога; я сотворена, дабы Его имѣть; ОнЪ меня создалЪ для Него, ОнЪ назначилЪ меня кЪ своей славѣ; для того то поставилЪ ОнЪ меня на землю; теперь долженствовала бы я царствовать сЪ НимЪ вЪ небѣ. Я лишилась Бога; увы! мнѣ то возвѣщали, я подверглась сему добровольно. Безразсудная! какЪ мало знала я важность сей потери и бездну сего нещастія! Я лишилась Бога; лишась Его я все потеряла, богатства, почести, увеселенія, вольность, утѣшеніе, надежду; и

что можетъ у того оставаться, кто потерялъ Верховное Благо? Я всего лишилась, увы! сего уже безмѣрно много для возбужденія сожалѣній во все продолженіе жизни; малѣйшую потерю принимаютъ съ чувствительностію, и предаются столь горестнымъ сѣтованіямъ; въ потерѣ одной вещи можно утѣшиться другою оставшею; но лишась Бога, я потеряла все безъ изъятія. Я лишилась благости, которой пріятности неизреченныя; красоты, которой прелести восхитительныя; щедроты, которой сокровища неистощимыя: всѣ сіи Божественныя совершенства долженствовали содѣлывать мое блаженство, а теперь они усовершенствуютъ мое злополучіе.

Я лишилась Бога: едва избавясь отъ узъ сего тѣла, увидѣла я тотъ конецъ, на которой я была призываема; помышляя о его восхитительныхъ прелестяхъ, я бы не взяла за него ни тысячи міровъ; я усмотрѣла мое блаженство, сила и стремленіе склонности меня къ нему влекли; я бросилась къ нему съ такою скоростію, какъ молнія къ земному шару: ахъ! сказала я, вотъ мое благополучіе и средоточіе моего блаженства: но, увы! сіе блаженство сокрылось отъ ненасытныхъ моихъ желаній, неизмѣримый хаосъ сдѣлал-

ся между нами преградою. О Вышшее и отмщающее Существо! почто было являть мнѣ толико прелестей, дабы тотчасъ отнять ихъ отъ взора моего? Почто было давать мнѣ чувствовать толико пріятностей, дабы вдругъ лишить оныхъ сердце мое? Почто было возбуждать во мнѣ толико сильную жажду, дабы оставить меня исчезать зноемъ?

Все требуетъ своего Бога у сего осужденнаго; душа его требуетъ у него своего Бога, какъ первую и важную истину, воля его требуетъ у него своего Бога, какъ вышшую благость; всѣ его склонности требуютъ у него своего Бога, какъ источника чистыхъ наслажденій; на всѣ сіи столь усильныя требованія представляется только сія навсегда отчаянная мысль: я лишился Бога. *Гдѣ есть Богъ твой?*

Но что я говорю? Я лишился Бога! Нѣтъ, я Его еще нахожу: я лишился Бога благаго, Бога милосердаго, Бога отца, а нахожу ужè Бога раздраженнаго, неумолимаго и мстящаго; я вижу Его ополчена противъ меня, и присутствіе Его чувствуется токмо по Его ярости.

2е. Я лишился Бога, и лишился Его моею виною. Я осужденъ, и могу спастися: доколѣ человѣкъ находится въ сей

жизни, бываетЪ онЪ очарованЪ сотворенными предметами, ослѣпленЪ, влекомЪ чувствами. ИсавЪ за блюдо обыкновенной пищи продалЪ свое право первенства: сперва не узналЪ онЪ своего нещастія; но когда увидѣлЪ онЪ благословенія которыхЪ онЪ лишился, когда разсудилЪ онЪ о своей потерѣ и о цѣнѣ ея, сталЪ онЪ воздыхать, стенать и проливать горестныя слезы: *и возопи гласомЪ веліимЪ, и горькимЪ зѣло* (а). Печальный, но естественный образЪ осужденнаго, пожертвовавшаго своимЪ БогомЪ, своимЪ спасеніемЪ и своею душею! И чему же? Слабому удовольствію, гиблющимЪ предметамЪ, минутному веселію. ВЪ продолженіи жизни, соблазняемый своими страстями, дѣлаетЪ онЪ пожертвованія безЪ жалости, и не видитЪ своей потери: но когда очи его откроются смертію, и онЪ увидитЪ важность потеряннаго, и незначимость предпочтеннаго блага, ничтожество всякаго предЪ симЪ верховнымЪ благомЪ: ахЪ! какое будетЪ тогда его удивленіе, его сожалѣніе и его отчаяніе? КакЪ! для благЪ гиблющихЪ, благЪ минутныхЪ, для ложныхЪ и всегда горестію наполненныхЪ увеселеній, лишить мнѣ себя благЪ истин-

(а) Быт. 27.

ныхъ, благъ безсмертныхъ, имѣя возможность спастися, учиниться осужденнымъ, и осужденнымъ за бездѣлицы?

Я лишился Бога моею виною. Естьли бы по принужденію нещастной необходимости, естьли бы по влеченію неминуемаго предѣла ввергнулся я въ адъ; естьли бы погибъ я отъ того что я не могъ спастися; естьли бы я былъ обѣтованная жертва гнѣву Божію, и мое нещастіе было бы неизбѣжное, то могъ бы я проклинать мой жребій, не упрѣкая въ томъ самого себя. Но нѣтъ, осужденный, въ бѣзднѣ золъ своихъ, видитъ что онъ самъ содѣлалъ себѣ бѣдствія: онъ видитъ, что на себя единаго пѣнять долженъ; и такъ къ смятенію своему принужденъ онъ сказать и признаться въ отчаяніи своемъ, что онъ лишился Бога по тому только, что онъ хотѣлъ Его лишиться, что онъ нещастливъ по тому только, что онъ былъ виненъ, что онъ осужденъ, и что онъ могъ спастися.

Я лишился Бога, и лишился его моею виною. Чего Богъ не дѣлалъ къ моему спасенію? Имѣлъ ли недостатокъ въ помощи и способахъ къ оному? Какія благодати! Какія озаренія! Какія святыя внушенія! Какія хорошія желанія! Какія чув-

ствительныя раскаянія! Родители Христіане, воспитаніе благочестивое, естественное омерзѣніе ко грѣху, спасительный страхъ Божій впечатлѣнный въ моемъ сердцѣ, я употребилъ во зло всѣ сіи средства, я преступилъ всѣ предѣлы, я заглушилъ всѣ сіи святыя желанія и сіи живыя раскаянія: я могъ бы спастися, а я себя погубилъ. Я имѣлъ предъ очами моими столько хорошихъ примѣровъ, я былъ ими тронутъ, восхищенъ, самый міръ научалъ меня выходить изъ заблужденія; онъ мнѣ наскучивалъ, онъ мнѣ противнымъ казался, онъ подавалъ мнѣ тысячу причинъ его ненавидѣть: я не переставалъ жаловаться на его суровости и на тяжесть его бремени; я иногда размышлялъ о угрожающей мнѣ опасносности: смерть какого родственника, обращеніе какого пріятеля меня тревожили, меня устрашали: я помышлялъ возвратиться къ Богу; я откладывалъ; я успокоивался намѣреніемъ принести нѣкогда покаяніе; я не имѣлъ къ тому времени, или употреблялъ его во зло, и теперь я осужденъ.

Что надлежало сдѣлать къ моему спасенію? Увы! часто гораздо меньше, нежели я сдѣлалъ къ моей погибели. Ахъ! естьли бы въ такой-то день, при та-

комЪ - то случаѣ послѣдовалЪ я озаряющему меня свѣту, естьли бы воспользовался я побуждающимЪ меня благимЪ движеніямЪ, естьли бы воспользовался я симЪ убѣжищемЪ куда меня звали, естьли бы сей торжественный день приступилЪ я ко СвятымЪ ТайнамЪ, какЪ я намѣревался, естьли бы я пожертвовалЪ Богу тѣмЪ что онЪ отЪ меня требовалЪ, то бы теперь былЪ я вЪ раю со избранными, а я осужденЪ на вѣки.

НѣкоторОе время началЪ было я весьма хорошо, я былЪ Божій, и я безмѣрно былЪ тѣмЪ доволенЪ. Еще бы нѣсколько лѣтЪ продолженія, нѣсколько дней сраженія, то бы я былЪ спасенЪ, а я теперь осужденЪ.

Сколь прискорбно, сколь ужасно видѣть что бывши окруженнымЪ благодатями, взысканнымЪ милосердіями, содѣлаться, не взирая на все то, осужденнымЪ и навсегда злополучнымЪ! Одни ли невѣрные и идолопоклонники осуждены будутЪ? Но христіане, но я, рожденный вЪ нѣдрѣ вѣры, вЪ озареніи свѣта и во избыткѣ благодатей, нещастный! я сЪ лишкомЪ заслужилЪ мое злополучіе. Я могЪ спастися, и я осужденЪ.

3е. Я лишился Бога, и лишился Его навсегда. И такЪ все совершилося; опре-

дѣленіе о мнѣ сдѣлано, мой жребій рѣшенъ, мое нещастіе навсегда безъ помощи; единъ только есть Богъ, и я его никогда не увижу; есть обиталище избранныхъ, и я никогда въ него не вниду; есть блаженство, и я никогда имъ наслаждаться не буду. Страшная мысль, никогда, и всегда! Никогда утѣшенія, никогда конца, никогда милосердія, никогда луча надежды! Всегда во слезахъ, всегда въ раскаяніяхъ, всегда въ страданіяхъ, всегда въ огорченіи и отчаяніи! Годы пройдутъ, вѣка протекутъ, солнце тысяче-кратно начнетъ и кончитъ свой путь; государства множество разъ перемѣнятъ ихъ виды, а осужденный лишь только начинаетъ свое теченіе. Но, Боже мой! не ужѐ ли ты никогда не умилосердишся, никогда не укротишь гнѣва твоего? Ты бывый доселѣ толико благъ, толико милостивъ, толико жалостливъ, не ужѐли не тронешься воплями, стенаніями, слезами, огненными воздыханіями возсылаемыми къ Тебѣ отъ тварей оозданныхъ по образу Твоему, и искупленныхъ Твоею кровію! Какъ! не ужѐ ли и по прошествіи миліоновъ лѣтъ и множества вѣковъ, правосудіе Твое не удовлетворено будетъ? И нѣкоторые лучи милосердія не явятся очамъ моимъ? Нѣтъ, сей отмщающій

Богъ не услышитъ никогда моего гласа и пребудетъ навсегда неумолимъ въ Его мщеніяхъ. Между Имъ и мною воздвигнется вѣчная преграда; мрачное и ужасное облако сокроетъ Его на вѣкъ отъ взора моего; неизмѣримый хаосъ разлучитъ и раздѣлитъ насъ навсегда. Я возведу мои очи, и Его не увижу, я испущу мои вопли, и Онъ ихъ не услышитъ: я воззову отца, и Онъ будетъ только мстителемъ.

Таковый будетъ навсегда жребій и нещастіе осужденныхъ. Чѣмъ далѣе бубутъ они входить въ нѣдро сей вѣчности, тѣмъ болѣе будетъ Богъ отъ нихъ удаляться: никогда не казался Онъ имъ столь великимъ, столь прекраснымъ, столь совершеннымъ, столь достойнымъ ихъ любви: въ самое время изрыгаемыхъ ими Богохуленій, будутъ они принуждены признаться, что Онъ безконечно достоинъ быть любимъ. Жаждущій елень бѣгущій ко источникамъ, брошенный камень летящій къ своей точкѣ, есть слабое изображеніе стремленія сей души къ ея Богу. Она Его взыскуетъ, она Его желаетъ, она противъ воли своей о Немъ воздыхаетъ; но сей раздраженный Богъ убѣгаетъ отъ стремленія ея желаній: невидимая рука кажется влечетъ сію душу къ Богу, а

отмщевающая и неумолимая рука тотчасъ ее останавливаетъ и отторгаетъ. Какое мученіе подобно жестокости сего мученія? Желать одного только предмета и съ такимъ безмѣрнымъ жаромъ, и никогда его не получить. Видѣть себя въ нещастной надобности желать его столь сильно, и отнюдь не имѣть возможности съ нимъ соединиться; быть всегда влекомой и всегда отторженной: стремиться всегда къ раю, и низверженной быть всегда во адъ: какое смятеніе и тревогу произведутъ въ сей душѣ столь противныя и столь сильныя чувства! Толико любви и толико ненависти: толико желаній, и толико отвращеній, толико жара и толико холодности. Она всегда соединена съ Богомъ побужденіемъ природы, и всегда отлучена отъ Бога противностію грѣха. И такъ, осужденный будучи отдѣленъ отъ Бога, желаетъ и не желаетъ: стремится къ Нему и удаляется отъ Него, Его любитъ и Его ненавидитъ, убѣгаетъ отъ Него какъ отъ своего врага, и принужденъ любить Его какъ свое начало; онъ столько же нещастливъ отъ безмѣрнаго желанія Его имѣть, какъ и отъ вѣчной невозможности когда либо Его получить.

Такимъ образомъ, грѣшникъ въ семъ жестокомъ и нещастномъ состояніи, видя

себя оставленна Богомъ, удаленна отъ своей меты, безъ помощи, безъ надежды, предается самъ собою всему ужасу своего отчаянія. И по безмѣрной своей свирѣпости и ярости обращаетъ онъ свои оружія противъ самого себя: онъ клянетъ свой жребій; онъ хотѣлъ бы вырвать и растерзать свое сердце; онъ хотѣлъ бы погибнуть и притти въ небытіе: онъ доходитъ даже до того, что возстаетъ противъ самого Бога и изрыгаетъ противъ Его неистовыя изреченія и хулы. Раздраженный и неумолимый Боже, говоритъ онъ, отмсти за себя разрушеніемъ моего существованія; да благосклонный ударъ Твоего мщенія приведетъ меня на вѣкъ въ ничтожество; собери всѣ мученія на главу мою; но истреби меня и отсѣки до корня бытіе мое; проклято бытіе мною полученное, проклята утроба носившая меня, проклятъ тотъ нещастный день, въ которой я родился, проклята жизнь мною веденная, проклятъ воздухъ, которымъ я дышалъ, прокляты содѣянные мною грѣхи и вкушенныя мною гнусныя увеселенія. Все кончилось, остается у меня только мое злополучіе, которое всегда начинается и никогда не кончится.

РАЗМЫШЛЕНІЕ.

О адѣ.

Три мысли составятъ предметъ сего размышленія; онѣ долженствовали бы составить предметъ нашихъ слезъ во всю нашу жизнь: просвѣти меня, подкрѣпи меня, о Боже мой! въ глубокомъ разсматриваніи сихъ страшныхъ истинъ.

Статья первая.

Я увѣренъ что я заслужилъ адъ. Для сего не больше потребно какъ сотворить единъ только смертный грѣхъ: сколько же, увы! сотворилъ я таковыхъ въ мою жизнь, за которые достоинъ я крайнѣйшаго нещастія? Естьли бы въ нѣкоторое извѣстное время Богъ взялъ меня изъ міра, естьли бы, въ таковый-то годъ, въ таковомъ-случаѣ, поразилъ меня Богъ неожиданною смертію, въ какомъ бы состояніи предсталъ я предъ Него? Чего бы мнѣ другаго ожидать было, кромѣ строгости Его правосудія и Его гнѣва? И такъ, естьли я теперь еще не въ числѣ осужденныхъ, не сокрытъ во глубинѣ бездны, не преданъ ужасамъ мученій, то сіе по дѣйствію милосердія Бога, могущаго низвергнуть меня въ сіи страшныя

пропасти, гдѣ бы я теперь вкушалъ желчь и горести вѣчнаго отчаянія. По сему я долженъ благодарить Бога больше за то, что Онъ не допустилъ меня упасть въ адъ, нежели за то, естьли бы Онъ меня упадщаго ужѐ туда, изъ него извлекъ.

Естьли бы Богъ воззвалъ Каина отъ мѣста мученій, отъ вѣчнаго заточенія, какую бы восчувствовалъ онъ за то благодарность, какое покаяніе, какое отвращеніе отъ грѣха? Досталоли бы ему чувствъ для принесенія Богу, и строгостей для употребленія противъ самого себя? Моя же благодарность должна быть еще больше и живѣе, ибо предохранить отъ нещастія есть гораздо важнѣйшее благодѣяніе, нежели извлечь изъ онаго.

Я заслужилъ адъ: вотъ, о Боже мой! плачевное и бѣдственное состояніе, въ которое ввергъ я себя моимъ грѣхомъ; и вотъ та благодать, которую Ты мнѣ ниспослалъ для излеченія меня изъ онаго по Твоему милосердію, преимущественно предъ столь многими умершими въ семъ состояніи грѣха, и подвергшимися понести за оной вѣчное наказаніе. Любовь Твоя не истребилася моими неправдами; она мнѣ потерпѣла; она меня воззвала; она меня ожидала; она не соблаговолила

меня погубить. Но съ моей стороны, по истинѣ, многократно заслуживалъ я адъ, и всѣ Его мученія. Въ такомъ случаѣ я ужѐ не говорю какова должна быть моя благодарность, но каковы долженствуютъ быть мои восхищенія? Единъ только грѣхъ стоитъ всѣхъ моихъ слезъ, потому что единъ только грѣхъ можетъ осудить меня на вѣкъ. И такъ могу ли я довольно оплакать грѣхи безчисленные? Могу ли я довольно стенать о грѣхахъ толико разъ повторенныхъ?

Я заслужилъ адъ: сія мысль, о Боже мой! смущаетъ мою душу; она со смиреніемъ припадаетъ къ стопамъ Твоего правосудія, не осмѣливаясь ни возвести очей своихъ на Тебя, ни говорить Тебѣ инако, кромѣ какъ воздыханіями. Воззри на нихъ какъ на искреннѣйшую моей благодарности и моей печали жертву, каковую я токмо Тебѣ принести могу.

Статья вторая.

Я не увѣренъ не заслуживаю ли я еще теперь ада: знаю что я смертельно грѣшилъ, но не знаю принеслъ ли я въ томъ покаяніе, покаяніе истинное, чистосердечное, соразмѣрное великости моихъ грѣховъ, могущее укротить гнѣвъ Божій, и возвратить мнѣ потерянную Его благо-

дать. Я исповѣдывался, но я не увѣренъ, съ таковыми ли расположеніями каковыя потребны, въ разсужденіи испытанія открытія, сокрушенія словъ? И такъ, есть ли я не соблюлъ нѣкую изъ сихъ статей, мой грѣхъ мнѣ не прощенъ, и въ такомъ случаѣ я еще и теперь во грѣхѣ, и заслуживаю еще адъ. Совсѣмъ тѣмъ, увы! я есмь и буду всегда не увѣренъ о всѣхъ сихъ статьяхъ нужныхъ ко спасенію моей души. Я есмь и буду всегда не увѣренъ, не заслуживаю ли я каждую минуту моей жизни ада. Ахъ! какое нещастіе прогнѣвать Бога, и потерять драгоцѣннѣйшее сокровище *Его благодати*! Блаженна, и тысяще-кратно блаженна та душа, которая всегда оную сберегла! Блаженны тѣ дѣти, которыхъ преждевременная смерть похитила изъ сего міра по ихъ крещеніи и прежде нежели имѣли они нещастіе быть зараженными гибельнымъ ядомъ грѣха!

Ужасная неизвѣстность, приводящая въ трепетъ и самихъ праведныхъ на земли, извлекающая изъ очей ихъ толико слезъ, и изъ сердца ихъ толико стенаній, воздыханій, и рыданій; не зная никогда чего они достойны, любви или ненависти; какими они предъ очами Божіими предметами, гнѣва или милости; то есть не нахо-

дятся ли они еще теперь на краю ада и не могутъ ли умирая въ него упасть: когда Святые стенали и трепетали о ихъ состоянiи, послѣ толикихъ слезъ и рыданiй, послѣ толикихъ строгостей, плотоумерщвленiй, трудовъ, то какiя же чувства должны проникать меня о моемъ состоянiи, содѣявъ гораздо больше грѣховъ, и учинивъ гораздо меньше покаянiя и удовлетворенiя?

Статья третiя.

Чувство еще печальнѣйшее, и положенiе еще страшнѣйшее; я не увѣренъ не буду ли я нѣкогда ввержень во адъ; не буду ли я нѣкогда въ числѣ осужденныхъ и отринутыхъ. Весьма великая причина къ печали и боязни что можемъ мы себѣ сказать, что по содѣянiи грѣха мы никогда не увѣрены въ полученiи въ немъ прощенiя; но, увы! есть еще причина боязни гораздо ужаснѣйшая для насъ. Такъ, хотя бы мы и увѣрены были, что по согрѣшенiи нашемъ принесли мы истинное покаянiе, съ искреннимъ раскаянiемъ, съ должнымъ удовлетворенiемъ, однимъ словомъ, что всѣ наши грѣхи намъ прощены, что мы возвратили себѣ благодать Божiю, и что мы теперь въ оной пребываемъ; но не взирая на все сiе, мы еще не надежны

не будемъ ли мы нѣкогда нещастнымъ образомъ ввержены во адъ. Для чего, увы? Для того, что хотя бы мы и увѣрены были что наслаждаемся мы теперь сокровищемъ Благодати, однако же мы не надежны въ томъ, что сохранимъ ли мы ее до конца, что не будемъ ли мы имѣть нещастія лишиться ее прежде нашей смерти, и что пребудемъ ли мы вѣрными до послѣдняго нашего издыханія.

Правда что мы должны всегда надѣяться всего отъ милосердія Божія, а наипаче естьли мы съ нѣкотораго времени старались пребывать въ Благодати; и естьли принесли мы во грѣхахъ нашихъ покаяніе, то весьма должны мы вѣрить, что благодать Божія не оставитъ насъ въ послѣдніи минуты нашей жизни, что она подкрѣпитъ насъ во искушеніяхъ и смертной тоскѣ послѣднихъ сраженій. Таково есть обыкновенное дѣйствіе Его Провидѣнія. Но не меньше истинно и то, что хотя и есть всегда чего надѣяться, но ни въ чемъ навѣрное положиться не должно; что хотя и надлежитъ уповать на благость Господню, что она подкрѣпитъ насъ до конца, однако не должно жить безпечно въ такой надеждѣ. Въ семъ случаѣ никто не можетъ увѣренъ быть о своемъ жребіи; самые величайшіе свя-

тые, души праведнѣйшія, принесшія великія покаянія, всегда трепетать имѣютъ. Что же со мною будетъ, о Боже мой! со мною, столь далеко отстоящимъ отъ ихъ святости; со мною, содѣявшимъ толикіе грѣхи, и принесшимъ столь малое покаяніе?

Помышлая о сихъ великихъ и ужасныхъ истинахъ, истинахъ вѣры, какія чувства долженствуютъ содѣлаться въ моемъ сердцѣ? Пріими ихъ, о Боже мой! Ты Самъ мнѣ ихъ внушаешь.

1е. Чувство печали что такъ часто заслуживалъ я адъ толиками грѣхами, столь великими грѣхами, продолжаемыми чрезъ столь многое время, и не взирая на толикія благодати.

2е. Чувство благодарности къ Богу, что онъ не исхитилъ меня изъ сего міра и не ввергъ въ адъ, въ то время, какъ былъ я въ плачевномъ состояніи грѣха, достоинъ всего гнѣва Его, не заслуживая ни малѣйшаго Его милосердія.

3е. Чувство спасительнаго страха и трепета о опасности, которой подверженъ я еще всякій день погубить себя и лишиться благодати моего Бога, хотя бы я ею теперь и наслаждался.

4е. Чувство упованія на Бога, надѣясь, что по неизреченной своей благости,

не взирая на мои грѣхи и заблужденія, коль скоро я ими возгнушаюсь, благоволитъ Онъ еще ниспослать мнѣ свои благодати, а наипаче благодать благодатей; таковую вѣрности до послѣдняго моего издыханія.

МОЛИТВА.

Признаюся, Боже мой, что я заслужилъ адъ; я заслужилъ его тысячекратно; Ты могъ по правосудію низвергнуть меня въ него: я бы самъ единственно былъ Творцемъ моей погибели и моего злополучія. Я заслужилъ его больше, нежели множество другихъ въ него осужденныхъ. Единому милосердію Твоему обязанъ я тѣмъ, что я еще теперь не въ числѣ отринутыхъ; благословляю за то сіе безмѣрное милосердіе, и молю его совершить Его дѣло, сохранить меня отъ грѣха, подкрѣпить меня въ намѣреніи его ненавидѣть и убѣгать навсегда. Не допусти, чтобы сія душа стоящая тебѣ столь дорого, избыточно одаренная толикими благодатями, созданная Тобою на вѣчное Твое прослав-

ленie, дошла нѣкогда до возненавидѣнiя Тебя. Ты уже ее какъ будто исторгнулъ изъ ада, не допусти ее подвергнуться паки въ него упасть, и возьми меня изъ сего мiра прежде нежели когда сie нещастie со мною случится.

Употребленiя въ дѣйство.

1е. Часто помышлять о страхѣ ада; воображать себѣ то мѣсто, которое я въ немъ заслужилъ, и которое я еще занять могу, есть ли я буду грѣшить, и по нещастiю умру во грѣхѣ.

2е. Взирать на себя, какъ на горящiй еще угль исторгнутый Богомъ изъ ада, котораго пламя должно погасить источникомъ слезъ моихъ.

3е. Когда случатся мнѣ огорченiя и нещастiя въ сей жизни, то говорить мнѣ самому себѣ, заслуживъ мученiя ада, не долженъ уже я жаловаться ни на что.

4е. Почасту молить Бога о благодати вѣрности, а наипаче въ послѣднiй часъ жизни, долженствующiй рѣшить вѣчность.

5е. И по сему, отъ времени до времени приносить покаянie и освящаться причащенiемъ Святыхъ Таинъ; такъ же ежедневно по-

вторять чувства достодолжной моей благодарности къ Богу, сохраняющему меня толикое время.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕНАДЕСЯТЬ.

О милосердіи Божіи ко грѣшнику.

Сколь удивителенъ поступокъ Божій въ разсужденіи грѣшника! Сколь оный милостивъ и достоинъ отца щедротъ по превосходству! Грѣшникъ производитъ грѣхомъ своимъ три вины равно бѣдственныя. Онъ удаляется отъ Бога; удалившись *отъ* него, *онъ заблуждается* болѣе и болѣе; заблудившись, *упорствуетъ онъ* часто въ своемъ заблужденіи. Что же Господь противъ его дѣлаетъ? Онъ воззываетъ его съ любовію въ его удаленіи; Онъ не выпускаетъ его изъ вида въ его заблужденіи: Онъ ожидаетъ его съ терпѣніемъ въ его медленіи, и готовъ принять его съ благостію въ его обращеніи. Какое милосердіе! Кто кромѣ Бога сіе учинить въ состояніи.

Нѣтъ ничего истиннѣе, и въ то же время удивительнѣе, какъ то, что едва грѣшникъ удалится, а Богъ употребляетъ ужѐ все къ его воззванію: сперва возбуждаетъ Онъ въ сердцѣ его спаси-

тельное смущеніе его тревожущее, и угрызенія совѣсти его терзающія. По семъ смущеніи слѣдуетъ ясное озареніе: Онъ представляетъ ему ужасъ его поступка, великую опасность его состоянія, и могущія быть отъ того пагубныя слѣдствія. Онъ показываетъ ему суету минутнаго увеселенія, и горесть можетъ быть вѣчнаго раскаянія; Онъ воспоминаетъ душѣ о томъ первомъ состояніи, въ которомъ жила она прежде своего грѣха столь довольною; Онъ заставляетъ ее противъ воли своей признаться, что она отнюдь не находитъ въ грѣхѣ своемъ всего того удовольствія, которое она въ немъ сыскать ласкалась. Кто можетъ изобразить то внутреннее увѣщаніе, которое Благодать грѣшнику внушаетъ?

Богъ показавъ ему нещастіе его состоянія, не пропустилъ ничего къ обязанію его изъ него выйти: благоволилъ самъ сдѣлать тому предварительное начало; дабы избавить грѣшника отъ затрудненія или стыда, Онъ приходитъ къ нему самъ; Онъ воззываетъ его съ благостію; Онъ приглашаетъ его съ любовію: Онъ не отказываетъ ему даже въ пріятномъ имянованіи сына, чтобы тронуть его сердце: *сыне, аще премудро будетъ сердце твое,*

возвеселиши и мое сердце (а). Какая благость! что бы подумали о таком судьѣ, которой бы сталъ призывать виновнаго для полученія его милости. Но чтобъ подумали о такомъ виновномъ, которой бы отказался принять ее?

Со всѣмъ тѣмъ, вотъ изображеніе грѣшника. Весьма часто не взирая на сіи нѣжныя призыванія, онъ не только не повинуется своему Богу, но даже, кажется, его убѣгаетъ. Божественное милосердіе! Какихъ еще благодатей ты ниспосылало? Оно не устаетъ: и естьли грѣшникъ, какъ вторый Іона, побѣжитъ отъ Бога, Богъ будетъ преслѣдовать его рачительно. Воспомяни, невѣрный грѣшникъ, что происходило, или что можетъ быть еще происходитъ въ тебѣ по твоемъ согрѣшеніи. Не правда ли, что Богъ безпрестанно гонится за тобою; что Онъ вездѣ тебѣ представляется, и что Онъ во всемъ находитъ случай говорить твоему сердцу? Естьли приключится тебѣ какая печаль, Богъ ужѐ подлѣ тебя дабы дать тебѣ разумѣть, что источникъ твоихъ нещастій внутри тебя самаго, и что ты до толѣ будешь нещастливъ, доколѣ останешся преступникомъ. Когда придетъ къ тебѣ какая болѣзнь, Богъ твой ужѐ у возглавія твоей постели, дабы извѣстить

(а) Притч. 23.

тебѣ, что душа твоя въ худшемъ состоянiи, нежели твое тѣло. Когда пойдешь ты покоиться, Богъ твой и тутъ за тобою слѣдуетъ, дабы представить тебѣ, что и самая совѣсть твоя безпокойна, и что, естьли постигнетъ тебя нечаянная смерть; то ты подвергнешся пренесену быть съ постели во гробъ, а изъ гроба можетъ быть въ адъ. Сей Богъ благости придетъ тебя увѣщавать и въ таковыхъ даже мѣстахъ, гдѣ ты наименьше Его ожидалъ, и гдѣ ты наиболѣе думалъ укрыться отъ Его преслѣдованiй: Онъ придетъ даже въ общества увеселенiй, и наполнитъ ихъ горестiю; даже въ свѣткiя собранiя, и заставитъ тебя испытать тамъ минуты скуки и печали; ты не будешь знать, что такое тебя безпокоитъ, а будешь имѣть неудовольствiе: естьли спросятъ тебя о причинѣ того; ты будешь чувствовать ее живо, а не будешь умѣть ее сказать; сердце твое будетъ скорбѣть, не зная отъ чего; очи твои разбредутся, не зная на что; разумъ разсѣется, и займется посторонним, не зная чѣмъ: все сiе будешь ты можетъ быть относить естественному дѣйствiю задумчивости, въ которой бываютъ иногда не зная для чего и какъ; а я ничего другаго тутъ не нахожу кромѣ дѣйствiя милосердiя Божiя, отвращаю-

щаго тебя отъ всего для приведенія тебя на путь истинный.

Ежели кроткіе способы недостаточны къ возвращенію тебя на стези спасенія, Богъ твой по любви своей къ тебѣ примется за способы строгости; то есть, что вмѣсто оставленія грѣшника на собственную его волю, Богъ употребитъ сильнѣйшія угроженія. Онъ представитъ взору виновнаго все то, что есть содрогательнѣйшаго въ законѣ, ужасы смерти всегда готовой похитить его изъ сего міра; страхи суда, висящіе надъ его главою; бездны вѣчности, отверстыя подъ его ногами для поглощенія его на вѣки: какія зрѣлища страха и ужаса! Но намъ извѣстно сердце Твое, о Боже мой! и мы знаемъ, что и во гнѣвѣ Твоемъ не забываешъ Ты Твоего милосердія. Самыя Твои угроженія суть тому новымъ доказательствомъ, ибо Ты угрожаешь намъ для того только, что бы насъ помиловать. Я воображаю себѣ чадолюбивую мать, устрашающую свое дитя удаляющееся отъ нее, дабы оно убоялся, прибѣжало броситься въ ея объятія.

Со всѣмъ тѣмъ нечувствительность и упрямство грѣшника бываютъ иногда таковы, что онъ сопротивляется всему: призыванія, увѣщаванія, обѣщанія, угро-

женія, ни что его не трогаетъ: онъ уподобляется больному спячкою, любящему свое состояніе, и ничего такъ не боящемуся, какъ вытти изъ онаго. Милосердіе Божіе! Не уже ли сокровища Твои истощилися? Нѣтъ; ему остался еще последній способъ: оно будетъ ожидать грѣшника не взирая на его упрямство и медленіе; и симъ чудомъ терпѣнія усовершенствуетъ оно всѣ прочія чудеса Его благости. Богъ чрезъ сіе медленіе хочетъ дать грѣшнику время и способы къ познанію самого себя. Онъ знаетъ, что тогда, какъ страсть бываетъ въ величайшей своей силѣ, отнюдь не надобно говорить о примиреніи; но когда огнь сей страсти уменьшится, то сердце придетъ больше въ состояніе очувствоваться, и разумъ учинится больше расположеннымъ ко спасительнымъ разсужденіямъ. Извѣстно ли, говоритъ сей Богъ благости, что время не произведетъ нѣкогда того, чего не можно ожидать теперь отъ разсужденія? Естьли Я не устану его ожидать, онъ самъ устанетъ Меня убѣгать: онъ стоитъ Мнѣ толико крови и благодатей, не жаль ли Мнѣ будетъ его потерять?

Терпѣніе тѣмъ наипаче удивительное, что оно находится въ Богѣ прогнѣванномъ.

и въ Богѣ, держащемъ въ рукѣ оружіе мщенія! Терпѣніе тѣмъ наипаче неизреченное, что грѣшники употребляютъ его во зло, и обращаютъ противъ Бога дары самого Бога!

Терпѣніе тѣмъ наипаче неизреченное къ нѣкоторымъ грѣшникамъ, что Богъ не столько онаго имѣлъ ко множеству другихъ, которые скоропостижно похищены изъ сего міра!

Какими чувствами должны мы быть преисполнены представляя себѣ оказанныя намъ его милосердія? Ибо, Богъ могъ поступить съ нами равнымъ образомъ, *какъ и съ ними:* мы были тоже, что и они, и мы заслуживаемъ быть тѣмъ что теперь они суть. Совсѣмъ тѣмъ какая разность между ихъ жребіемъ и нашимъ! Они умерли, а мы еще дышемъ; надъ ними исполняется уже опредѣленіе ихъ осужденія въ адъ, а мы уповаемъ еще имѣть мѣсто въ раю; они проклинаютъ строгость правосудія Божія, а мы еще въ состояніи благословлять Его милосердіе: *милости Твоя Господи, во вѣкъ воспою* (а).

О благость моего Бога! чѣмъ заслужилъ я сію милость? Но во мнѣ ли над-

(а) Псал. 88.

лежитъ искать причины сего? Твое милосердіе не находитъ ли ихъ въ самомъ себѣ, и въ удовольствіи спасать нещастныхъ и прощать винныхъ? Чувство Твоихъ благостей будетъ вѣчно начертано на моемъ сердцѣ. Я знаю, что для познанія сего милосердія надлежитъ составить себѣ о немъ великую мысль, и весьма увѣриться, что какъ оно превыше всѣхъ похвалъ, какъ бы оныя преизящны ни были, такъ оно несравненно еще превыше всѣхъ нашихъ грѣховъ, какъ бы они безмѣрны быть ни могли. Милосердіе моего Бога! Да буду я забвенъ во вѣки, естьли забуду я когда Твои благодѣянія, да изсушится языкъ мой и прильпнетъ гортани моему, естьли престанетъ онъ когда прославлять Тебя похвалами. Горе мнѣ увы! Горе, естьли сіи чувства удалятся когда отъ моего сердца! Я заслужилъ бы не имѣть больше участія въ Твоемъ. Лучше мнѣ тысящекратно умереть, нежели не жить для Тебя.

Размышленіе о томъ же.

Какъ бы велико ни было Твое милосердіе, о Боже мой! Ко грѣшнику удаляющемуся по нещастію отъ Тебя грѣхомъ,

можетъ быть оно еще несравненно больше ко грѣшнику чистосердечно обращающемуся къ Тебѣ покаяніемъ.

Ты пріемлешь его съ новою любовію, отверзающею всѣ чувства Твоего сердца.

Ты пріемлешь его съ новою щедростію открывающею ему всѣ сокровища благодати.

Боже благости! мнѣ не въ другихъ надлежитъ искать доказательства о семъ, я нахожу его во мнѣ самомъ, или лучше сказать, въ безконечной благости, съ каковою Ты меня принялъ, когда я озаренъ и тронутъ будучи Твоею благодатію, намѣрился наконецъ къ Тебѣ обратиться. Почто не могу я показать всей вселенной чудеса Твоего ко мнѣ милосердія, и возбудить всѣхъ грѣшниковъ броситься въ Его обьятія?

Статья первая.

Покажется, что Богъ долженъ имѣть ко грѣшнику не инныя чувства, какъ отвращеніе и ненависть; оставить его въ его беззаконіяхъ, или по крайней мѣрѣ являться равнодушнымъ къ его погибели: но сіе сколь малое значитъ познаніе Тебя, о Боже мой! или лучше, совершенное Тебя незнаніе! Я вхожу въ нѣдро Твоего

милосердія, и вмѣсто сихъ чувствъ мщенія и ненависти, нахожу я токмо мысли кротости и мира. Какъ возможно статься, о Боже мой! что бы Ты, гонявшись за грѣшникомъ столь рачительно, не принялъ его съ любовію при его обращеній? Что бы Ты призывавши его когда онъ Тебя убѣгалъ, отвергъ его теперь къ Тебѣ возвращающагося, что бы Ты взиравши на него съ сожалѣніемъ когда онъ тебя прогнѣвлялъ, смотрѣлъ на него равнодушно пришедшего броситься въ Твои объятія? Ахъ! сколь далеки таковыя чувства отъ Твоего сердца! Какія на противъ того чудеса милосердія явилъ Ты намъ надъ кающеюся Магдалиною, надъ Самаряниною тронутою благодатію; а наипаче въ сей Божественной притчѣ блуднаго сына, гдѣ Ты самъ благоволилъ начертать намъ Твой образъ, открыть намъ Твое сердце, и показать намъ всѣ его чувства? Могули я воспоминать и размышлять о немъ безъ удивленія, и не будучи имъ тронутъ?

Сей неблагодарный сынъ, наскучась родительскимъ домомъ, требуетъ части своего достоянія: по нещастію его онъ ее получаетъ и въ краткое вре я ее расточилъ. Тогда возчувствуя совершенную бѣдность, входитъ онъ самъ въ себя, и

пріемлетЪ намѣреніе возвратиться вЪ родительскій домЪ. Сей чадолюбивый отецЪ, о немЪ сожалѣвшій, и всякій день его ожидающій, обращалЪ часто свои взоры на тотЪ путь, по которому сынЪ его возвратиться могЪ: наконецЪ онЪ его усматриваетЪ; сердце его волнуется, но увы! какими чувствами? Не гнѣва ли и отвращенія? Таковыя чувства были бы праведны; но оныя не суть чувства милосердія, слѣдственно и не его. Оно волнуется сожалѣніемЪ; за сожалѣніемЪ слѣдуетЪ любовь; за любовію радость, а радость доходитЪ скоро до восхищенія. Не дожидаясь того чтобы сей смущенный и оробѣвшій сынЪ приближась бросился кЪ его стопамЪ, бѣжитЪ онЪ самЪ кЪ нему на встрѣчу, обнимаетЪ его нѣжно, прижимаетЪ его кЪ своей персп, проливаетЪ радостныхЪ слезЪ больше, нежели печаль извлекаетЪ оныхЪ у сего раскаявшагося сына; причина объявляемая имЪ тому весьма достойна столь благаго отца: *сынЪ мой сей мертвЪ бѣ, и оживе: и изгиблЪ бѣ, и обретеся* (а). ОнЪ желаетЪ, что бы ему сорадовалися, что бы сотворено было празднество и что бы все совокупно изъявило свое веселіе.

(а) Лук. 15.

Нѣтъ, Боже мой! сіе не простое единственно изображеніе чадолюбиваго отца, се Ты самъ, се Твое сердце; и не такъ ли, и не съ сею ли неизреченною благостію взираешь Ты на грѣшника искренно кающагося, ему прощаешь безъ замедленія, безъ огорчительныхъ упреканій, не оставляя у себя на сердцѣ ни гнѣва, ни досады, но предая прошедшее вѣчному забвенію? Такъ, Боже милосердія! когда мы чистосердечно къ Тебѣ обращаемся, то при первой слезѣ истекающей изъ очей нашихъ, при первомъ воздыханіи вышедшемъ изъ устъ нашихъ, при первомъ чувствѣ раскаянія произшедшемъ въ сердцѣ нашемъ, Твой гнѣвъ укрощается, Твое сердце отверзается, оружія падаютъ изъ рукъ Твоихъ; и вмѣсто молній и громовыхъ стрѣлъ, которыми онѣ для пораженія насъ вооружены были, изліютъ онѣ на насъ во утѣшеніе наше пріятную росу. Божественная благость! Неизреченная любовь! возможно ли зная Тебя, Тебѣ не покланяться, Тебѣ не удивляться, а наипаче Тебя не любить?

Статья вторая.

Ты простираешь еще далѣе чудеса Твои ко грѣшнику кающемуся, о Боже

мой! Ты пріемлешь его съ безмѣрною щедростію Твоихъ благодатей; Ты открываешь ему всѣ ихъ сокровища. Весьма достославная для Тебя, и весьма утѣшительная для насъ мысль, что Ты Спасителю Христе, казался имѣть нѣкоторый родъ отличнаго благоволенія къ обратившимся грѣшникамъ. Я вижу Магдалину бывшую прежде соблазномъ всего Израиля; но какъ скоро она обратилася, Ты ее возлюбилъ, и представляешь ее образцемъ покаянія всей вселенной. Я вижу Святаго Апостола Петра имѣвшаго нещастіе отрещися отъ Божественнаго своего учителя: *увы! столь великое преступленіе* не учинитъ ли его навсегда недостойнымъ Твоихъ милостей? Нѣтъ, безъ сомнѣнія, Спасителю мой! Ты обращаешь на него взоръ свой, Ты видишь текущія изъ очей его слезы, тотчасъ пріемлешь Ты его въ сердце Твое, Ты поручаешь ему паству овецъ Твоихъ. Благій разбойникъ поносилъ прискорбность Твою и смерть Твою на крестѣ; какое беззаконіе! какой ужасъ! Но когда благій разбойникъ подалъ знакъ искренняго признанія, тотчасъ былъ онъ прощенъ. Ты произнесъ опредѣленіе его оправданія и ознаменовалъ

его самою Твоею кровію: *днесь со мною будеши въ раи* (а).

И такъ, Боже милосердія! Тебѣ угодно осыпать благодѣяніями Твоими кающихся грѣшниковъ. Ты оставляешь имъ только единственное сожалѣніе, что они Тебя прогнѣвали, единственное желаніе Тебѣ угождать, единственныя цѣпи Твоея любви. Въ семъ случаѣ, почто мнѣ искать постороннихъ примѣровъ? Не имѣю ли я таковаго во мнѣ самомъ? Когда я воспоминаю о сихъ блаженныхъ дняхъ, когда я, будучи тронутъ Твоею благодатію, имѣлъ щастіе о Тебѣ мыслить, и къ Тебѣ обратиться, когда свергъ я съ моей совѣсти тяжкое бремя ее угнѣтавшее, что другое чувствовалъ я тогда, кромѣ пріятности и спокойствія? Хотя я и проливалъ слезы, но онѣ были слезы радости. Не почиталъ ли я сей день наипрекраснѣйшимъ и утѣшительнѣйшимъ днемъ моей жизни? И такъ, о Боже мой! въ точности исполнилися слова Твоего Апостола, что чѣмъ больше грѣшникъ имѣетъ злобы, тѣмъ больше Господь имѣетъ благости; что бездна преступленій поглощена бездною милосердія, и что за избыткомъ грѣ-

(а) Лук. 23.

ховъ слѣдуетъ преизбыточество благодатей. *Идѣже бо умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (а).

Но здѣсь, о Боже мой! возможно ли довольно оплакивать, довольно возненавидѣть нещастіе, ослѣпленіе и преступленіе тѣхъ, которые изъ милосердія Твоего дѣлаютъ злоупотребленіе, и которые полагаясь на Твою благость, мечтаютъ себѣ имѣть причину не безпокоиться о грѣхахъ своихъ? Изверги неблагодарности, обращающіе благодѣянія во вредъ, и лѣкарство въ ядъ! Изверги своевольства и нечестія, продолжающіе быть злыми по тому, что Ты не престаешъ быть благимъ! Изверги отвращенія и ужаса, подъ видомъ ложнаго и мнимаго покаянія ввергающіеся въ истинное и существенное нераскаяніе! Что есть человѣкъ? Какая злость и поврежденіе сердца человѣческаго сдѣлать себѣ предлогъ ко пребыванію во грѣхѣ, изъ того что долженствовало быть величайшимъ побужденіемъ къ его обращенію!

(а) Римл. 5.

МОЛИТВА.

О Боже мой! я имѣю весьма многїе грѣхи оплакивать; но я никогда не буду имѣть того беззаконїя, чтобы забыть Твои благости, или употребить во зло Твое милосердїе. Безъ него я бы погибъ; теперь былъ бы я во глубинѣ бездны, и преданъ жестокости Твоего мщенїя. Твое милосердїе меня отъ того предохранило; сїе больше нежели бы меня изъ нее извлечь; вѣчно буду я его обожать, благословлять и ему удивляться. Сїи чувства останутся навсегда начертаны на моемъ сердцѣ: да будутъ они правиломъ моего поведенїя до конца моей жизни и предметомъ моего хваленїя во вѣки вѣковъ! Входя въ чувства Пророка, *буду я почитать себя*, но всегда памятникомъ и ощутительнымъ доказательствомъ Твоего милосердїя, которое Ты мнѣ ниспослалъ, дабы явить колико Ты благъ, и до какой степени простираешь Ты благодѣянїя Твои ко грѣшникомъ. Естьли бы знали они Твое сердце, то бы они всѣ, подобно блудному сыну, пришли съ довѣрен-

ностію броситься въ Твои объятія, какъ въ таковыя наичадолюбивѣйшаго отца.

Я бросаюсь въ нихъ въ сію минуту: благоволи меня принять и сохранить въ нихъ до послѣдняго моего издыханія.

Употребленія въ дѣйство.

1е. Помышлять часто что злоупотребленіе милосердія есть наивеличайшее беззаконіе, потому что оно уязвляетъ Бога во глубину сердца.

2е. Сокрушаться часто о сдѣланномъ злоупотребленіи милосердія въ продолженіи жизни.

3е. Все случающееся принимать за дѣйствіе милосердія Божія, наказующаго въ сей жизни для спасенія въ будущей.

4е. Приводить себѣ на память, что милосердіе, употребленное во зло, превратится нѣкогда въ правосудіе и мщеніе, и что наиужаснѣйшее сужденіе будетъ за злоупотребленіе сего милосердія.

ЧТЕНІЕ ТРЕТІЕНАДЕСЯТЬ.

О разумѣ покаянія.

Два рода есть покаянія принятые закономъ; покаяніе внѣшнее и тѣлесныхъ чувствъ; покаяніе внутреннее и сердца: то и другое нужны и необходимы, поелику мы христіане и грѣшники.

Покаяніе внѣшнее и тѣлесныхъ чувствъ умерщвляетъ и изнуряетъ тѣло. Весьма опасное, а при томъ и весьма обыкновенное заблужденіе, думать, что внутреннее покаяніе достаточно грѣшнику, и что внѣшнее и тѣлесныхъ чувствъ покаяніе совсѣмъ не нужно для очищенія грѣховъ. Таковое пагубное мечтаніе разсудокъ опровергаетъ, Евангеліе обвиняетъ. Правда что внутреннее покаяніе превзящнѣе и достойнѣе; но не меньше правда и то, что внѣшнее покаяніе нужно и необходимо.

Въ христіанскомъ нравоученіи принято главнымъ правиломъ, что грѣхи не инако очищены быть могутъ, какъ покаяніемъ, и что все зараженное грѣхомъ должно уврачевано быть покаяніемъ. И такъ, когда тѣло способствовало грѣху, оно должно быть наказано. Тѣло было часто сотоварищемъ въ преступленіи, оно должно

участвовать и въ покаяніи. Апостолъ не инако его именуетъ, какъ тѣломъ грѣховнымъ; когда было оно орудіемъ грѣха, то долженствуетъ оно быть его жертвою и предметомъ.

Все Евангеліе, все Священное Писаніе повелѣваетъ намъ покаяніе тѣлесное съ душевнымъ. Всякая страница извѣщаетъ сію истину и налагаетъ сію обязанность. *Иже хощетъ по Мнѣ ити*, сказалъ Спаситель, *да отвержется себе, и возметъ Крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ. Царствіе небесное нудится и нуждницы восхищаютъ е. Что узкая врата, и тѣсный путь вводяй въ животъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его. Не мните, яко пріидохъ воврещи миръ на землю. Не пріидохъ бо воврещи миръ*, но мечъ. И такъ Евангеліе влагаетъ намъ всѣмъ, нѣкоторымъ образомъ, мечъ въ руку, для ополченія насъ противъ насъ самихъ и нашихъ тѣлъ. Таковы суть изреченія самыя Истины.

Искусившійся въ умерщвленіи плоти и покаяніи, Святый Апостолъ Павелъ толкуетъ еще яснѣе сіи Божественныя изреченія. Всѣ тѣ, говоритъ онъ, которые принадлежатъ Іисусу Христу, распяли плоть свою съ ея грѣхами и похотьми. Не сердце одно должно быть распято,

но такъ же и плоть, сія плоть грѣховная, всегда сопротивляющаяся уму, всегда воздвигающая внутреннюю брань между умомъ и тѣломъ. Обязанность, которую Святый Апостолъ Павелъ налагалъ на другихъ, принялъ ее и на себя самаго: *Но умерщвляю*, говоритъ онъ, *тѣло мое и порабощаю, да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (а). *Исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей, за тѣло Его, еже есть церковь* (б).

Пойдемъ на Голгоѳу, возведемъ очи наши на самаго Іисуса Христа, яко на великій и Божественный примѣръ, которому мы послѣдовать должны, естьли мы его обожаемъ. Ахъ! что я вижу? О Божественный мой Спаситель! Въ какомъ Ты состояніи, и какое зрѣлище представляешь Ты удивленному взору вѣры? Глава Твоя увѣнчанная терніемъ, очи Твои погруженные во слезахъ, уста Твои напоенныя горькостію и желчію, Святыя Твои длани пронзенныя болѣзненно, самое Твое сердце прободенное копіемъ, все Твое тѣло изтерзано и окровавлено, Твои глу-

(а) 1. Коринѳ. 9.
(б) Колос. 1.

бокія язвы, какъ трогающіе и убѣдительные гласы, самый гласъ Твоея крове; все сіе, естьли мы только внимать захотимъ, что иное намъ извѣщаетъ, какъ не умерщвленіе тѣла и его чувствъ? И естьли мы его не внемлемъ, мы, нѣжные члены увѣнчанной терніемъ главы, то не показываемъ ли мы себя отрицающимися отъ нашей вѣры?

При семъ видѣ, будучи христіанами, скажутъ еще какъ иногда говорятъ въ мірѣ: суровости и умерщвленія плоти не совмѣстны нашему состоянію, онѣ принадлежатъ монастырямъ и пустынямъ. *Мечтательныя слова!* Были ли они когда приняты закономъ? Не гнушался ли онъ всегда ими? Развѣ страсти и тѣлесныя чувства возстаютъ рѣже и не столько опасны въ мірѣ? Развѣ грѣхи не долженствуютъ очищены быть въ мірѣ покаяніемъ? Развѣ въ мірѣ освобождаются отъ общаго постановленія повелѣвающаго христіаномъ нести ихъ крестъ, распять ихъ плоть, отрещися самихъ себя, шествовать тѣснымъ путемъ? Развѣ тѣлесное покаяніе не больше нужно грѣшникомъ въ мірѣ, нежели душамъ безпорочнымъ отъ него удалившимся? Развѣ лѣкарства меньше потребны больнымъ, нежели здоровымъ? Однимъ словомъ, умерщвленія пло-

ти надлежитъ почитать и предосторожностію отъ грѣха и заглажденіемъ грѣха; по сей сугубой причинѣ, не ощутительно ли, что они нужнѣе въ мірѣ, нежели въ монастыряхъ и пустыняхъ?

Состояніе въ мірѣ, скажутъ, препятствуетъ тому: на сіе отвѣтствуется, что первое состояніе есть таковое христіанина, а второе грѣшника, и слѣдовательно кающагося.

Что еще скажутъ? И чего самолюбіе не внушаетъ противъ принадлежностей покаянія? Здоровье не позволяетъ ихъ исполнить, нѣкоторые говорятъ; Богъ не возможнаго не требуетъ: но развѣ здоровье ничего не позволяетъ? Не позволяетъ ли оно того, что дѣлается? Не понапрасну ли возлагаемъ мы вину на здоровье? И не больше ли сіе предлогъ, нежели настоящая причина? Но, не взирая на недостатокъ здравія, не возможно ли убавить нѣсколько сна, лишить себя чего въ пищѣ, наложить на себя какую работу, какое дневное упражненіе, потерпѣть нѣсколько жестокость погоды, принять нѣкоторое безпокойствіе, не жалуясь на то? И толикія украшенія, толикіе наряды, толикія излишности, толикія суетности, толикія нѣжности не могутъ ли

подать случай къ нѣкоторому пожертвованію?

Какъ бы то ни было, Богъ не требуетъ невозможнаго: но Богъ нѣкогда будетъ судить сію невозможность. Ибо, удивительное и жалостное въ семъ случаѣ есть то, что весьма часто для Бога ничего претерпѣть не могутъ, а для міра переносятъ все: ночи не спятъ и проводятъ ихъ въ играхъ и забавахъ, а для молитвы, для душеспасительнаго чтенія и единаго часа удѣлить не могутъ. Весь день въ состояніи пробѣгать за какимъ дѣломъ, или для удовольствованія своей страсти, а посѣтить храмъ Божій пѣшкомъ не въ силахъ! то есть, не имѣютъ ни здравія, ни бодрости ко изнуренію себя для закона и Іисуса Христа, а для міра и діавола таковыхъ довольно имѣютъ.

О Боже! какое ослѣпленіе! О христіане, какій безпорядокъ и какое беззаконіе! Члены Іисуса Христа, обратимся къ нашей главѣ и къ нашему примѣру; и повергшись предъ стопами Креста Его, и взирая на Его страданія, на Его язвы, на Его окровавленные члены, на Его истерзанное тѣло, скажемъ себѣ, вотъ мой образецъ; и естьли, имѣя возможность, я ему не подражаю, вотъ мой Судія, вотъ мое обвиненіе. Всякое грѣховное тѣло под-

лежитъ покаянію; и естьли огнь умерщвленія не очиститъ его въ семъ свѣтѣ, огнь мщенія будетъ его жечь навсегда въ томъ. И такъ станемъ судить себя сами, или дождемся быть нѣкогда судимыми. Нѣтъ сомнѣнія, что только два пути есть къ раю, непорочность и покаяніе: естьли мы потеряли первой, то что намъ иное остается, какъ не заставить себя шествовать по другому?

Размышленіе о томъ же.

Я приношу Тебѣ, о Боже мой! кающееся и сокрушенное сердце; или лучше сказать, я прихожу къ Тебѣ просить таковаго для принесенія Тебѣ; созижди его во мнѣ, Господи. Согрѣшеніе есть дѣло человѣка: соболѣзнованіе о согрѣшеніи есть дѣло единственно Твоея благодати приводящей его къ покаянію. Научи меня, о Боже мой, познать онаго надобность, воспріять его чувства, и совершить его самимъ дѣломъ.

Какая надобность внутренняго покаянія? Статья первая. Какія его священныя свойства? Статья вторая.

Статья первая.

Внутреннее сердечное покаяніе. Какъ сердце наипаче согрѣшило, то оно больше и наказано быть должно; какъ сердце вкушало пагубное услажденіе, то оно и спасительную горесть испытать должно. Какъ въ сердцѣ, по словамъ Іисуса Христа, раждаются грѣховныя желанія, порочныя склонности, беззаконныя предпріятія, то отъ сердца должны происходить и раскаянія, угрызенія совѣсти, воздыханія. На семъ-то олтарѣ долженствуетъ принесена быть жертва, и сія-то жертва есть самое сердце. Вотъ первое всесожженіе, котораго Богъ требуетъ, а безъ него всѣ прочія, какъ недостаточныя, приняты не будутъ.

Естьли бы знали, что такое Богъ, и что такое грѣхъ, не нужно бы было возбужденіе къ соболѣзнованію и раскаянію. Ахъ! естьли сердце искренно раскаявается, то какихъ скрытныхъ движеній, какихъ прискорбныхъ чувствъ не воспріиметъ оно, воображая себѣ столь прогнѣваннаго Бога и столь многіе по нещастію накопившіеся грѣхи? Какъ печально, какъ горько, когда воззримъ мы на согрѣшенія наши, и увидимъ мы, что вся наша жизнь была только безпрестанное заблужденіе;

что старались мы только о ея погубленіи; что жили мы только для грѣховъ; что удалялись мы отъ нашего Бога, нашего послѣдняго конца; что во зло употребляли мы Его дары; что всегда шествовали мы какъ ослѣпленные по пути погибели; что всѣ дни нашей жизни покрыты были мракомъ.

Колико угнѣтающихъ разсужденій представится тогда разуму ко огорченію сердца! Въ нѣсколькихъ десяткахъ лѣтъ пожертвованныхъ міру и страстямъ, погубленныхъ у спасенія и вѣчности, Ты потребуешъ у меня отчета, о Боже мой! Я подвергаюсь за нихъ жестокому Твоему наказанію; я его заслужилъ; какъ бы я былъ щастливъ, естьли бы получилъ я его на семъ еще свѣтѣ. Накажи меня, праведный Судія, я на то согласенъ; но накажи меня въ милосердіи Твоемъ, а не во гнѣвѣ.

О печаль! о раскаяніе! скажетъ тогда пораженная душа сама себѣ; гдѣ былъ твой Богъ, и что ты была противъ Его? Ты употребила собственные Его дары къ Его оскорбленію; ты жила подъ Его гнѣвомъ не заботясь о умилостивленіи Его и о обращеніи къ Нему; вѣчно будетъ сказано, что наидражайшіе дни твоей жизни проведены были въ убѣганіи и прогнѣвле-

нiи Его: какими очами воззритъ Онъ теперь на тебя? Слыхалъ ли Онъ твои воздыханiя? Доходили ли до Него твои сердечныя сокрушенiя? Прiялъ ли Онъ твое покаянiе? Какое состоянiе! Какое для тебя нещастiе! Никогда не будешь ты увѣрена въ прiобрѣтенiи опять Того, Котораго грѣхъ изгналъ изъ твоего сердца. О горькое обращенiе! О прискорбная минута! но обращенiе и прискорбность нужныя. Надобно, что бы самое то, что дѣлало виновному удовольствiе, превратилося въ его наказанiе: надобно, чтобы печальное воспоминовенiе грѣха очистило душу ея раскаянiемъ. Надобно, что бы горькая печаль о удаленiи себя отъ Бога загладила беззаконное удовольствiе происходившее отъ привязанности къ твари. Таковы были во всѣ времена чувства истинно-кающихся. Съ самаго начала ихъ обращенiя видали ихъ пораженныхъ столь живою печалiю, погруженныхъ въ столь глубокое унынiе, испускающихъ столь сильныя и столь горестныя воздыханiя, что казалося сердце ихъ не могши перенести своихъ напряженiй, отъ печали треснетъ и разорвется. Блаженна та душа, которая воспрiимаетъ подобныя симъ чувства! Колико должно за нихъ прославлять Тебя, о Боже мой! и сколь заглаждаютъ они

предъ очами Твоими нещастіе, что оскорблена Твоя благость!

Статья вторая.

Но въ то же время, о Святый Боже! что должно подумать о неотяготительной печали такъ многихъ мнимо-кающихся, которые имѣли бы столь великія причины стенать и воздыхать предъ Тобою? Что надлежитъ подумать мнѣ самому о моей послѣ толикихъ грѣховъ и заблужденій? О душе моя! Гдѣ сія печаль, ознаменованная священными свойствами истиннаго покаянія? Гдѣ чувства долженствующія быть участію истинно-кающихся?

Гдѣ сія внутренняя печаль, проникающая и раздирающая сердце при воображеніи его невѣрностей и пороковъ; сія сверъхъ естественная печаль почерпнутая изъ нѣдра Божія, которая единственно Бога началомъ и концемъ имѣть должна; сія всеобщая печаль простирающаяся на все, воздыхающая о всемъ, оплакивающая все то, что можетъ быть не угодно Богу и оскорбить Его благость; сія господствующая печаль, жалѣющая больше о прогнѣваніи Бога и о лишеніи благодати Его, нежели о потерѣ богатствъ, вольности, здравія, жизни, и вмѣняющая ни вочто

всѣ могущія случиться нещастія? Что нещастнѣе того, о Боже мой! какъ Тебя прогнѣвать?

Хорошо ли я впечатлѣлъ въ сердцѣ мое сіе великодушное намѣреніе, чтобы все предпринимать, все дѣлать для умилостивленія гнѣва Божія; сіе твердое слово, сіе непремѣнное рѣшеніе, чтобы лучше умереть тысяще-кратно, нежели когда удалиться отъ Бога и отъ Его служенія? Гдѣ наконецъ сія печаль, долженствующая быть превыше всякой печали?

Знаю, о Боже мой! что чувствительная печаль не отъ насъ зависитъ; но по крайней мѣрѣ искренняя ли она? Естьли она такова до той степени какъ должно, то какихъ премѣнъ и дѣйствій не произведетъ она въ моемъ сердцѣ, во всемъ моемъ поведеніи? Ахъ! когда сердце искренно кается, чего не въ состояніи оно предпринять, пожертвовать, претерпѣть? А я, что сдѣлалъ, чѣмъ пожертвовалъ, что претерпѣлъ для Бога?

Вѣрно и ужасно есть то, что довольно содѣять единый смертный грѣхъ въ жизни, дабы имѣть причину плакать остатокъ дней своихъ; что грѣхи мои разлучаютъ меня съ Богомъ; что грѣхъ есть единственная вещь, заслуживающая мой плачь и мои слезы.

Такимъ образомъ, внутреннее покаяніе столь нужно, что безъ него грѣхъ никогда прощенъ не будетъ; столь нужно, что безъ него спасенія никогда не будетъ; столь нужно, что естьли не учинять его въ сей жизни, то будетъ вѣчно мучиться въ будущей раскаяніями и отчаяніемъ.

Будучи тронутъ, пораженъ, устрашенъ сими великими истинами, и представляя себѣ толикіе мои грѣхи, стремительно желаю я въ сію минуту, о Боже мой! изъявить Тебѣ вѣчное о нихъ сожалѣніе, и принести Тебѣ за нихъ дѣйствіе живѣйшаго, горчайшаго и совершеннѣйшаго сокрушенія. Вотъ чувства моего сердца, которыя посвящаю я печали и раскаянію; какъ бы горестны они ни были, могутъ ли они когда быть соразмѣрны великости моихъ преступленій?

Чувство кающейся души.

Боже милосердія! я прихожу къ Тебѣ весь изъявленъ, угнѣтенъ бремененемъ грѣховъ моихъ. Согрѣшихъ на небо и предъ Тобою, о Святый Боже! Я употребилъ во зло Твои благодати; я преступалъ Святыя Твои заповѣди;

я пренебрегалъ данными Тобою мнѣ средствами спасенія; я заслужилъ адъ. Хотя бы я провелъ все житіе мое въ стенаніи, въ горестномъ плачѣ о оскорбленіи Тебя: хотя бы я пролилъ толико слезъ, колико есть водяныхъ капель въ нѣдрахъ морскихъ: хотя бы претерпѣлъ всѣ мученія, какія иногда мученики претерпѣли: хотя бы я предалъ тѣло мое желѣзу и огню, то и тогда не принесъ бы я Тебѣ еще достойнаго удовлетворенія, и печали соразмѣрной великости и ужасу моихъ беззаконій. Святый Боже, праведный и отмщающій Боже, мнѣ ничего другаго не остается, какъ броситься къ стопамъ Твоимъ, и въ объятія Твоего милосердія, прибѣгнуть къ безконечной Твоей благости, молить Тебя помиловать душу мою стоющую Тебѣ столь дорого, представить Тебѣ заслуги и страданія единороднаго Твоего Сына. Вонми гласу крове Его восходящему къ Тебѣ, дабы тронуть Твое сердце и удовлетворить Твоему правосудію. Я гнушаюсь всѣми моими грѣхами, единственно изъ любви къ

Тебѣ, и по тому, что они Тебѣ противны. Почто не возмогу я омыть ихъ слезами моими и кровїю моею! Боже благости! Яви милосердїе Твое во спасенїи грѣшника къ Тебѣ обратившагося, на Тебя одного всю свою надежду возложившаго, и съ сей минуты до послѣдняго своего издыханїя Твоимъ быть желающаго.

Употребленія въ дѣйство.

1е. Часто соболѣзновать о грѣхахъ.

2е. Ненарушимо сохранять Церковныя правила о воздержанїи и постѣ.

3е. Умерщвлять плоть свою лишенїемъ нѣги и покоя.

4е. Употреблять часто Таинство покаянїя.

5е. Когда содѣлаютъ какое преступленїе, накладывать самимъ на себя нѣкоторую епитимїю.

6е. Просить Бога, чтобы всѣ наши нещастїя и огорченїя въ жизни вмѣнилъ Онъ въ наказанїе за грѣхи наши.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕНАДЕСЯТЬ.

И РАЗМЫШЛЕНІЕ

О страстяхъ Господа нашего Іисуса Христа.

Страсти Спасителя нашего должны мы почитать, 1е какъ великій предметъ нашей вѣры и нашего обожанія; 2е какъ надежное правило нашихъ нравовъ и нашего поведенія.

Статья первая.

Сынъ Божій на Крестѣ, какое зрѣлище! Какая тайна! Какое наставленіе! Сіе зрѣлище имѣемъ мы безпрестанно предъ очами нашими, но употребили ли мы когда стараніе довольно его разсмотрѣть, познать и о немъ размышлять? Сотворимъ то сего дня; находится ли что другое въ законѣ, достойнѣе сего нашихъ разсужденій и нашихъ чувствъ?

И такъ приступи, душе христіанская, оживленная чувствами вѣры, разсмотри Святаго Святыхъ въ томъ состояніи, въ которое привели Его грѣхи твои, или лучше сказать, любовь Его. Онъ не представляется тебѣ въ состояніи веле-

лѣпія, могущества и величества, поражающаго и ослѣпляющаго блескомъ: тѣмъ привлеклъ бы Онъ къ себѣ твое почитаніе, но пріобрѣлъ ли бы Онъ твое сердце? Онъ не инако хочетъ показаться, какъ посреди униженій, посрамленій и мученій, дабы ты Его возлюбила; чѣмъ больше лишенъ Онъ здѣсь своего вида и обезображенъ, тѣмъ больше должна ты находить Его любезнымъ и достойнымъ тебя, потому что Онъ содѣлался такимъ отъ безмѣрной Своей къ тебѣ любви. Всякая Его рана извѣщаетъ тебѣ Его любовь и требуетъ твоей. Воззри на сіе невинное Тѣло, распятое на поносномъ Крестѣ, повѣшенное между небомъ и землею, покрытое глубокими язвами, и все орошенное Его кровію. Воззри на сію Главу, увѣнчанную терніемъ, преклоненную подъ бременемъ угнѣтающей ее печали; на сіи помраченныя и утопающія въ слезахъ Очи, бросающія на тебя послѣдніе свои взоры; на сіи Уста, напоенныя оцетомъ и желчію, и отверзающіяся для произнесенія токмо нѣкоторыхъ словъ умирающимъ гласомъ; на сіи длани, которыя Онъ умирая простираетъ еще къ непокорливому и невѣрующему народу, ругающемуся Его посрамленію и Его мученіямъ: разсмотри наипаче сіе Сердце наичадолюбивѣйшаго Отца, прон-

зенное, исполненное скорби и погруженное въ океанѣ горестей.

Какой предметъ! и по симъ окровавленнымъ чертамъ можешь ли ты познать Господа Твоего, Царя славы, Сына Всевышняго, пріятнаго предмета Его благоволѣній, содѣловавшагося теперь поношеніемъ человѣковъ, презрѣніемъ и отвращеніемъ своего народа? *Азъ же есмь червь, а не человѣкъ, поношеніе человѣковъ и уничиженіе людей* (а). Ахъ! Святый самый Святыхъ обремененъ грѣхами міра, и пожертвованъ за всѣхъ грѣшниковъ! Тотъ, Кто царствуетъ на небеси, Кто имѣетъ власть на земли и въ адѣ, покинутъ своими друзьями, измѣненъ своими учениками, преданъ жестокости Его мучителей, оставленъ Своимъ Отцемъ, послушливъ до смерти, смерти же Крестныя! Тотъ, Кто содержитъ въ рукахъ Своихъ небесныя сокровища, обнаженъ всего и приведенъ въ крайнюю бѣдность! Тотъ, Кто даровалъ бытіе и жизнь человѣкомъ, распятъ, умерщвленъ самими тѣми, которымъ Онъ жизнь даровалъ! И такъ, преданъ будучи безмѣрнымъ

(а) Псал. 21.

оскорбленіямъ и униженіямъ, претерпѣваетъ Онъ съ кротостію Агнца, претерпѣваетъ Онъ какъ будто преступникъ, претерпѣваетъ Онъ въ молчаніи, прерывающемся только молитвою за Его враговъ, чтобы они прощены были въ Богоубійствѣ, содѣянномъ въ лицѣ Его. *Отче отпусти имъ* (а).

Великій Боже, Боже праведный и Всемогущій! Что другое кромѣ вѣры, и вѣры живѣйшей и послушнѣйшей, можетъ насъ здѣсь подкрѣпить? Но сія живая вѣра что другое, кромѣ живой печали, должна въ насъ произвести?

Печаль тѣмъ наичувствительнѣйшая, что Іисусъ Христосъ для того только терпѣлъ, что Онъ насъ любилъ, и что хотѣлъ Онъ избавить насъ отъ вѣчныхъ мукъ, нами заслуженныхъ.

Печаль тѣмъ глубочайшая, что всякой разъ, какъ мы грѣшили, возобновляли мы жестокость Его страстей, и снова распинали Его въ нашихъ сердцахъ.

(а) Лук. 23.

Печаль тѣмъ горчайшая, что мы единственно чрезъ нее можемъ получить прощенiе, и участвовать въ заслугахъ милосердаго Ходатая нашего.

О естьли бы сiе чувство хорошо вкоренено было вѣрою въ нашемъ сердцѣ, какихъ бы впечатлѣнiй оно въ немъ не произвело! Душа, проникнутая сею живою вѣрою, чувствительная къ мученiямъ своего Спасителя, сожалѣющая о прогнѣванiи Его, неутѣшимая во грѣхахъ своихъ, ополчается сама противъ себя, обращаетъ всю свою ненависть противъ своихъ преступленiй, отмщаетъ сама себѣ за оскорбленiя, содѣланныя къ небесному своему Жениху: Любезный мой распятъ, и се я сама пригвоздила Его ко Кресту; пролила Его кровь, способствовала Его смерти; и я отъ печали не умираю! А естьли я еще живу, то должна ли я жить для чего другаго, кромѣ оплакиванiя и терпѣнiя? Сiя огорченная душа, почитая себя блаженною, какую можетъ принимать часть въ прискорбностяхъ Божественнаго своего Искупителя, съ радостiю присовокупляетъ свои труды ко трудамъ Iисуса Христа, свою печаль къ печали Iисуса Христа, свои страданiя къ страданiямъ Iисуса Христа.

Ахъ! удалитесь отъ нее мiрскiя забавы, роскоши, виновныя удовольствiя

тѣлесныхъ чувствъ; вы были прежде ея страстію, а нынѣ были бы ея наказаніемъ. Вѣра ее просвѣщаетъ, Благодать ей касается, печаль ее тревожитъ, мучитъ; но сія тревога, сіе мученіе ей пріятны, милы, и она предпочитаетъ ихъ горесть всѣмъ услажденіямъ жизни. И такъ сохраните охотно, кающіяся души, сіе безпрестанное стараніе о умерщвленіи плоти, о порабощеніи тѣлесныхъ чувствъ; можетъ ли какое претерпѣніе быть излишнее, когда желаемъ уподоблятися Спасителю нашему? Хотя бы угнѣтенная природа сѣтовала; хотя бы міръ представлялъ обманчивыя свои прелести; хотя бы діаволъ воздвигнулъ тысячи искушеній и нападеній; вѣра и любовь, оживленныя зрѣлищемъ страдающаго Искупителя отвѣтствуютъ: вотъ въ страданіяхъ Ходатая дѣйствіе твоихъ беззаконій. Пускай непорочныя души вкушаютъ нѣкоторыя позволенныя увеселенія, а что до меня принадлежитъ, имѣвшаго нещастіе распять моего Спасителя, что мнѣ другое остается кромѣ стенаній и самой смерти, естьли возможно, при подножіи Креста?

Такъ мыслили, такъ поступали такія души христіанскія; такъ живутъ еще такія души праведныя, такъ будутъ

жить и поступать навсегда тѣ, которые оживотворены будутъ духомъ вѣры.

Я не удивляюсь, что столь многіе Святые терпѣли въ продолженіи ихъ жизни; что столь многіе кающіеся умерщвляли ихъ плоть, покорили тѣлесныя ихъ чувства, употребили надъ собою такія великія строгости. Будучи подкрѣплены зрѣлищемъ и оживлены вѣрою въ Ходатая своего, чего они не въ состояніи были сдѣлать?

О Божественныя язвы! какимъ другимъ образомъ можете вы сдѣлать смертныхъ людей подобно какъ нечувствительными къ пораженіямъ желѣза и огня, естьли не тѣмъ, что небесный горячайшій того огнь ихъ одушевлялъ? Любовь сильнѣе смерти; видъ страдающаго Христа, за котораго они воинствовали, учинялъ ихъ побѣждающими и торжествующими во всѣхъ ихъ мученіяхъ и сраженіяхъ. Таковы суть преславныя побѣды вѣры!

Статья вторая.

Одушевленные тою же вѣрою, станемъ взирать на умирающаго Іисуса Христа, какъ на правило нашихъ нравовъ и нашего поведенія. Въ продолженіи сего со-

стоянія что Онъ намъ говоритъ? какія поученія подаетъ? и какія иныя можетъ Онъ намъ подать на Крестѣ, какъ таковыя покаянія, умерщвленія плоти и смерти; и вѣрная душа можетъ ли воспріять другое какое чувство, кромѣ того, чтобъ умереть всему, дабы содѣлаться подобною ея умирающему Спасителю? *Мертвымъ убо быти грѣху*, говоритъ намъ Апостолъ, *живымъ же Богови: о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (а). Слышишь ли, о душе моя! сіе Божественное изреченіе? Умереть міру, умереть самимъ себѣ, въ семъ-то состояла вся премудрость Святыхъ, и сему поучаетъ насъ умирающій ходатай Самъ.

1е. Умереть міру, его пышностямъ, его правиламъ, его зрѣлищамъ; для христіанской души естьли другое зрѣлище, кромѣ зрѣлища Креста? При видѣ умирающаго Христа во удовлетвореніе за грѣхи міра, вразумимся что такое должны быть для насъ увеселенія, богатства, знатности, благосклонности, щастіе сего превратнаго вѣка: познаемъ напротивъ того, блаженство стенящей, терпящей, гонимой души; мы не должны почитать себя

(а) Рим. 6.

нещастливыми, когда лишены мы ядовитыхъ мірскихъ сладостей, то есть, когда примемъ мы участіе въ страданіяхъ и чашѣ Спасителя Христа; когда будетъ поступлено съ нами какъ и съ Нимъ, оставлены какъ Онъ, обвинены, осуждены какъ Онъ. И когда прилѣпленные къ міру пригласятъ насъ къ своимъ забавамъ, къ своимъ пиршествамъ, къ своимъ увеселительнымъ собраніямъ, скажемъ мы внутренно сами себѣ: нѣтъ, сердце мое не войдетъ въ сіи заблужденія и суетности; міръ распятъ мнѣ, а я распятъ міру. Сохрани Боже! чтобы вздумалъ я находить иную славу какъ въ униженіяхъ моего Спасителя, иныя богатства какъ въ Его нищетѣ, иныя услажденія какъ въ Его горестяхъ.

Ахъ! естьли надобно было, чтобы Спаситель мой потерпѣлъ, дабы войти въ свою славу, могу ли я, захочу ли я искать себѣ другаго пути? Могу ли я забыть, какой главы я есмь членъ? И какой будетъ стыдъ видѣть членъ нѣжный подъ главою увѣнчанною терніемъ? Я буду всегда помнить, что я послѣдователь страдавшаго Христа, и что шествуя по Его стопамъ могу я получить участіе въ Его славѣ; никогда не забуду я, что міръ есть Его врагъ, что не льзя служить двумъ Госпо-

дамъ, и что непремѣнно должно одного оставить и къ другому прилѣпиться; наконецъ я всегда буду имѣть предъ очами моими, а наипаче начертано въ сердцѣ моемъ сіе Апостольское изреченіе: *мертвымъ убо грѣху, живымъ же Богови: о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.*

2е. Для выполненія его во всемъ его пространствѣ, и уподобленія насъ страждущему Спасителю, не довольно того, чтобы умереть міру; но надобно еще умереть и самимъ себѣ, умереть нашимъ склонностямъ; умереть нашимъ отвращеніямъ и омерзѣніямъ.

Умереть тѣлеснымъ нашимъ чувствамъ и ихъ грѣховнымъ удовольствіямъ; умереть собственному нашему разуму, его суетности, его непокорливости, его любопытству, его упорству.

Умереть нашей волѣ, уничтожить ея желанія, исправить ея движенія; очистить всѣ ея склонности, и какъ бы онѣ земны и плотны ни были, содѣлать ихъ небесными и совсѣмъ Божественными.

Однимъ словомъ, умереть намъ самимъ и всему, дабы жить только жизнію умирающаго Христа, единственнаго Творца истинной жизни, внѣ котораго все есть только смерть, и смерть вѣчная.

Великія истины, ужасныя обязанности! О душе моя! не тревожься: Тотъ, кто представляетъ тебѣ бремя Креста, въ состояніи его облегчить; Онъ понесетъ его Самъ съ тобою. Правда, тебѣ надобно будетъ терпѣть, жертвовать, стенать, слѣдуя за Іисусомъ Христомъ; но послушай, разсмотри прилѣжно великое и удивительное чувство христіанской крѣпкой души; въ самое то время, какъ она намѣревается воспринять тягостной и строгой родъ жизни, представляютъ ей о томъ съ увеличиваніемъ трудностей: я понимаю все сіе, отвѣтствуетъ она, но *я буду имѣть распятіе, и для меня его довольно.* Я повторяю еще, великое чувство! оно будетъ твое, о душе моя! Въ тѣ минуты, когда смущенная, удивленная природа почувствуетъ отвращенія, и вострепещетъ, воображая себѣ на какія сраженія она поступаетъ, мысль о страждущемъ Спасителѣ за тебя и съ тобою, будетъ твоею силою твоимъ подкрѣпленіемъ, твоимъ утѣшеніемъ; и чего Онъ тебѣ не скажетъ? Чего ты сама не будешь имѣть Ему сказать?

Иногда смиренномудрствуя, при воззрѣніи на Распятіе, будешь ты возсылать ко Іисусу Христу благодареніе за любовь Его, что Онъ судилъ быть тебя достойною принять

участіе въ его страданіяхъ и въ чашѣ его горести.

Иногда орошая Распятіе слезами твоими, ты будешь стенать, горько плакать о твоихъ согрѣшеніяхъ, и находить свое утѣшеніе въ твоихъ только раскаяніяхъ и воздыханіяхъ; *согрѣшихъ на небо и предъ Тобою.*

Иногда сидя при подножіи Распятія, какъ Магдалина на Голгоѳѣ, будешь ты успокоивать себя о гнѣвѣ раздраженнаго Бога твоими грѣхами. Такъ, Божественное правосудіе, при видѣ Іисуса Христа, жертвы за меня, ты умилостивишься; никогда я съ Нимъ не разстанусь, а съ Нимъ могу ли я не уповать? Для достиженія меня, надобно прежде пронзить перси Того, Кто есть моимъ щитомъ.

Часто обнимая подножіе Распятія, досадуя на свое медленіе и нерадѣніе, будешь ты возбуждать твою довѣренность, твою любовь, всѣ твои чувства. Боже милосердія! скажетъ Ему твое сердце, пріобрѣтя заслугами Твоими безчисленныя сокровища, захочешь ли Ты отказать мнѣ въ малѣйшей оныхъ части, о которой молю я Тебя со всею горячностію, съ какою только могу? Я недостойна ея; но кровь Твоя, любовь Твоя ходатайствуютъ и просятъ за меня.

Вотъ, о душе моя! источникъ, изъ котораго будешь ты почерпать бодрость, подкрѣпленіе, постоянство, потребныя тебѣ въ минуты тоски и сраженій. Видъ Іисуса Распятаго содѣлаетъ тебѣ, не говорю сноснымъ, но легкимъ, но любезнымъ, но утѣшительнымъ бремя Господне, и все то, что неся его, претерпѣвать ты будешь. И такъ, во всѣ времена и во всѣхъ обстоятельствахъ, найдешь ты въ Немъ совершенный образецъ всѣхъ добродѣтелей, которыя тебѣ въ дѣйство употребить должно, и въ то же самое время всѣ благодати и вспомоществованія къ поощренію тебя исполнять ихъ, и изобразить въ тебѣ всѣ черты Божественнаго твоего подлинника.

Наконецъ, о душе моя! необходимо намъ нужно сообразоваться Божественному примѣру, подаваемому намъ Богомъ на Крестѣ; скажемъ себѣ то, что разсудокъ, что вѣра скажутъ намъ навсегда: Іисусъ Христосъ теперь нашъ Господь; естьли Ему подражать станемъ, Онъ будетъ нашъ Спаситель; но подражали ли Ему мы, или нѣтъ, все будетъ Онъ нѣкогда нашимъ Судіею. Блаженны мы естьли, нося Крестъ на тѣлѣ нашемъ, а наипаче начертавъ Его въ сердцѣ нашемъ, старались мы уподобиться распятому на немъ! Ибо сіе-то

во всемъ насъ оправдаетъ: но, естьли между Имъ и нами не найдется Святаго сходства, то безъ всякаго сужденія мы уже виновны, и понесемъ опредѣленіе нашего обвиненія въ насъ самихъ.

Не легко теперь, поистинѣ, послѣдовать Спасителю, нося свой Крестъ; но возведемъ очи горѣ, и просвѣщены будучи вѣрою, увидимъ заблаговременно посреди воздуха сей блистательный Крестъ, окруженный сіяніемъ и славою; Онъ явится въ страшный день суда: естьли на земли несли мы Его поношеніе и безчестіе, то въ небѣ будетъ Онъ намъ славою и вѣнцемъ.

При сей мысли оживимъ наше ободреніе, и въ сей пріятной надеждѣ почерпнемъ новыя силы въ священныхъ струяхъ умирающаго Спасителя; пойдемъ постоянно за нимъ: Онъ есть нашъ примѣръ въ теченіи нашей жизни, будетъ убѣжищемъ нашимъ при смерти, и награжденіемъ нашимъ въ вѣчности.

Постой нѣсколько минутъ при подножіи Креста, и посвяти себя ему на всю твою жизнь.

ПОСВЯЩЕНІЕ СЕБЯ КРЕСТУ.

Божественный Кресте моего Спасителя! я посвящаю теперь Тебѣ меня на вѣки; преисполненный почтеніемъ къ Тебѣ, соболѣзнованіемъ о грѣхахъ моихъ, благодарностію и любовію къ Божественному моему Искупителю, повергаюсь предъ стопами Твоими, моля принять меня въ Твои объятія, я предаюся Тебѣ на всѣ дни живота моего. Я посвящаю Тебѣ мои мысли, мои слова, мои чувства, мои дѣянія; я желаю, чтобы впредь все ознаменовано было печатію Креста. Но паче всего, Божественный Кресте! желаю я, чтобы Ты начертанъ былъ весьма глубоко въ моемъ сердцѣ: нѣтъ, не довлѣетъ того, чтобы имѣть Тебя предъ моими очами, носить Тебя на моемъ тѣлѣ; въ сердце мое помѣстить Тебя я желаю; тамъ-то хочу я, чтобы Іисусъ Христосъ царствовалъ съ Тобою и чрезъ Тебя. Я не прошу Крестовъ; я чувствую мою слабость, я знаю мою немощь: но естьли угодно будетъ сладчайшему моему Спасителю мнѣ ихъ послать, и присоеди-

нить имя къ Себѣ ихъ понести, я пріиму ихъ съ покорностію отъ руки Его, я почту себя блаженнымъ имѣть участіе въ чашѣ Его горести: когда согрѣшенія мои заслуживаютъ адъ: то могу ли я роптать на понесеніе Креста? Когда Спаситель мой вознесенъ на Крестъ, то могу ли я оскорбляться тѣмъ, чтобъ быть у ногъ Его. Хотя Крестъ кажется мнѣ тягостенъ, но благодать Его мнѣ поможетъ, меня подкрѣпитъ, будетъ моею силою и моимъ утѣшеніемъ.

О Божественный Кресте! такимъ образомъ желаю я быть посвященъ Тебѣ на всю мою жизнь; такимъ образомъ уповаю я взять Тебя въ мои руки при концѣ моей жизни: такимъ образомъ желаю я испустить послѣднее мое издыханіе въ Твои объятія, для врученія души моей ея Творцу. Аминь.

ЧТЕНІЕ ПЯТОЕНАДЕСЯТЬ.

О страданіяхъ.

По какому ослѣпленію и заблужденію христіане почитаютъ часто страданія нещастіями, а самихъ себя нещастливыми, потому что они терпятъ? Какъ! христіане покланяющіеся Христу Богу на Крестѣ, исповѣдывающіе законъ весь основанный на Крестѣ, долженствующіе полагать страданія въ число блаженствъ! Когда идолопоклонники и язычники такъ думаютъ, то сіе неудивительно; но естьли христіане подобныя оному чувства имѣютъ, не обезславливаютъ ли они тѣмъ вѣру, и не отрекаются ли нѣкоторымъ образомъ отъ ея закона? Христіане именемъ, будемъ христіане и сердцемъ; возвысимъ наши мысли и чувства, принесемъ въ жертву наши страданія, познаемъ того достоинство и цѣну.

Естьли мы грѣшники, чрезъ страданія Богъ подастъ намъ познать нашъ грѣхъ, Богъ подастъ намъ оставить нашъ грѣхъ, Богъ подастъ намъ очистить наши грѣхи. Какія благодати! И въ разсужденіи вѣры, не предпочтительнѣе ли онѣ предъ всѣми утѣшеніями и всякимъ мнимымъ благополучіемъ сего міра?

1е. Чрезъ страданія Богъ подаетъ намъ познать нашъ грѣхъ. По истинѣ, естьли что столь способное, какъ нещастіе, къ открытію очей нашихъ на пропасть куда влечетъ насъ благополучіе? Доколѣ грѣшникъ пребываетъ въ нѣдрѣ сего пагубнаго благополучія, онъ кажется позабываетъ, что у него есть Богъ, которому Онъ служитъ, и душа, которую Онъ спасать долженъ: множество предметовъ занимаетъ всѣ его мысли, истощаетъ все его вниманіе, и отнимаетъ почти у него время и средства образумиться. Тогда очи его отверстыя единственно на его увеселенія, закрыты на его заблужденія: или, естьли онъ ихъ и познаетъ, увы! какія-то познанія, и что они подѣйствовать могутъ? Познанія неточныя, поверьхностныя, которыя скоро разсѣяваются; познанія ограниченныя и темныя, которыя половинной только свѣтъ даютъ; познанія безпокойныя и скучныя, которыя онъ отвергаетъ и преодолѣваетъ какъ скоро они ему представятся; слѣдовательно безплодныя и безполезныя познанія. Что же потребно къ содѣланію ихъ дѣйствительными? Надобно, что бы печаль пришла къ намъ на помощь: ахъ! какъ скоро даетъ она всему другій видъ! Сперва начинаетъ она удалять сіе множе-

ство предметовъ, приводящее грѣшника въ разсѣяніе; вошедши въ себя, проникаетъ онъ хаосъ своей совѣсти, и, подобно человѣку выходящему изъ глубокаго сна, открываетъ онъ наконецъ свои очи, и со удивленіемъ видитъ пропасть, по краю которой онъ шествовалъ. Въ сіе время мысль о вѣчности возбудится, вѣра воспріиметъ всѣ свои права, и Благодать найдя входъ въ сердце, ужѐ пріуготованное печалями, оживитъ въ немъ Божественные Свои свѣты, казавшіеся ужѐ почти погасшими; и, озареніемъ сихъ Божественныхъ освѣщеній, покажетъ она грѣшнику весь стыдъ, всю злость, всю великость грѣха. Какіе трогающіе примѣры сего явилъ Ты намъ, о Боже мой! въ Давидѣ, въ Манасіи и въ столь многихъ другихъ грѣшникахъ, которыхъ просвѣтилъ Ты очи опечаливъ ихъ сердце!

2е. Однако же не довольно того, чтобы грѣшникъ позналъ только свое согрѣшеніе, надобно еще, что бы онъ имъ возгнушался и отъ него отсталъ; и такъ продолжай Твое дѣло, о Боже мой! поражай грѣшника, дабы онъ съ трепетомъ и покорностію бросился въ Твои объятія, какъ устрашенное дитя на руки своей матери: и вотъ тайна яко бы непрони-

цаемая, но безмѣрно важная Божіяго провидѣнія въ печаляхъ. Богъ наказываетъ иногда по благости, и щадитъ иногда по гнѣву: ибо какъ въ Богѣ находится благость милосердо-строгая, поражающая для спасенія; такъ есть въ Немъ и правосудіе строго-снисходительное, щадящее для погибели. Естьли Богъ являетъ когда сію милосердо-строгую благость, то наипаче въ печаляхъ, для приведенія насъ ко отреченію отъ нашихъ грѣховъ. Нѣкогда мы сіе познаемъ, и будемъ Его за то благодарить и благословлять.

Человѣкъ грѣшный и огорченный, ты воздыхаешь въ твоихъ печаляхъ; ты ропщешь о томъ, что проводишь дни твои подъ Крестами, что исчисляешь минуты твои слезами, что въ забавахъ твоихъ находишь ты только горесть, въ мірѣ только вѣроломство, въ друзьяхъ твоихъ только непостоянство, во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ только препятствія и неудачи, подъ ногами твоими только терніе или пропасти. Съ сего времени имѣешь ты только въ очахъ слезы, въ устахъ жалобы, и въ сердцѣ воздыханія. Ахъ! доколѣ будешь ты ослѣпляться въ твоихъ выгодахъ? Не уже ли ты никогда не познаешь Божескую руку и Его милосердіе

дѣйствующія для твоего спасенія? Такъ, грѣшникъ, надобно чтобы Богъ твой ослѣпилъ тебя какъ Товіа, дабы тебя просвѣтить; чтобы онъ повергль тебя какъ Савла, дабы тебя воздвигнуть; чтобы онъ низринулъ тебя, такъ сказать, какъ Лазаря во гробъ, дабы тебя воскресить ко благодати. Ахъ! что еще остается сдѣлать твоему Богу хотящему тебя спасти? Ты какъ бы исчерпалъ всѣ источники Его благости: Святыя внушенія, трогающія чувства, спасительныя извѣщенія, назидательные примѣры, внутреннія раскаянія, все употреблено было нѣжностію Его милосердія, и все содѣлано было безполезнымъ непреклонностію твоего сердца. Осталось только благодати Его послать на тебя печали. Развѣ Ему покинуть тебя на собственное твое произволеніе, допустить тебя шествовать скорыми шагами по пути погибели, дать тебѣ волю украсить и утучнить жертву для принесенія Его мщенію? Нѣтъ, мой Боже, рази насъ, мсти. Сіе мнимое снисхожденіе было бы ужаснѣйшимъ знакомъ Твоего гнѣва, а печали будутъ драгоцѣннѣйшими залогами Твоея любви. Сколько, въ самомъ дѣлѣ, такихъ грѣшниковъ, которые своимъ спасеніемъ обязаны единственно печалямъ, которые пролили слезы о ихъ грѣхахъ

послѣ пролитія уже таковыхъ о ихъ бѣдствіяхъ, и которые тогда только престали быть преступниками, когда учинилися нещастливыми? Я смѣло могу сказать, что множество грѣшниковъ были бы великими Святыми, естьли бы Богъ ниспослалъ на нихъ страданія; и напротивъ того множество Святыхъ были бы въ числѣ осужденныхъ, естьли бы печали не извлекли ихъ изъ грѣховной бездны.

3e. Новый залогъ благодати Божіей: печалями приводитъ Онъ насъ ко очищенію грѣховъ нашихъ. Самый Святый Духъ увѣряетъ насъ въ томъ, и говоритъ намъ, что время печали есть наиудобнѣйшее время къ полученію прощенія: *и во время скорбѣнія, грѣхи отпустиши всѣмъ, иже воззовутъ тя* (а). Въ порядкѣ правосудія Божія, грѣхи наши заслуживаютъ наказаніе; рано или поздно надобно его понести, или въ качествѣ кающихся въ сей жизни, или въ качествѣ осужденныхъ въ будущей, но съ тою только безмѣрною разностію, что наказанія сей жизни кратки и не въ потерю, а таковыя будущей вѣчны и безполезны. И такъ, какую благо-

(а) Тов. 3.

дарность должны мы возсылать Богу, когда доставляетъ Онъ намъ столь выгодный промѣнъ? Какъ! вѣчность страшныхъ мученій промѣнять на нѣкоторую временную печаль! Ужасные удары вѣчно отмщающей руки, поражающей безъ пощады, промѣнять на умѣренные удары родительской руки, повергающей и паки возстановляющей. Таковыя наказанія благодарность, или роптаніе заслуживаютъ?

По симъ причинамъ, грѣшники! Научимся терпѣливо нести бремя нашихъ печалей, сравнимъ временныя наши наказанія съ таковыми предоставленными намъ въ вѣчности: измѣримъ претерпѣваемое нами тѣмъ, что мы заслужили. Въ печаляхъ нашихъ скажемъ мы сами себѣ: я терплю, правда, жестокую болѣзнь; лихорадочный огнь течетъ съ кровію въ моихъ жилахъ, меня сжетъ и снѣдаетъ; но сей изнуряющей меня огнь столько ли горячь и столько ли силенъ, какъ огни такъ часто заслуженнаго мною ада? Я бѣденъ, и во всемъ имѣю недостатокъ; но со всѣмъ тѣмъ, состояніе мое столько ли плачевно какъ таковое осужденной и всѣми оставленной души, имѣющей только участію своею мученія, раскаянія и отчаяніе? О Боже мой! рази, рѣжь,

жги, раздави меня вЪ сей жизни, но пощади меня вЪ будущей. Время печалей будетЪ ли когда подобно бремени мщенія? И такЪ повергнемся предЪ подножіемЪ Креста, облобызаемЪ Руку насЪ ударяющую, возлюбимЪ Бога отечески насЪ наказующаго: рука Его поднята, но сердце Его отверсто, готово принять кающагося, дабы спасти грѣшника.

РАЗМЫШЛЕНІЕ.

О страданіяхЪ праведнаго.

ОживимЪ нашу вѣру, о душе моя! Она потребна для познанія БожіихЪ намѣреній вЪ разсужденіи страданій праведнаго, и для уваженія спасительныхЪ дѣйствій отЪ нихЪ происходящихЪ.

ЧрезЪ страданія БогЪ испытуетЪ, очищаетЪ, утверждаетЪ, увеличиваетЪ и усовершенствоваетЪ добродѣтель праведнаго. Когда праведный самый пріобрѣтаетЪ отЪ страданій столь драгоцѣнныя выгоды, то мы ужè послѣ сего, о Боже мой! вмѣсто роптанія и огорченій, не должны ли почитать всякое страданіе Твоею благодатію? Подкрѣпи меня, вели-

кій Боже, въ сихъ разсужденіяхъ столь противныхъ естеству, и столь превышающихъ тѣлесныя чувства.

1е. Чрезъ страданія Богъ испытуетъ добродѣтель праведнаго. Симъ образомъ испыталъ Онъ таковую Іова, лишивъ его всего на свѣтѣ; таковую Авраама, повелѣвъ ему принести сына его въ жертву; таковую Товіа, отнявъ у него зрѣніе: симъ образомъ испытуетъ Онъ еще ежедневно праведныя души достойныя Его: *азъ принесохъ молитву твою Господу Богу, и пріятна бысть предъ нимъ. Сего ради угодно бы Ему, да искушеніемъ искуситъ тя* (а). Тысяще-кратно обѣщали мы Богу, что мы пребудемъ Ему вѣрны, что мы лишимся лучше тысящи жизней, нежели Его прогнѣвать, что ни жизнь, ни смерть, ни міръ, ни адъ насъ съ Нимъ разлучить не могутъ: сіи обѣщанія безъ сомнѣнія Ему пріятны; но Онъ хочетъ удостовѣриться, довольно ли они искренны, и будутъ ли дѣянія соотвѣтствовать словамъ: короче сказать, Онъ требуетъ другаго доказательства сверьхъ таковаго нашихъ устъ, и сіе доказательство должны мы Ему подать въ нашихъ страданіяхъ. Скажемъ лучше: не Богъ соб-

---

(а) Тов. 12.

ственно хочетъ испытывать нашу добродѣтель, сердце наше безъ того извѣстно; но Онъ хочетъ, чтобы праведный самъ себя испыталъ и позналъ. Колико-кратно мы ласкаемся, ошибаемся въ расположеніяхъ нашего сердца? Пророкъ Давидъ, будучи столь удаленъ отъ опытовъ, увѣрялъ, что ни что поколебать Его не въ состояніи, а какъ пришелъ случай, Давидъ по нещастію не устоялъ. Хотя бы умереть съ Тобою, о Боже мой! Я Тебѣ вездѣ послѣдую, говорилъ Святый Апостолъ Петръ: но только гласъ единъ рабыни достаточенъ былъ содѣлать Его отступникомъ отъ Его вѣры. Колико праведныхъ, не ожидая никакихъ опасностей, думали себя быть непоколебимыми, но въ бурю искушеній потерпѣли нещастное кораблекрушеніе! Научимся, слабыя души, себя познавать и на себя не полагаться, доколѣ испытаніе печалей насъ не обнадежитъ и не сдѣлаетъ о добродѣтели нашей надежнѣйшаго свидѣтельства.

Увы! сколько разъ при исповѣди бралъ я святѣйшія намѣренія! Сколько разъ думалъ я быть въ состояніи предпринять все, претерпѣть все для Тебя, о Боже мой! но при малѣйшемъ случаѣ всѣ мои намѣренія исчезали, и все мое постоянство пропадало.

2е. Чрезъ страданія, Богъ очищаетъ добродѣтель. Праведный, говоритъ Святый Духъ, согрѣшаетъ седмь разъ въ день; то есть, что какъ бы праведенъ человѣкъ ни былъ, предъ Богомъ никогда оправдаться не можетъ. Онъ имѣетъ часто нѣкоторыя природныя сердечныя пристрастія, нѣкую склонность ко злу, нѣкоторую привязанность къ сотвореннымъ вещамъ, а наипаче къ самому себѣ; всегда имѣетъ онъ много нерадѣнія, сопротивленія, невѣрности ко Благодати. Хотя то, правда, слабыя облаки, но они помрачаютъ всегда блистаніе его добродѣтели, и нѣсколько препятствуютъ еще Благодати и соединенію съ Богомъ.

И такъ сіи-то препятствія хочетъ Богъ истребить, сіи-то облака разогнать. Какое же къ тому дѣйствительнѣйшее средство кромѣ страданій? Погрѣшности праведныхъ суть пятна на душѣ: хотя онѣ не нарушаютъ любовь Божію, но онѣ ее охлаждаютъ: хотя онѣ не лишаютъ Благодати, но онѣ ей досаждаютъ и мѣшаютъ ея впечатлѣніямъ: хотя онѣ не наносятъ смерти душамъ нашимъ, но онѣ производятъ ихъ немощи и слабости. По сей причинѣ Богъ, любящій праведныхъ и ими любимый, хочетъ со-

дѣлать ихъ всегда больше достойными Его и Его любви. Они суть драгоцѣнное злато, но его потребно еще очистить огнемъ терпѣнія, дабы дать ему всю его цѣну и все его блистаніе. Богъ наказываетъ тѣхъ, которыхъ Онъ любитъ, но Онъ наказываетъ отечески; рука ударяющая водима сердцемъ, любящимъ и желающимъ ихъ спасти.

Какъ бы я щастливъ былъ, о Боже мой! естьли бы воспріялъ я сіи чувства, естьли бы лобызалъ я руку меня наказующую, естьли бы соблюденныя Тобою для меня испытанія почиталъ я моимъ спасеніемъ! Благодать говоритъ такъ, но естество сопротивляется; не взирай, о Боже мой! на его сопротивленія, но подкрѣпи его слабость, и продолжай дѣло Твоего милосердія.

3е. Чрезъ страданія Богъ утверждаетъ добродѣтель праведнаго. Мы знаемъ, опытъ и вѣра намъ объявляютъ, что праведный наибольше бываетъ въ опасности тогда, когда онъ наименьше опасается, и что напротивъ того онъ наибольше бываетъ надеженъ тогда, когда онъ не думаетъ таковымъ быть. Онъ никогда не бываетъ тверже и непоколебимѣе, какъ тогда, когда не полагается онъ на самаго себя и на свою крѣпость: для того что

тогда ищетъ онъ помощи въ Богѣ, не надѣясь сыскать ее въ самомъ себѣ, и то, чего отъ собственныхъ своихъ силъ ожидать не можетъ, ожидаетъ онъ отъ Бога. И такъ, вотъ то блаженное состоянiе, въ которое приводитъ насъ печаль: ибо, сверьхъ того, что она удаляетъ предметы могущiе поколебать наше постоянство, она заставляетъ праведнаго безпрестанно быть въ осторожности, не полагаться на самаго себя, прибѣгать всегда къ Богу какъ къ своему пристанищу; удаляться болѣе и болѣе отъ мiра, отъ мiрскихъ вещей, которыхъ ничтожество и суетность печали ему откроютъ. И посему, естьли что въ состоянiи учинить добродѣтель нашу постоянною и твердою, такъ сiя наипаче недовѣрчивость къ намъ самимъ, и надежда на единаго Бога; два непоколебимыя основанiя великаго зданiя нашей святости.

Устрой душу мою, о Боже мой! на твердости сихъ основанiй. Я не осмѣливаюсь просить у Тебя страданiй, зная мою немощь: но, естьли страданiя нужны къ моему утвержденiю, то подай мнѣ благодать и силу ихъ понести. Я почерпну сiю силу при подножiи Креста Твоего, я буду молить Тебя о ней самимъ гласомъ Твоея крови пролитой за меня.

4е. Наконецъ, чрезъ страданія Богъ увеличиваетъ и усовершенствоваетъ добродѣтель праведнаго. Можно сказать, что терпѣнія подаютъ случай къ произведенію въ дѣйство всѣхъ добродѣтелей, и усовершенствоваютъ отправленіе всѣхъ добродѣтелей. Чрезъ страданія вѣра становится живѣе, надежда твержe, любовь горячѣе; кротость, терпѣніе, послушаніе, пускаютъ корни свои глубже и приносятъ плоды изобильнѣе. Праведный можетъ быть станетъ часто Бога просить о освобожденіи его отъ страданій и испытаній: но Богъ ревнуя собственной Своей славѣ и спасенію его души, скажетъ ему то, что сказалъ Святому Павлу: *довлѣетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (а). Страданія приведутъ тебя къ новымъ испытаніямъ, сдѣлаютъ на тебя новыя нападенія: но, естьли они для тебя новою причиною къ сраженіямъ, то будутъ они такъ же и новымъ тебѣ случаемъ торжествъ. Ты будешь сражаться при Моихъ очахъ: Я подкрѣплю тебя Самъ въ твоихъ битвахъ. Ополчися бодростію и силою: въ едину четверть часа страданій можно

Р 2

(а) 2. Коринѳ. 12.

больше заслужить, нежели въ цѣлые годы утѣшенія.

О безчисленныя сокровища хранящіяся въ печаляхъ! О удивительное Божіе провидѣніе надъ праведными! Въ семъ случаѣ, я не скажу уже какое повиновеніе, какое терпѣніе, но, естьли имѣютъ вѣру, какое утѣшеніе, какую радость страдающіе долженствуютъ ощущать въ ихъ внутренности! Со всѣмъ тѣмъ какими обыкновенно очами на нихъ взираютъ? Естьли увидятъ Іова лежащаго на гноищѣ, Іосифа обремененнаго узами въ темницѣ, Давида гонимаго Семеемъ, однимъ словомъ, праведнаго страждущаго: какъ сей человѣкъ нещастливъ, какъ онъ жалокъ! воскликнутъ со удивленіемъ. Сколь мы слѣпы, мы называемъ нещастливыми тѣхъ которые терпятъ, а Іисусъ Христосъ имянуетъ блаженными плачущихъ. Гдѣ наша вѣра? Богъ опечаливаетъ праведнаго; Онъ поступаетъ съ нимъ такъ для того, что Онъ его любитъ: и естьли бы любилъ Онъ его меньше, то бы поступалъ Онъ съ нимъ, какъ поступаетъ Онъ съ щастливыми свѣта сего; Онъ бы пустилъ его наслаждаться увеселеніями міра, заблуждаться съ міромъ, развратиться какъ міръ; наконецъ пришло бы то время,

когда бы Онъ судить, обвинять и проклинать его съ міромъ сталъ.

Не будемъ больше удивляться, о душе моя! естьли праведные терпятъ, то можетъ быть они отъ того только праведными, что они терпятъ; и что престанутъ они быть праведными, когда престанутъ они терпѣть. Святый Святыхъ терпѣлъ; Онъ не инако, какъ въ качествѣ болѣзненнаго человѣка учинился образцемъ предопредѣленныхъ, и мы не инако какъ чрезъ участвованіе въ Его страданіяхъ, можемъ получить часть въ Его славѣ. Естьли бы Святые въ раю могли имѣть какое сожалѣніе, то конечно бы не о томъ, что они много страдали на землѣ, но что они больше не потерпѣли. Чѣмъ больше постраждемъ мы въ качествѣ праведныхъ въ семъ свѣтѣ, тѣмъ выше будемъ мы воздвигнуты въ качествѣ предопредѣленныхъ въ славѣ. Страданія суть печать избранныхъ: кто не будетъ ознаменованъ симъ священнымъ знакомъ, тотъ не внидетъ никогда въ обиталище живыхъ. Мы всѣ чада Голгоѳы. Іисусъ Христосъ возродилъ насъ на ней въ своей кровѣ: Сей чадолюбивый Отецъ, Сей Отецъ умирающій, оставилъ намъ по себѣ въ достояніе только свой Крестъ и свою благодать: воспріимемъ оное съ благодарностію и

съ почитаніемъ, сохранимъ его съ смиренномудріемъ и попеченіемъ, мы получимъ нѣкогда со утѣшеніемъ плоды и награжденіе.

Употребленія въ дѣйство.

1е. Соединить наши страданія съ таковыми страдавшаго и умершаго за насъ Іисуса Христа.

2е. Часто лобызать Крестъ Іисуса Христа.

3е. Иногда преносить себя мыслями на Голгоѳу, иногда во глубину ада. При таковыхъ воображеніяхъ дерзнемъ ли мы роптать?

4е. Помышлять о множествѣ другихъ, которые претерпѣваютъ столько же и больше еще, нежели мы, и у которыхъ нѣтъ никакой помощи.

5е. Почитать себя жертвами, заслужившими смерть, которымъ Богъ, изъ милости, далъ время на покаяніе.

МОЛИТВА.

Ты страдалъ за меня, Божественный Спаситель! могу ли я роптать, естьли я терплю что для Тебя? Не должно ли напротивъ того почитать

мнѣ себя блаженнымъ, что имѣю я съ Тобою сїе Святое подобїе? Грѣхи мои заслуживаютъ адъ; по дѣйствїю неизреченнаго Твоего милосердїя. Ты благоволишь мѣнять представленныя мнѣ вѣчныя муки на нѣкоторыя временныя страданїя, имѣющїя нѣкогда кончиться. Какая благодать! Какая милость! Послѣ всего того, какъ мнѣ не желать принести что къ подножїю Креста Твоего? Я нахожу тутъ Божественную кровь Твою пролитую во спасенїе души моей. Не надлежитъ ли мнѣ смѣшать слезы мои съ Твоею кровїю, соединить мои страданїя съ Твоими мученїями.

И такъ я буду страдать, о Боже мой! я буду страдать, естьли то потребно, во всю мою жизнь; я буду страдать безъ роптанїя: я буду страдать съ терпѣнїемъ, съ повиновенїемъ; почто не могу я прибавить, съ радостїю! Ты подкрѣпишь мою немощь Твоею благодатїю. Щастливъ я, естьли послѣ всѣхъ печалей виновной жизни, веденной мною на земли, возмогу я еще имѣть участїе въ блаженствѣ

вѣчной жизни, Тобою уготованной намъ въ небѣ. Аминь.

ЧТЕНІЕ ШЕСТОЕНАДЕСЯТЬ.

О преизящности и достоинствѣ нашей души.

Душа сотворенная по образу Божію, душа искупленная смертію Божіею, душа опредѣленная ко блаженству Божественному; вотъ ея происхожденіе, ея цѣна и ея предметъ. Научимся познать, что такое есть наша душа, то есть, научимся ее уважать, ее почитать, ее святить, однимъ словомъ, ее спасать вотъ въ чемъ состоитъ человѣкъ, весь человѣкъ.

1е. Душа сотворенная по образу Божію. Когда я воображаю себѣ сію пространную вселенную и всѣ существа ее составляющія, вижу я себя окруженнаго безчисленнымъ множествомъ предметовъ, тварей, произведеній; все представляетъ мнѣ нѣчто великое; во всемъ нахожу я премудрость Божію, и знаки, начертанные Его рукою. Солнце являетъ мнѣ лучь Его славы, земля изображаетъ Его твердость, море подаетъ мнѣ мысль о Его неизмѣримо-

сти и о глубинѣ Его существа. Все сіе велико и достойно Бога, но во всемъ томъ не нахожу я еще ничего достойно представляющаго мнѣ Его образъ. Я разсматриваю еще между тѣнями и облаками толикихъ разныхъ существъ; встрѣчается мнѣ разумное твореніе, одаренное разсужденіемъ, способное къ чувствамъ и жизни, душа человѣческая: ахъ! говорю я самъ себѣ съ восхищеніемъ, вотъ тотъ живый образъ Божій, котораго я искалъ. Во мнѣ самомъ я его нахожу; въ немъ вижу я какъ назначенныя всѣ черты совершенствъ Божіихъ, Его красоты, Его благости, Его жизни, Его существа. Богъ, при созданіи души, сказалъ Самъ въ Себѣ: *сотворимъ человѣка по образу Нашему, и по подобію* (а). Вотъ зерцало: разсмотримъ сходство образа. Богъ живый, и душа наша живая; Богъ разумный, и душа наша разумная; Богъ духъ, и душа наша духовная; Богъ вѣчный, и душа наша безсмертная. Душа наша не только есть дѣло и созданіе Божіе; но она и Его образъ, лучь его славы. Сіе есть только естественная красота души, общая грѣшни-

(а) Быт. I.

комъ и праведникомъ; но что бы еще было, естьли бы можно было показать красоту сей души въ вышеестественномъ порядкѣ Благодати, пользующуюся драгоцѣннымъ сокровищемъ Благодати, облеченную всѣми свѣтлостями Благодати? Красота столь великая, что все сіяніе солнца и звѣздъ предъ нею бы затмилось. Естьли душа находится въ благодати съ Богомъ, Богъ соединяется съ нею, Богъ пребываетъ въ ней; самая красота Божія пріобщается къ ней: и тогда сія душа богата богатствами Божіими, свята святостію Божіею, праведна праведностію Божіею, и, *по словамъ Священнаго Писанія*, участвуетъ нѣкоторымъ образомъ въ естествѣ Божіемъ: *яко да сихъ ради будете Божественнаго причастницы естества* (а). Какое достоинство, какая великость души, носящей въ себѣ черты подобія Божія! Да не забудетъ она никогда преизящества своего существа, знаменитости своего происхожденія, и да поддержитъ она то превосходствомъ своихъ чувствъ!

2е. Душа искупленная кровію Божіею. О душе! вознесися превыше земли и тѣ-

(а) 2. Петр 1.

лесныхъ чувствъ: о человѣкъ! хочешь ли познать преизящество и цѣну твоей души? Вопроси Бога Искупителя, разсмотри Его труды, Его потъ, Его язвы, Его мученія, Его кровь и Его смерть; вотъ цѣна твоей души; вотъ чего стоитъ она Богу. Вопроси Христа страдающего, умирающего. Спасителю мой! что значатъ сіи язвы Тебя покрывающія, сіи слезы Тобою проливаемыя, сія кровь всего Тебя обагряющая? Онъ будетъ тебѣ отвѣтствовать, самимъ гласомъ сея крови восходящимъ къ небу, не для испрошенія, какъ Авелева, мщенія, но для испрошенія, какъ Агнцова, прощенія; Онъ скажетъ намъ, что сіе есть цѣна и искупленіе души нашей, и что предъ очами Его суждена она достойною искупленной быть сею цѣною.

Да познаютъ убо отсюду, всѣ рабы грѣха, невольники страстей своихъ, всѣ служащіе мамонѣ и чреву, всѣ тѣ, кои очарованы пустыми прелестями свѣта, всѣ тѣ, кои тщетныя и скоропреходящія его удовольствія почитаютъ единственнымъ своимъ благомъ, да познаютъ всѣ грѣшники, предпочитающіе ихъ спасенію души своей, да познаютъ и восчувствуютъ, чего лишаются они ради нѣкоторыхъ выгодностей своихъ,

получаемыхъ отъ міра, въ будущей жизни? Они лишаются спасенія своего, они погубляютъ душу, которая толь высокими качествами одарена отъ Бога въ своемъ твореніи, и которая столь драгою искуплена цѣною отъ работы вражія. Кая намъ польза, кая намъ польза, *аще міръ весь пріобрящемъ, душу же свою отщетимъ?*

3е. Душа опредѣленная ко блаженству Божію. Разсуждая о душѣ находящейся въ бѣдномъ и страждущемъ состояніи въ семъ мірѣ, погребенной въ веществѣ, заключенной въ *темницѣ* ея тѣла, стенящей въ мѣстѣ изгнанія; естьли на семъ остановиться, то жребій ея весьма удивителенъ покажется; гдѣ же, скажутъ, достоинство сей души? Гдѣ провидѣніе Божіе? Для чего столь преизящное само по себѣ существо доведено, помѣстчено, унижено столь мало достойнымъ но и самаго Творца образомъ? Но когда прибѣгнутъ ко свѣту вѣры, то увидятъ, что хотя сія душа и въ такомъ состояніи, но сіе на нѣкоторое только время, что Богъ помѣстилъ ее въ семъ мірѣ, яко въ мѣстѣ изгнанія, для заслуженія небеснаго отечества; что нѣкогда ея изгнаніе кончится, узы ея прервутся; что, произ-

шедши изъ нѣдра Божія, она нѣкогда къ Нему возвратиться имѣетъ, дабы жить съ Нимъ навсегда; что она проводитъ нѣкоторое время въ сраженіяхъ, дабы заслужить вѣчныя торжества; что по прошествіи сего краткаго срока, когда временныя тучи исчезнутъ, заря великаго дня вѣчности надъ нею взойдетъ, то вступитъ она въ обиталище живыхъ, будетъ тамъ царствовать и наслаждаться блаженствомъ самаго Бога.

Въ семъ видѣ, и въ семъ знаменитомъ опредѣленіи нашей души, я уже больше не удивляюсь всему тому, что Богъ для нее сдѣлалъ, и что Богъ Искупитель сошелъ на землю для ея спасенія. Удивительно мнѣ только то, что множество христіанъ просвѣщенныхъ вѣрою, знающихъ преизящность ихъ души и ея опредѣленія, столь мало тѣмъ уважаютъ, и не имѣютъ о ней попеченія. Ахъ! какъ умѣли цѣнить душу сіи Святые пустынники, которые для спасенія ея простились на вѣкъ съ міромъ, и погребли себя въ пустыняхъ! Какъ знали ее сіи Святые великодушные мученики, идущіе на мѣсто мученій и умирающіе съ радостію посреди пламени! Но знаютъ ли превосходное достоинство и преизящное опредѣленіе сей

души тѣ, которые стараются только о гиблющей плоти, и не радятъ о духѣ со всѣмъ небеснымъ; у которыхъ, кажется, есть только тѣло для удовольствія, и нѣтъ души для спасенія: которые даютъ все землѣ, куда они пойдутъ, и отказываютъ во всемъ небу, ихъ призывающему? христіане ли они? Хотя имѣютъ они сіе названіе начертанное у нихъ на челѣ, но чувства христіанскія обитаютъ ли въ ихъ сердцѣ?

Нѣкій великій Государь потребовалъ, чтобы Святый Григорій учинилъ нѣчто неправедное: Государь, отвѣтствовалъ ему Святый, естьли бы у меня было двѣ души, я бы могъ можетъ быть пожертвовать одною въ угодность вашу; но у меня одна только душа, и я хочу ее спасти. Беликое чувство! Воспріимемъ его во всѣхъ случаяхъ, когда спасеніе нашей души опасности подвержено бываетъ: станемъ говорить себѣ безпрестанно: у меня одна только душа, и я хочу ее спасти.

Размышленіе о томъ же.

И такъ сіе истинно, и вѣра меня тому научаетъ, что душа моя сотворена по

образу Божію, искуплена кровію Божію, опредѣлена ко блаженству Божественному. Но сіи великія истины какія предлагаютѣ мнѣ разсужденія? Какія чувства онѣ мнѣ внушаютѣ? Просвѣти меня, Великій Боже, Боже Творецѣ и Спаситель души моея.

Когда я разсматриваю преизящество души моей вѣ ея происхожденіи, то какія приходятѣ мнѣ мысли о великости! но когда вижу я чѣмѣ она содѣлалась моею невѣрностію, то какія печальныя раскаянія во мнѣ возбуждаются! Какѣ блистала она тогда, какѣ Богѣ возродилѣ ее вѣ водѣ крещенія? И вѣ какомѣ состояніи будетѣ она тогда какѣ я Ему ее возвращу? Душа сотворенная по образу Божію. И по какимѣ уже чертамѣ можетѣ Онѣ ее познать? Увы! образѣ изгаженный, образѣ посрамленный, образѣ униженный, остались ли еще у него какіе признаки перваго его состоянія, стараго его блистанія? Какія черты подобія имѣетѣ онѣ сѣ Богомѣ? Богѣ святѣ, а душа моя такова ли? Богѣ праведенѣ, а душа моя такова ли? Богѣ любезенѣ и совершенѣ, а душа моя отвратительна и недостаточна. Какѣ можетѣ Богѣ познать Себя, и Свое твореніе вѣ ней? О Пророче! ты произносилѣ жалостные вопли о Іерусалимѣ

опустошенномъ, разоренномъ, погребенномъ подъ его развалинами, и лишенномъ древнія его красоты. Не большія ли имѣю я причины произносить таковые жалостные вопли о душѣ моей обезображенной предъ очами ея Бога, и лишенной той красоты и славы, которыми облекъ Онъ ее при сотвореніи ея по Его подобію? *Чій образъ сей?* Сіе ли уже образъ Божій? Едва остаются нѣкоторыя Его черты, извлекающія только воздыханія, напоминая, что такое душа была и чѣмъ она быть долженствовала.

2е. Душа искупленная кровію Божіею. Душе христіанская, возносилась ли ты когда духомъ на Голгоѳу? Разсматривала ли зрѣлище представляемое тамъ вѣрою, принесшуюся жертву, непорочнаго Агнца умирающаго для твоего спасенія? Сіе особливо для меня должна ты сказать, для меня принесена сія великая жертва; для моего искупленія предался Спаситель мой страданіямъ и смерти, а я относила ли къ себѣ цѣну сего Божественнаго Искупленія? Сохранила ли я въ себѣ залогъ онаго? Когда Богъ потребуетъ отъ меня отчета во всемъ томъ, что сдѣлалъ Онъ для души моей, что дерзну я сказать Ему? Что могу я Ему отвѣтствовать? Онъ искупилъ сію душу пролитіемъ крови Своей; а я

учинилъ ее можетъ быть снова рабою міра, рабою грѣха, рабою ея страстей. Онъ даровалъ сей душѣ блаженную свободу чадъ Божіихъ, Онъ исторгнулъ ее изъ ногтей діавола; а я грѣхами моими довелъ ее еще до унижающаго постыднаго рабства; я предалъ ее въ руки враговъ на ея погибель. Горе тебѣ, граде искупленный, скажетъ еще востревоженный Пророкъ Іерусалиму! ибо употребилъ ты во зло твое искупленіе, оно обратится противъ тебя; ты употребилъ во зло Благодати, онѣ содѣлаютъ твое осужденіе; ты не позналъ сего благосклоннаго времени, сихъ дней спасенія возсіявшихъ надъ тобою; и такъ погибель твоя неизбѣжна, и враги твои не оставятъ въ тебѣ камень на камени. Ахъ! злополучнѣе еще сего грѣшная душа, употребившая во зло средства ко спасенію, и погубившая плоды заслугъ Бога Спасителя. Нещастная душе! сія Божественная кровь пролитая для твоего искупленія, возстанетъ и возопіетъ противъ тебя мщеніе; мѣра милосердій Божіихъ учинится таковою Его наказаній; и то, что долженствовало служить къ твоему предопредѣленію и къ твоему спасенію, произведетъ твое осужденіе и твою погибель, даже до того, что ты пожелала бы лучше не быть никогда искуп-

ленною. Увы! о Боже мой! не долженЪ ли и я страшиться подобнаго нещастія, за недостаточное попеченіе о моей душѣ, вѣдая, колико сія душа драгоцѣнна предЪ очами Твоими, а предЪ моими являющаяся яко обагренною Божественною Твоею кровію? Ты сошелЪ сЪ неба для ея искупленія и освященія; не ужѐ ли я столь нещастливЪ буду, что ею пожертвую и ее погублю, я, для того только произведенный вЪ свѣтѣ дабы ее спасти?

3е. Душа опредѣленная ко блаженству Божественному. Такова есть ея надежда, и жребій, пріуготованный ей вЪ небѣ. И по сему какЪ ужѐ сей душѣ доходить до такого униженія, что бы безмѣрно прилѣпляться кЪ ложнымЪ благамЪ, суетамЪ, мечтамЪ, ничтожеству сего міра! Боже мой! когда видимЪ душу назначенную жить вЪ небѣ, обременяющуюся попеченіями, безпокойствами и трудами о тлѣнныхЪ и обманчивыхЪ благахЪ; когда видимЪ сребролюбивую душу, старающуюся только о собираніи и умноженіи гиблющихЪ сокровищЪ; когда видимЪ свѣтскую душу, провождающую часы и цѣлые дни у зеркала, представляющаго ей ея суету, занимающуюся только нарядами ея тѣла, украшеніями истукана; душу разумную, душу

безсмертную, не должно ли сказать: о чѣмъ ты думаешь? Въ чѣмъ ты упражняешься? Толико попеченія и трудовъ для виновнаго тѣла, долженствующаго погибнуть, назначеннаго на съѣденіе червямъ, и столь мало заботы для души, назначенной вѣчно пребывать съ Богомъ! Надлежитъ ли намъ имѣть другое какое попеченіе на сердцѣ, другое какое упражненіе въ семъ мірѣ, кромѣ таковаго, что бы содѣлать душу нашу святою и достойною небеснаго наслѣдія ей предлагаемаго? Со всѣмъ тѣмъ, о Боже мой! сотворилъ ли я что для спасенія моей души? И чего не произвелъ я къ ея погибели? Какъ же въ самомъ дѣлѣ поступаютъ въ разсужденіи своей души?

О ней нерадятъ, ее обезславливаютъ, ею жертвуютъ, и слѣдственно ее погубляютъ. О ней нерадятъ: видя наше нерадѣніе, наше въ семъ случаѣ равнодушіе, не скажутъ ли что сія душа для насъ есть чуждая? Ее обезславливаютъ, порабощая ее тѣлеснымъ чувствамъ, предавая ее поношенію тысячи гнусныхъ страстей. Ею жертвуютъ; но чему же? подлой корысти, непристойному удовольствію, минутному увеселенію. Безразсудно подвергаютъ ее соблазнамъ тысячекратно испытанныхъ

опасностей: водятъ ее по краю пропастей, безъ разскаянія и страха; наконецъ, ее погубляютъ, и, погубляя ее, знаютъ, что погублено все, по тому что погибель души есть вдругъ всеобщая погибель, вѣчная погибель, никогда невозвратная погибель. Гдѣ же нашъ разсудокъ? Куда дѣвалась наша вѣра? Богъ Спаситель сіе сказалъ, и хотѣлъ возвѣстить сіе всей вселенной, а я еще о томъ ни подумалъ, ни вразумился. Къ чему человѣку пріобрѣсти вселенную, естьли по нещастію погубитъ онъ свою душу! И что можетъ она дать въ замѣну сей потери! Естьли сія душа единожды погублена, что уже мнѣ *остается*, и *къ чему потребно* мнѣ все прочее? Множество сокровищъ, блистаніе почестей, владѣніе всѣхъ гиблющихъ благъ замѣнятъ ли мнѣ вѣчную потерю души мнѣ ввѣренной?

Двѣ важныя мысли меня удивляютъ, меня ужасаютъ, меня тревожатъ, о Боже мой! а имянно, разсужденіе о душѣ во грѣхѣ, и о душѣ во адѣ; душа во грѣхѣ, покрытая проказою грѣха, предметъ отвращенія и гнусности предъ очами ея Бога, жертва приносимая вѣчнымъ мукамъ, естьли она въ такомъ положеніи разлучится съ своимъ тѣломъ; но паче всего душа въ адѣ, навсегда отдаленная

отъ Бога, осужденная не видать никогда Творца своего бытія, преданная ужасамъ бѣшенства, горести отчаянія, могущая и долженствующая говорить вѣчно себѣ: я могла спастися, но я осуждена. И такъ, теперь безчисленное множество душъ находится въ семъ пагубномъ состояніи, и во глубинѣ сей отчаянной бездны. Увы! что со мною нѣкогда послѣдуетъ, и какой жребій моей души будетъ въ вѣчности?

НАМѢРЕНІЕ и МОЛИТВА.

Съ сердечнымъ сокрушеніемъ и на весь остатокъ дней моихъ скажу я: все кончилось, мечта изчезла, ослѣпленіе миновалось; я хочу помышлять о спасеніи моей души. До сего времени я о ней нерадѣлъ, я ее оставилъ, я ее унизилъ, я ею жертвовалъ; я не зналъ ни ея важности, ни ея цѣны, ни къ чему она назначается. Я имѣлъ попеченіе о всемъ прочемъ совсѣмъ для меня не нужномъ; едина только моя душа была забвенна, хотя она едина заслуживала и требовала всѣ мои старанія. Увы! естьли бы Богъ взялъ меня въ нѣкоторое извѣстное время, есть-

ли бы Богъ позвалъ меня къ Себѣ въ нѣкоторыя извѣстныя минуты, въ какомъ состоянiи предстала бы она предъ Его очи? Какой ея жребiй, или лучше сказать, какое ея нещастiе было бы теперь? Конечно такъ, съ сей же минуты хочу я пещися о спасенiи души моей; самъ единственно долженъ я заниматься въ семъ мiрѣ, а прочее все къ чему потребно мнѣ при послѣдней моей минутѣ? Жизнь моя проходитъ, дни мои протекаютъ, здѣшнiй вѣкъ мой оканчивается; время остающееся у меня можетъ быть весьма кратко: и хотя бы оно еще и продолжительно было, достанетъ ли его на замѣнъ толикаго потеряннаго времени, толикихъ нарушенныхъ благодатей, толикихъ содѣянныхъ греховъ? Я хочу, подобно кающемуся Пророку, держать всегда душу мою въ рукахъ моихъ, всегда въ готовности возвратить ее Богу, когда Онъ ее у меня потребуетъ, и сказать Ему: *въ руцѣ Твои предаю духъ мой.* Вотъ моя душа, о Боже мой! Ты мнѣ ее далъ, я вручаю ее Тебѣ, и молю явить къ ней Твое

милосердiе. Я хочу помышлять о спасенiи души моей, и помышлять о томъ прилѣжно, постоянно, въ теченiи сей временности; всей вѣчности не достало бы на оплакиванiе ея нещастiя и погибели. Сiя душа можетъ еще Твоею быть, о Боже мой! потому что я не престалъ дышать; она можетъ еще Тебя любить. Озари насъ небеснымъ Твоимъ свѣтомъ, Господи! дай познати намъ достоинство души нашей, и попеченiе, которое мы о ней имѣть должны: дай разумѣти намъ, что она Тобою жить, и съ Тобою на вѣки во царствiи небесномъ пребывать долженствуетъ.

Употребленiя въ дѣйство.

1е. Почитать нашу душу, ибо она сотворена по образу Божiю.

2е. Почитать нашу душу, ибо она обагрена кровiю Iисуса Христа.

3е. Имѣть попеченiе о нашей душѣ, ибо она назначена къ вѣчному блаженству.

4е. Безпрестанно говорить намъ самимъ себѣ: я имѣю душу, и хочу ее спасти.

5е. Отъ времени до времени препоручать нашу душу Богу, подобно какъ при концѣ нашей жизни.

6е. Наконецъ, часто помышлять, что естьли погубимъ мы свою душу, то все пропало на вѣкъ; напротивъ же того, естьли мы ее спасемъ, то получитъ она навсегда участіе между избранными.

ЧТЕНІЕ СЕДМОЕНАДЕСЯТЬ.

О способѣ содѣлаться святымъ въ своемъ состояніи, и по своему состоянію.

Надобно признаться, что міръ имѣетъ о святости весьма ложное понятіе, представляя оную себѣ жестокою, строгою и неудобь-содѣемою вещію, до которой едва достигнуть можно. Воображаютъ себѣ, будто житіе благочестивыхъ людей погружено всегда во глубинѣ задумчивости, будто лице ихъ покрыто всегда мрачными облаками, будто сердце ихъ не пріемлетъ никогда радости, будто пріятные и спокойные дни никогда имъ не являются: заблуждающее, ложное понятіе, никогда несказанное разсудкомъ, отрицаемое истиною, выдуманное самолюбіемъ, дабы имѣть предлогъ не стараться о пріобрѣтеніи святости, представляя ее се-

бѣ яко бы выше силъ своихъ. Нѣтъ, святость не такова, какъ о ней мечтаютъ, воображая оную себѣ всегда дикою и сокрывшеюся въ лѣса, всегда окровавленною и израненною терніемъ, всегда печальною, и покрытою пепломъ и вретищемъ; она находится такъ же и въ городахъ, какъ и въ пустыняхъ, такъ же на престолѣ, какъ въ хижинѣ и въ пыли; и часто она не меньше покрыта бываетъ порфирою, какъ и рубищемъ.

О Израиль! говорилъ нѣкогда Пророкъ своему народу, не думай что бы предписанный тебѣ Богомъ Святый законъ далеко отъ Тебя отстоялъ, и выше силъ твоихъ былъ. Нѣтъ, для соблюдедения его, не надобно скитаться по пустынямъ, ни взлазить на горы, ни проходить чрезъ моря: ты можешь исполнять его не выходя изъ твоего отечества, не оставляя твоего имущества, и не подвергая жизнь твою опасности: Богъ, зная твою слабость, сотворилъ его тебѣ возможнымъ, и ты найдешь его скоро, естьли будешь искать его чистосердечно.

Но въ чемъ же состоитъ святость, и что должно дѣлать, дабы учиниться Святымъ? О человѣки созданные для рая! хотите ли научиться содѣлаться Святы-

ми, и познать путь ведущій ко святости? Ахъ! естьли бы сказали прилѣпившимся къ міру людямъ, хотите ли вѣдать средство быть богатыми, быть щастливыми на землѣ, съ какою бы радостію приняли они сіе предложеніе? Съ какимъ бы стремительнымъ желаніемъ обратили они къ сему внимательный свой слухъ? Я имѣю нѣчто больше возвѣстить, а имянно: средство быть щастливымъ въ небѣ; и сіе средство тѣмъ утѣшительнѣе, что оно вѣрнѣе и надежнѣе. Что же наконецъ потребно къ содѣланію себя истинно Святымъ? Вотъ мой отвѣтъ въ двухъ словахъ: надобно только вѣрно выполнить *должности твоего состоянія*: знаешь ли ты оныя? Естьли ты ихъ знаешь и выполняешь, то ты Святъ: Богъ только сего отъ Тебя требуетъ. Начальною и главною причиною сему то, что дѣйствительно всѣ состоянія установлены Провидѣніемъ, и Провидѣніе распорядя состоянія, долженствовало подать и средства содѣлаться въ нихъ Святыми: сіи ко Святости средства должны быть возможными всякому, и во всякомъ состояніи. Какое же средство надежнѣе, возможнѣе всякому, и во всякомъ состояніи, какъ не выполненіе самихъ должностей своего состоянія? Слѣдовательно выполненіе сихъ дол-

жностей есть вѣрное средство содѣлаться въ немъ Святымъ.

И такъ, великіе міра, хотите ли быть Святыми? Не гордитеся вашею знаменитостію, отъ чего можете прійти въ ненависть: представляя на землѣ образъ Божій, не инако давайте чувствовать вашу великость, какъ вашими благодѣяніями; тогда послужитъ ваша великость къ содѣланію васъ Святыми.

Судіи, опредѣленные для правосудія и рѣшенія жребія людей, держите всегда въ рукѣ вѣсы равно, дабы корыстолюбіе и пристрастіе не могли никогда сдѣлать перевѣса. Помните всегда, что ваши приговоры и причины оныхъ будутъ нѣкогда вѣшены на вѣсахъ суда Божія.

Купцы, упражняющіеся въ торговлѣ, полагайте честность въ основаніе оной, тогда довѣренность будетъ ея подпорою. Не завидуйте большимъ богатствамъ, они бываютъ иногда подозрѣваемы въ великихъ несправедливостяхъ, и всегда подвержены великимъ превратностямъ.

Художники, безпрестанно трудящіеся, при начинаніи вашихъ дѣлъ просите всегда благословенія Божія. Іисусъ Христосъ и самъ работалъ на землѣ: какой примѣръ къ освященію вашихъ дѣлъ! ка-

кая причина ко облегченію вашихъ трудовъ!

Отцы семействъ, хотите ли быть Святыми? воспитывайте дѣтей вашихъ въ страхѣ Божіи; оставьте имъ сіе драгоцѣнное достояніе; оно гораздо лучше всѣхъ сокровищъ.

Матери христіанскія, не составляйте себѣ о святости страннаго понятія; имѣйте попеченіе о вашихъ чадахъ и домочадцахъ, и присмотръ за подробностями домашняго хозяйства; не почитайте таковыя упражненія недостойными васъ.

Дѣти, имѣйте къ родителямъ вашимъ почтеніе, покорность, любовь; по симъ единственно знакамъ можно васъ признать чадами Божіими.

Дѣвицы христіанскія, хотите ли быть Святыми? Соблюдайте благопристойности вашего пола и вашего состоянія; то есть, да пребудетъ стыдливость на челѣ вашемъ, да предсказываетъ скромность всѣ ваши слова, да управляетъ воздержность вашими взорами, да будетъ умѣренность вашимъ лучшимъ украшеніемъ: вотъ ваши истинныя преимущества предъ очами Бога и свѣта.

Служители, ибо святость пріобщается ко всѣмъ, не забывайте, что Іисусъ Христосъ самъ служилъ своимъ Апостоламъ: и такъ служите вы на землѣ вашимъ Господамъ съ раденіемъ и вѣрностію, за что нѣкогда во царствіи небесномъ будете.

Наконецъ, христіанинъ, кто бы таковъ ни былъ, ты непремѣнно долженъ быть въ одномъ изъ сихъ двухъ состояній: или въ благополучіи или въ печалѣ: естьли ты въ благополучіи, имѣю я сказать тебѣ едино только сіе слово: не полагайся на твое состояніе, оно опасно, потому что состояніе благополучія обыкновенно не содѣлываетъ Святыхъ; касательно же васъ воздыхающихъ въ печали, состояніе ваше по истинѣ горестно и тяжко; но когда разсуждаю я о раѣ, то нахожу, что всѣ Святые симъ путемъ шествовали; и такъ сей путь есть къ раю; идите по немъ безъ роптанія, лобызайте руку васъ ударяющую, просите Бога о вмѣненіи вашего страданія въ наказаніе за грѣхи ваши; вотъ вы и Святы и нѣкогда будете наслаждаться блаженствомъ.

Да будетъ сіе чувство вѣчно начертано въ сердцахъ нашихъ. Какъ должно поступать для достиженія святости?

выполнять должности своего состоянія. И когда я говорю должности, я разумѣю обыкновеннѣйшія должности тѣ, которыя имѣемъ мы ежедневно въ нашихъ глазахъ и рукахъ: быть хорошимъ отцемъ, хорошимъ пріятелемъ, хорошимъ гражданиномъ, хорошимъ родственникомъ: то есть, дабы быть Святымъ, часто надлежитъ дѣлать только то, что мы дѣлаемъ, но дѣлать то инако, нежели мы обыкновенно дѣлаемъ; мы должны отправлять наше званіе съ бо́льшею вѣрностію, нашу торговлю съ бо́льшею честностію, нашу работу съ бо́льшимъ прилѣжаніемъ, наши молитвы съ бо́льшимъ вниманіемъ, наши исповѣди съ бо́льшимъ сокрушеніемъ сердца, наши причащенія съ бо́льшимъ жаромъ, всѣ наши дѣла съ бо́льшимъ порядкомъ, съ бо́льшею точностію, и съ бо́льшею непорочностію намѣренія: вотъ что учиняетъ Святыми, и великими Святыми. По сему мы весьма виновны, весьма жалки, что имѣя столь легкое средство содѣлаться таковыми, о томъ не радѣемъ, то есть имѣя сокровища въ рукахъ нашихъ, мы ихъ не удерживаемъ и подвергаемъ вѣчной потерѣ.

И такъ возвысимъ наши взоры и наши чувства, и въ какомъ бы состояніи мы ни были, принесемъ себя святости

въ жертву, и безъ отлагательства станемъ стараться учиниться Святыми.

Но Святыми во всемъ, во всѣхъ обстоятельствахъ и во всякое время.

Святыми въ нашихъ мысляхъ, и что бы разумъ нашъ не воспринималъ иныхъ кромѣ достойныхъ Бога.

Святыми въ нашихъ склонностяхъ; и что бы сердце наше, сотворенное для Бога, затворено было для всякой неумѣренной человѣческой склонности.

Святыми въ нашихъ дѣяніяхъ; что бы Благодать была ихъ производительницею, а благочестіе ихъ душею.

Святыми во всѣхъ нашихъ поступкахъ; что бы оные всегда управляемы были по стезямъ справедливости.

Святыми во внутренности домовъ, что бы воцарить въ нихъ порядокъ, согласіе и миръ; и Святыми внѣ домовъ, что бы подать хорошій примѣръ и наставленіе.

Святыми въ супружествѣ и въ безбрачіи.

Святыми во изобиліи и въ недостаткѣ; Святыми въ благоденствіи и во искушеніяхъ; Святыми въ болѣзни и въ здравіи; Святыми въ жизни и въ смерти;

Святыми во времени и въ вѣчности; она должна нѣкогда соединить насъ въ полнотѣ Святыхъ.

Размышленіе о Святости.

Вотъ важныя истины, представляемыя намъ святостію: сколь онѣ основательны! сколь онѣ превосходны! Какъ могли онѣ укрыться отъ нашего разума? или, естьли онѣ ему встрѣчались, то какъ могли онѣ сдѣлать столь малое впечатлѣніе на сердцахъ нашихъ?

Боже Святый и Творецъ всякой Святости, Ты единъ можешь подать имъ дѣйствительность и силу, начертай ихъ на моемъ сердцѣ столь глубоко, что бы онѣ никогда загладиться не могли, и что бы онѣ были правиломъ всего моего поведенія.

1я Истина. Мы для того только въ семъ мірѣ, что бы учиниться Святыми. Вотъ важное дѣло намъ порученное; всѣ прочія могутъ насъ забавлять и насъ дѣлить, но сіе долженствуетъ насъ совсѣмъ занять и надъ нами единоначальствовать; всѣ прочія могутъ быть раздѣлены по разнымъ состояніямъ и званіямъ жизни; такъ что одно будетъ дѣло

купца, другое судіи, иное придворнаго и Государя: но сіе управляетъ всѣми прочими, и касается до всѣхъ насъ безъ изъятія; она есть таковое купца въ его торговлѣ, судіи въ его судѣ, богатаго въ его чертогахъ, Государя на его престолѣ; для того что не бывши еще всѣмъ тѣмъ, мы были ужѐ христіане, и что мы для того только христіане, что бы быть Святыми. Ты, не для того, Боже мой, произвелъ насъ въ семъ мірѣ, что бы намъ быть великими, богатыми, щастливыми; но дабы быть Святыми. Всѣ прочія дѣла, безъ сего, или для насъ равнодушны, или чужды, или вредны. Неопровергаемая истина, что хотя бы успѣли мы во всѣхъ прочихъ дѣлахъ, а не удалось бы намъ въ семъ, то все бы безполезно осталось: напротивъ же того, что хотя бы не удалось намъ во всѣхъ прочихъ дѣлахъ, а успѣли бы мы только въ семъ, то имѣли бы мы вѣрное пріобрѣтеніе навсегда. Душе христіанская! Богъ видитъ тебя съѣдаемою горестію печалей, угнѣтенною бременемъ напастей; Онъ видитъ что ты лишаешься всего того, что тебѣ любезно; Онъ видитъ тебя окруженною развалинами твоихъ благъ, твоего здравія, и твоего имущества; но посреди сего нещастія ты под-

крѣпляешься, и на сихъ разбросанныхъ развалинахъ воздвигается зданіе твоей святости; и такъ ты ничего не потеряла. Она была единственная вещь тобою желаемая; она существуетъ; все спасено, потому что мы для того только произведены въ міръ, что бы быть Святыми.

Я совершенно увѣренъ о семъ важномъ правилѣ по разсужденію; но хорошо ли я ему слѣдовалъ въ самомъ дѣлѣ? Я знаю, что я для того только въ мірѣ, что бы быть Святымъ; старался ли я таковымъ учиниться? Къ чему мнѣ быть убѣждену важными истинами закона, есть ли въ моемъ поведеніи онѣ изчезаютъ? Боже мой! я для того единственно жить хочу, что бы пріобрѣтать святость: сіе есть единственное Твое намѣреніе, и я ему единственно слѣдовать желаю.

2я Истина. Нѣтъ ничего столь достойнаго насъ, какъ святость. Люди, назначенные въ небо, что дѣлаемъ мы на землѣ, и чѣмъ мы въ мірѣ семъ занимаемся? Собирать сокровища, восходить на вышнія степени почестей, вотъ что великими дѣлами называется: таковы ли они дѣйствительно? Не станемъ совѣтоваться съ людскими о семъ понятіями;

они суть вѣсы несправедливые. Что такое есть святость въ очахъ Божіихъ? Она есть лучшее рукъ Его твореніе и предметъ Его благоволеній: по симъ двумъ качествамъ не заслуживаетъ ли она всѣ наши старанія? Когда Богъ сотворилъ сію пространную вселенную, извлекъ ее изъ небытія, распространилъ неизмѣримую обширность воздуха, утвердилъ основанія земли, положилъ предѣлъ волнамъ морскимъ, какъ Священное Писаніе сказываетъ намъ, Всемогущій веселился Своимъ твореніемъ: *егда веселяшеся вселенную скончавъ, и веселяшеся о сынѣхъ человѣческихъ* (а): но когда дошло дѣло до содѣланія Святыми, до расположенія свѣтовъ озаряющихъ Святыхъ, случаевъ пріуготовляющихъ Святыхъ: *тутъ* уже Богъ даетъ намъ Сына Своего, да всякъ вѣруяй въ онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный, *тутъ* потребна была вся премудрость Его *совѣта* къ содѣланію столь великаго предпріятія, все могущество Его руки ко исполненію онаго, все великолѣпіе Его сокровищъ ко украшенію онаго, все дѣйствіе его любви ко утвержденію и усовершенствованію онаго.

(а) Притч. 8.

Святость есть лучшее творенiе рукЪ Его: она такЪ же есть предметЪ Его благоволенiй. Великiй Боже! озерцая сЪ высоты неба вселенную, гдѣ находились мудрые, великiе, побѣдители, Государи на престолахЪ, а IовЪ былЪ на гноищѣ страждущiй проказою, обратилЪ Ты взоры благоволенiя на скорбящаго Iова. Конечно такЪ, душа Святая, неизвѣстная можетЪ быть вЪ мiрѣ, сокрытая вЪ забвенiи, она то есть зрѣлище достойное Бога, праведнаго цѣнителя всѣхЪ вещей, и знающаго различать ложный блескЪ отЪ истиннаго свѣта. ВЪ очахЪ вѣры, нѣтЪ ничего столь превосходнаго и столь достойнаго Бога и насЪ, *какЪ святость.*

Исполни меня симЪ чувствомЪ, о Боже мой! все прочее удалится отЪ очей моихЪ, и мало будетЪ трогать сердце мое, потому что все прочее есть ничто предЪ Тобою.

3я Истина почерпнутая изЪ самой внутренности нашихЪ раскаянiй и нашихЪ мыслей. Что дѣлаемЪ мы дабы учиниться Святыми? Кто ты? Откуда пришелЪ? Куда идешь? Кто ты? Я христiянинЪ. Откуда пришелЪ? ИзЪ нѣдра Божiя. Куда идешь? ВЪ вѣчность. Ты христiанинЪ! ты носишь сiе названiе; но имѣешь ли добродѣтели онаго? Ты идешь вЪ вѣч-

ность! но потому ли пути? Будучи пришельцемъ въ сей землѣ странствованія и изгнанія, памятуешь ли ты, что небо есть твое отечество? Будучи званъ къ небесному достоянію, стараешься ли ты пріобрѣтать любовь приглашающаго тебя отца сѣмейства? Для тебя пріуготованъ вѣнецъ въ небѣ, помышляешь ли ты, что оной дается за заслуги?

Въ качествѣ христіанъ, носимъ мы важное имя, важныя званія, важныя упованія; поддерживаемъ ли мы ихъ важными чувствами? Увы! все въ насъ велико, кромѣ заслугъ и добродѣтелей.

О Боже мой! какое наше ослѣпленіе! Что дѣлаемъ мы ко учиненію насъ Святыми; или лучше, чего не дѣлаемъ мы ко удаленію себя отъ путей святости? Естьли бы намъ сказали, что, дабы быть Святыми, надлежитъ взять путь совсѣмъ противный таковому Евангелія, то есть, что вмѣсто ревности, отверженія себя, умерщвленія плоти, бдительности, добрыхъ дѣлъ, потребны безпечность, разсѣяніе, лѣность, праздность, самолюбіе, имѣли ли бы мы что перемѣнить въ нашихъ нравахъ? И не перемѣняя въ нихъ ничего, не были ли бы мы уже великими Святыми?

Вотъ что долженъ я сказать самъ себѣ: что сдѣлалъ я дабы быть Святымъ? Какія мои умерщвленія плоти, какія мои покаянія, какія мои пожертвованія? Толикія разсѣянія въ моемъ поведеніи, толикія тщетности въ моихъ упражненіяхъ, толикія нерадѣнія въ моихъ дѣлахъ, все сіе удобно ли открыть мнѣ путь къ святости и довести меня къ ней? Еще разъ, что дѣлаемъ мы, дабы быть Святыми? И по чему надѣемся мы помѣстичены быть между ими?

4я Истина. Естьли мы не святы, что будемъ мы нѣкогда? И къ чему послужитъ намъ все прочее насъ занимающее, насъ движущее, насъ восхищающее? Когда видимъ мы дѣтей, забавляющихся между собою соотвѣтствующими ихъ играми, то удивляемся мы видя ихъ занимающихся столь важно бездѣлицами; сущія дѣти, говоримъ мы о нихъ: увы! И такъ, сколько дѣтей въ мірѣ, и въ совершенномъ уже возрастѣ! Ибо въ сравненіи важныхъ предметовъ, представляемыхъ намъ вѣчностію и святостію, тѣ дѣтскія забавы суетнѣе ли нашихъ мнимыхъ важныхъ упражненій? Когда же вѣра откроетъ намъ очи? Не уже ли будемъ мы откладывать открытіе ихъ до того, какъ смерть закроетъ ихъ на вѣкъ? Мы

пріобрѣли великія богатства; мы достигли до великихъ почестей; мы были знатны въ мірѣ; и такъ предстанемъ съ симъ предъ судилищемъ верьховнаго Судіи, и потребуемъ за то Его воздаяній, назначенныхъ Святымъ.

Ахъ! сколь ясно поймутъ тогда неопровергаемую истину сего изреченія премудраго: суета суетствъ, все токмо суета на землѣ! Суета гиблющихъ богатствъ; суета ослѣпляющихъ почестей; суета обманчиваго міра; суета временной жизни; суета всякаго человѣка, который не есть святъ.

О душе моя! не тысячекратно ли возвѣщала намъ Благодать; не тысячекратно ли вопіялъ тебѣ гласъ совѣсти, что нѣкогда познаешь ты безразсудныя твои заблужденія? Подобно человѣку, пробуждающемуся отъ глубокаго сна, увидишь ты съ великимъ удивленіемъ и трепетомъ, что все проходитъ какъ сновидѣніе: когда не хотѣла ты тому вѣрить въ продолженіи твоей жизни, то смерть начертаетъ то на твоемъ гробѣ, и противъ воли твоей исторгнетъ изъ тебя плачевное, послѣднее и нещастное признаніе, что надлежало бы быть Святымъ; и что въ противномъ случаѣ принуждено быть вѣчно злополучнымъ.

Нѣкогда сдѣлано будетъ опредѣленіе: можетъ быть сіе опредѣленіе виситъ ужѐ надъ нашими главами, и скоро услышано будетъ во ушахъ нашихъ; а мы не помышляемъ заслуживать его снисхожденіе, или предупреждать его строгости; и оно постигнетъ насъ прежде, нежели начнемъ мы сіе важное дѣло нашей святости. За нее будетъ отмщено; и, естьли въ здѣшней жизни отказывали мы ей въ нашемъ сердцѣ и въ нашихъ стараніяхъ, то заставитъ она насъ разскаяваться и плакать въ вѣчности.

О Боже мой! Гдѣ я, и какой блескъ сіянія поражаетъ очи мои? Просвѣти ихъ на мои согрѣшенія, дабы не закрылись они на мои нещастія: святость представляется еще мнѣ: я отверзу ей мое сердце, и посвящу ей остальные дни мои. Блаженъ я, естьли осталось ихъ у меня достаточно для начатія, продолженія и окончанія сего важнаго дѣла, которое долженствовало занять меня во все теченіе моей жизни!

Разсужденіе.

Мы читаемъ часто назидательныя житія Святыхъ; мы ими трогаемся, имъ удивля-

емся; когда же мы имъ подражать будемъ?

Будемъ ли мы нѣкогда Святыми? Всякой изъ насъ имѣетъ между ими назначенное мѣсто: будемъ ли мы нѣкогда столь щастливы, что бы его занять? Или невѣрность наша исключитъ насъ отъ того на вѣки?

Говорятъ что не легко учиниться Святымъ: Божественный Спасителю! Не уже ли одному только тебѣ нести бремя Креста? боятся отяготить себя малѣйшею онаго частію для вспомоществованія Тебѣ; хотятъ имѣть участіе въ Твоей славѣ, отнюдь не пріемля таковаго въ Твоихъ страданіяхъ и въ Твоихъ прискорбностяхъ.

МОЛИТВА.

Боже благости и святости! размышляя о важныхъ предметахъ представляемыхъ намъ святостію, приходимъ мы въ восхищеніе. Нѣтъ ничего справедливѣе, говоримъ мы себѣ; естьли бы мы помышляли о сихъ важныхъ истинахъ, мы бы всѣ Святые были. Но для

чего, о Боже мой, не помышляемъ мы о нихъ? О чѣмъ же мы помышляемъ, и когда мы о нихъ помышлять будемъ? Естьли что намъ полезнѣе? Естьли бы мы часто воспоминали и прилѣжно размышляли о сихъ важныхъ и неоспоримыхъ истинахъ, онѣ бы произвели въ насъ спасительнѣйшія впечатлѣнія, просвѣтили бы разумы наши, тронули бы сердца наши, отвлекли бы насъ отъ міра и отъ насъ самихъ, исправили бы наши понятія; онѣ преобразили бы наше поведеніе и наши нравы; онѣ бы насъ убѣдили, насъ тронули, насъ обратили; мы бы всѣ дѣйствительно были Святые, и удивительная премѣна, произведенная ими въ насъ, заставила бы благословлять Тебя, о Боже милосердія! вмѣсто того, что удаляя отъ себя сіи истины, мы остаемся всегда погруженными въ старыхъ нашихъ бѣдностяхъ, подвергая себя учиниться жертвою Твоего мщенія, за то, что не хотѣли быть памятникомъ благодати.

И такъ, о Боже мой! я хочу прибѣгнуть къ святости: я нерадѣлъ

о ней безмѣрно долго; я хочу принести ей въ жертву мое сердце, мои старанія, всѣ дни моей жизни: о блаженные дни, дни драгоцѣнные, естьли бы я ихъ всѣ употребилъ на освященіе души моей! Помоги мнѣ, Боже мой! шествовать по сему пути, до сего времени мнѣ неизвѣстному; сотвори, что бы я отъ него никогда не удалился, что бы я мыслилъ, старался и жилъ для того только, дабы содѣлаться Святымъ; вотъ важная благодать и единственное щастіе, которыхъ я въ семъ мірѣ желаю, и которыхъ отъ Твоея благости ожидать осмѣливаюсь.

Употребленія въ дѣйство.

1е. Я начну точнымъ выполненіемъ всѣхъ должностей моего состоянія. Въ семъ состоитъ истинная святость.

2е. Я предпишу себѣ на всякій день дѣла благочестія, и буду наблюдать ихъ исправно.

3е. Я не буду искать блистательной святости, но смиренной, и произшедшей у подножія Креста.

4е. Я буду бесѣдовать съ людьми святаго житія, и стараться имъ подражать. Наконецъ я буду часто говорить себѣ, что я произведенъ въ мірѣ только для того, что бы содѣлаться Святымъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ.

О путяхъ Божіихъ, въ руководствіи душъ.

Вся путіе Господни, сказалъ Пророкъ, *милость и истина* (а): а при томъ тотъ же Пророкъ усердно молилъ Бога о наученіи его святости и его путей: *пути Твоя Господи скажи ми, и стезямъ Твоимъ научи мя* (б). Сотворимъ самую ту же молитву: естьли Богъ благоволитъ ее услышать, то будетъ сіе такая благодать, которая учинится для насъ источникомъ тысячи другихъ благодатей.

1е. Нѣтъ ничего столь важнаго, столь Святаго, столь удивительнаго, какъ тѣ пути, по которымъ ведетъ Богъ души къ предположенной имъ метѣ.

(а) Псал. 24.
(б) Тамъ же.

Они удивительны по ихъ святости; самая Святость Божія есть ихъ источникомъ, образцемъ и предметомъ.

Они удивительны по ихъ возвышенности; какъ они презящны! Сколько небо выше земли, столько пути Божіи превышаютъ человѣческія.

Они удивительны по ихъ непостижимости; единъ Богъ можетъ понять ихъ высоту, глубину и проспранство.

Они удивительны по ихъ премѣнѣ; Богъ имѣетъ безчисленное множество разныхъ путей къ руководствованію душъ, ведя ихъ всѣхъ однако же къ единому и тому же предмету; подавая чрезъ то удивляться изобилію и премѣнѣ Его даровъ.

Они удивительны по привлекаемымъ ими къ себѣ благодатямъ, по производимымъ ими дѣйствіямъ, по заключающимся въ нихъ пріятностямъ, по чудесамъ ими являемымъ. Ахъ! естьли бы можно было видѣть, что Богъ дѣйствуетъ и производитъ въ душѣ! Я смѣло скажу: Богъ есть великъ въ красотѣ, порядкѣ, велелепіи сего видимаго міра; но Онъ есть еще больше и удивительнѣе въ руководствованіи души.

9е. Изъ общихъ путей Божіихъ всякая душа имѣетъ собственно свой, которымъ Богъ ее ведетъ, и по которому

долженствуетъ она шествовать къ небу. При вступленіи въ сіи различные пути, Благодать воззываетъ души, и вопіетъ имъ: пріидите и шествуйте; вотъ вамъ сію стезю взять должно, Богъ ожидаетъ васъ у предположенной меты; идучи же по всякой другой подвергнете вы себя заблужденію.

Естьли душа вступитъ въ сей путь, естьли она будетъ имѣть щастіе по немъ шествовать съ ревностію, то какія изобильныя благодати ей изготовятся! На какую высоту добродѣтелей будетъ она вознесена! Какіе успѣхи будетъ она имѣть въ *путяхъ святости!* На какую степень славы она назначится!

3е. По противной же со всѣмъ тому причинѣ, какое заблужденіе, какое нещастіе, есть ли душа не будетъ шествовать по опредѣленному ей пути, и удалится отъ стези, долженствующей ее вести! Со всѣмъ тѣмъ какое множество душъ имѣютъ сіе нещастіе, и препятствуютъ Божіимъ о нихъ намѣреніямъ! Что же? можно сказать, что есть такія души, которыхъ вся жизнь есть нѣкоторый родъ борьбы съ Богомъ, безпрестанное сопротивленіе Его благодати, всегдашнее воспрепятствованіе всѣмъ Его намѣреніямъ. Во всю ихъ жизнь Богъ пребываетъ у

дверей ихъ сердца, не будучи никогда туда впускаемъ: Онъ ихъ воззываетъ, ихъ проситъ, ихъ понуждаетъ; Онъ имѣетъ къ нимъ благость, а въ нихъ находитъ только сопротивленіе.

Богъ произвелъ бы надъ нѣкоторыми душами величайшія намѣренія въ дѣйство, естьли бы онѣ шествовали по назначенному имъ отъ Него пути, такая-то душа, по расположенію Божію, долженствовала жить въ удаленіи отъ суетъ, въ уединеніи, въ безмолвіи, въ размышленіи сама съ собою; Богъ избралъ ее содѣлать Своимъ храмомъ, Своимъ святилищемъ; но вмѣсто того вся ея жизнь проходитъ въ разсѣяніи, въ мечтѣ, въ суетѣ, въ безполезности, въ любопытствѣ, вся ея жизнь опечаливаетъ Духъ Божій.

Такая-то душа, по расположенію Божію, долженствовала шествовать по пути отреченія себя, умерщвленія тѣлесныхъ чувствъ, уменія себѣ самой и всему; она долженствовала изображать въ себѣ живое начертаніе Распятаго Іисуса Христа, и представлять черты и сходство болѣзнующаго человѣка: вотъ какой надлежалъ быть ея путь: Богъ облегчилъ бы его дѣйствіемъ Своей благодати: къ сему Богъ ее избралъ; но она пошла по противному совсѣмъ пути, она исполня-

етъ свою волю, во всемъ себя довольствуетъ, ни въ чемъ не дѣлаетъ себѣ принужденія и безпокойства; она предается своимъ склонностямъ, своимъ охотамъ, и сіе, не взирая на гласъ Благодати, обличеніе совѣсти, въ противность озареніямъ Божіимъ. Какое состояніе! Какое для нее нещастіе! Какое удаленіе отъ пути Божія!

Такая-то душа, въ намѣреніяхъ Провидѣнія, звана была къ совершенному оставленію всего; имѣть свободное сердце, не быть ни къ чему прилѣпленной, не заниматься друзьями, знакомствомъ и прочими связьми; *она едина, и Богъ единъ: вотъ назначенный ей путь!* но сія душа составляетъ дружбы, привязанности, союзы. Хотя въ семъ прямо беззаконнаго и нѣтъ; но тутъ есть привязанности, забавы, упражненіе и раздѣленіе сердца. Давно ужѐ требуетъ Богъ отъ нее сего пожертвованія; Онъ говоритъ ей и вразумляетъ ее только о оставленіи, удаленіи, уединеніи, разлученіи; она сіе понимаетъ, видитъ, сама себѣ то же сказываетъ; со всѣмъ тѣмъ она сопротивляется, отрицается въ пожертвованіи; она пребываетъ упорно въ своихъ союзахъ и привязанностяхъ. Что же такое сіе состояніе? Невинное можетъ быть въ обыкновенныхъ

глазахЪ, но ужасное предЪ очами ревнующаго Бога. ОнЪ хотѣлЪ твоего сердца, и всего твоего сердца: ОнЪ хотѣлЪ быть твоимЪ, и что бы ты вся была Его: для другой бы души было тутЪ меньше опасности; а ты всего страшиться должна; нерадѣя о твоемЪ совершенствѣ, подвергаешь ты самое твое спасеніе опасности.

Такая-то душа по расположенію Божію, и по дѣйствію благодати, звана была кЪ совершенной независимости, ко препорученію себя Богу: быть послушной, покорной, сообразной во всемЪ святой Его волѣ; но она во всю свою жизнь исполняетЪ свои желанія, слѣдуетЪ своимЪ намѣреніямЪ, располагаетЪ сама собою; она сама установляетЪ правила своему поведенію; то есть, во всю свою жизнь она сопротивляется Богу, не повинуется Его власти, отторгается отЪ Провидѣнія, и учиняется правительницею своего жребія. Невѣрная душе, какЪ дерзаешь ты жить вЪ такомЪ состояніи? КакЪ не страшишься ты вЪ немЪ умереть? Сіе было бы умереть внѣ путей БожіихЪ. ОнЪ показалЪ тебѣ одинЪ изЪ нихЪ, ты по немЪ не пошла: а тотЪ, по которому ты слѣдуешь, куда тебя довести можетЪ? Сдѣлавши можетЪ быть нѣсколько шаговЪ по цвѣтамЪ, до-

стигнешь ты наконецъ твоего теченія до пагубной пропасти, праведнаго, но ужаснаго наказанія твоихъ сопротивленій!

Не возможно что бы сіи души, удаляясь такимъ образомъ отъ намѣреній Божіихъ, были спокойны въ ихъ сопротивленіи: какія имѣютъ онѣ испытать сомнѣнія, мученія, угрызенія совѣсти! Тщетно желаетъ сія душа скрываться отъ Бога, и убѣгать праведныхъ Его упреканій; Богъ преслѣдуетъ ее вездѣ, и не дастъ ей вкушать плодъ ея сопротивленій; она часто принуждена бываетъ сказать сама себѣ: я чувствую, что я сопротивляюсь Богу, что я не то, что бы я долженствовала быть. Какое признаніе! И нѣкогда какое осужденіе!

Въ чемъ же состоитъ нещастіе сей души, естьли она пребывая въ семъ положеніи умретъ? Вотъ въ чемъ: нещастлива она невѣрностію и грѣхами ею содѣловаемыми; нещастлива угрызеніями совѣсти ее терзающими; нещастлива опасностями, которымъ она подвергается; нещастлива злоупотребленіемъ благодатей; нещастлива востревоживаніями и страхами пріуготовляемыми ею себѣ при смерти; нещастлива ужасомъ заслуживаемымъ ею

на праведномъ судѣ; нещастлива напослѣдокъ мечтами, въ которыхъ живетъ она здѣсь, и раскаяніями въ вѣчности.

4е. Но наконецъ, душа сошедши единожды съ путей Божіихъ, имѣетъ ли ужѐ способъ на нихъ возвратиться? Она имѣетъ таковыхъ два, а имянно: искреннее раскаяніе о прошедшемъ, и совершенное преданіе себя впредь въ волю Божію.

Внутреннее раскаяніе оскорбляющее, проникающее, терзающее сердце, бывшее столь часто, столь долго, столь добровольно невѣрнымъ Богу: за то, что сопротивлялось оно благодати, да будетъ оно порабощено угрызеніямъ совѣсти.

Всеобщее раскаяніе о толикихъ воспрепятствованіяхъ намѣреніямъ Божіимъ, о толикихъ сопротивленіяхъ Благодати, о толикихъ погашенныхъ свѣтахъ, о толикихъ заглушенныхъ обличеніяхъ совѣсти, о толикихъ накопленныхъ согрѣшеніяхъ, о толикихъ съ истиннаго пути заблужденіяхъ.

Постоянное раскаяніе продолжающееся во всю жизнь; душе вѣрная, стени, жалѣй вѣчно о томъ, что ты такъ долго сопротивлялась Богу, боролась съ Богомъ.

Живое и горькое разкаяніе, соразмѣрное великости невѣрностей и сопротивленій.

Разкаяніе, вотъ пластырь на рану прошедшаго; но что принадлежитъ до будущаго, то надобно совершенное и безъ изъятія препорученіе себя Богу, ненарушимое повиновеніе Его гласу, постоянная вѣрность въ шествіи по открытомъ тебѣ пути. Довольно, о душе! ты сопротивлялася и заблуждалася: съ сего времени дай себя вести; препоручи себя промыслу Божію, и оставь на Его волю твой жребій.

Сими способами и чувствами возвратишься ты на пути Божіи, въ благодать Божію, въ сердце Божіе. Богъ милосердія толико благъ, что предастъ прошедшее забвенію, дабы воспріять еще тебя, какъ будто ты Его никогда не оставляла; дабы тебя любить, какъ будто ты Его никогда не прогнѣвляла; дабы тебя руководствовать, какъ будто ты никогда не заблуждалась. Обожай Его благость, благословляй Его за то, что Ему угодно было воззвать тебя на путь: шествуй по немъ вѣрно, великодушно, постоянно; ты будешь еще имѣть щастіе достигнуть до вожделѣннаго предмета.

ЧТЕНІЕ ОСМОЕНАДЕСЯТЬ.

О изящности святотворной Благодати.

Нѣтъ ничего важнѣе, и ничего нужнѣе для насъ, какъ познаніе изящности и цѣны Благодати, а потому уже и стараній, каковыя долженствуемъ мы имѣть о соблюденіи ее, естьли мы ею ощастливлены.

1е. Святотворная Благодать есть начальная причина нашего возвышенія въ чрезъ-естественный и Божественный порядокъ: состояніе превыспреннее, гдѣ помощію Благодати назначены мы ко чрезъестественному концу, ко искреннему пребыванію съ Богомъ, ко блистанію свѣта славы, ко сладостямъ созерцанія Бога лицемъ къ лицу, ко зрѣнію на Него, не сквозь облака уже относительнымъ и темнымъ понятіемъ, но въ полнотѣ сіяній славы Его. Какъ скоро имѣемъ мы сію Благодать, то какими высокими званіями мы почтены? Можно сказать, что помощію сей святотворной Благодати, мы возносимся выше насъ самихъ; что она подаетъ намъ искреннее отношеніе съ Богомъ; что тогда имѣемъ мы участіе въ дружбѣ и любви Божіей. Все сіе велико и важно; но Святый Первоверховный Апостолъ Петръ простираетъ свои мысли

еще далѣе; и будучи озаренъ свѣтомъ сей хвалимой имъ Благодати, изъясняется такими выраженіями, которыя привели бы насъ во удивленіе, естьли бы самый Духъ Святый не былъ подтвердителемъ и Творцемъ оныхъ. Онъ безбоязненно увѣряетъ, что помощію святотворной Благодати, учинены мы яко чувствующіе въ естествѣ Божіи, *яко да сихъ ради будете Божественнаго причастницы естества* (а), потому что святотворная Благодать производитъ въ насъ нѣкоторымъ образомъ новое существо, и подаетъ намъ новую жизнь, и что не мы уже живемъ, но Самъ Богъ въ насъ живетъ. Какая слава! Слабое твореніе могло ли надѣяться быть когда до сего возвышену?

2е. Новое преимущество: святотворная Благодать есть причиною нашего усыновленія въ качествѣ чадъ Божіихъ. Братіе, сказалъ нѣкогда возлюбленный ученикъ, смотрите, разумѣйте, удивляйтесь, какая есть благость Отца милосердія къ намъ: не только, что мы названы, но и въ самомъ дѣлѣ мы чада Божія есмы, *да чада Божія наречемся, и есмы* (б).

(а) 2. Петр. I.
(б) I. Іоан. 3.

Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій по существу, а мы по усыновленію, что намъ самый законъ обьявляетъ. О вы имѣющіе щастіе наслаждаться Благодатію, вы всѣ чада Божія! Святый Духъ дѣлаетъ намъ сіе преславное подтвержденіе и подаетъ намъ право называть Бога пріятнымъ имянемъ Отца, *о Немъ же вопіемъ: Авва, Отче* (а).

Проникнули ли мы когда довольно, по колико праведной причинѣ мы часто имянуемъ Бога Отцемъ нашимъ, *Отче нашъ*? И когда при ежедневномъ возсыланіи къ Нему молитвъ нашихъ, мы произносимъ сіе утѣшительное слово, поняли ли мы когда весь его смыслъ, и познали ли всю его обширность? Вразумимся въ него по крайней мѣрѣ сего дня; и, когда впредь будемъ мы оное къ Нему произносить, станемъ произносить его всегда съ чувствами любви и преданности: въ то же время приведемъ мы себѣ на память, что призываемый нами Отецъ есть въ небѣ, что обитаемая нами земля есть мѣсто странствованія и изгнанія, что небо есть истинное наше отечество, что мы туда-

(а) Рим. 8.

то стремиться должны, потому что сынъ долженъ стремиться соединиться съ отцемъ своимъ, дабы имѣть участіе въ его славѣ и въ его достояніи.

3е. Вотъ еще новое право, даруемое намъ святотворною Благодатію, право небеснаго достоянія, ибо, учиняя насъ чадами Божіими, Благодать учиняетъ насъ чрезъ то самое и наслѣдниками Его славы, и сонаслѣдниками Самаго Іисуса Христа, *снаслѣдницы же Христу* (а). Въ семъ свѣтѣ, отецъ имѣя достойнаго сына, не можетъ безъ нѣкоторой несправедливости усыновить себѣ другихъ, потому что наслѣдство не можетъ раздѣлено быть между многими безъ того, чтобы всякой не имѣлъ въ части своей нѣкотораго ущерба. Но у Тебя, о Боже мой! совсѣмъ другое: Ты усыновляешъ Себѣ всѣхъ людей; и сіе множество усыновленныхъ отнюдь не уменшитъ раздѣляемыхъ сокровищъ. Небесная сокровища Твоихъ благодатей подобны свѣту, ни мало не убавляющемуся отъ сообщенія къ другимъ: я пользуюсь солнечными лучами не меньше, какъ бы я и единъ былъ во всемъ мірѣ. Всѣ чада Божія да отверзутъ сердца ихъ Благодати, Отецъ щедротъ имѣетъ чѣмъ

(а) Рим. 8.

ихъ наполнить. Таковы-то долженствуютъ быть мои чувства въ качествѣ чада Божія: возведя очи мои къ небу, видя сію славу, сіи сокровища, сіи услажденія, сіи вѣнцы, сіи державы, могу я сказать: вотъ моя участь. Чада людскія получатъ наслѣдія въ обиталищѣ мертвыхъ, а мое въ обиталищѣ живыхъ: небесный Отецъ пріуготовалъ мнѣ его въ Своемъ нѣдрѣ; Благодать доставитъ мнѣ наслажденіе онымъ.

4е. Святотворная Благодать простираетъ свои благодѣянія далѣе, и ко преисполненію нашего блаженства, и въ сей еще жизни, производитъ она то, что Богъ Самъ въ насъ приходитъ, и пребываетъ въ душѣ нашей. Способомъ святотворной Благодати Онъ въ нее вселяется; Онъ ею управляетъ Своимъ присутствіемъ, Онъ озаряетъ ее Своею премудростію, Онъ подкрѣпляетъ ее Своимъ могуществомъ; такъ что Богъ находится въ ней, какъ Государь посреди своего Государства, дабы въ немъ царствовать, какъ отецъ въ своемъ сѣмействѣ, дабы наблюдать въ немъ благоустройство, какъ пастырь въ своемъ стадѣ, дабы его пасти. Сердце наше становится тогда яко нѣкій живый рай, могущій привлещи Бога на землю; такъ что естьли бы Богъ не былъ неограниченъ, и

естьли бы Своею неограниченностію не наполнялЪ ОнЪ неба и земли, ОнЪ оставилЪ бы нѣкоторымЪ образомЪ небо и преселился бы вЪ сію душу; столь она Ему любезна и мила! Всѣ небесныя блага, всѣ добродѣтели совокупно вЪ ней пребываютЪ; вѣра со всѣми своими членами, любовь со всѣмЪ своимЪ жаромЪ: самые блаженные духи почитаютЪ себѣ славою быть сЪ душею вЪ Благодати; все небо кажется быть сЪ нею, потому что СамЪ БогЪ вЪ ней.

Когда сіе такЪ, то святотворная Благодать есть изобильный источникЪ, откуда проистекаетЪ вдругЪ толико благЪ: естьли она есть драгоцѣнная роса, толь пространно орошающая небесными вліяніями, обѣтованная земля производящая всѣ сіи плоды благословенія, то кто не будетЪ стремиться кЪ ней всѣмЪ сердцемЪ, кто не удивится ея красотѣ, кто не пожелаетЪ ее имѣть, кто ее не уважитЪ, кто не предпочтетЪ ее всѣмЪ благамЪ и всѣмЪ сокровищамЪ земнымЪ, кто не поставитЪ ее единственнымЪ благомЪ достойнымЪ остановить наши взоры, наши мысли, наши желанія и наши сердца? Престолы, державы, вѣнцы, безЪ Благодати, все падетЪ вЪ свое небытіе, а ею все воздвигнется, все учи-

нится велико. Воззримъ на сего бѣднаго человѣка, оставленнаго, покрытаго рубищемъ: въ очахъ міра, онъ есть предметъ презрѣнія, а по крайней мѣрѣ сожалѣнія; естьли же сей человѣкъ по наружности столь презрительный, имѣетъ Благодать, то предъ очами Божіими онъ больше, нежели всѣ земные побѣдители и владыки, лишенные оной. Воззримъ же и на щастливаго сего вѣка, сего великаго земли по свѣтскому, все въ немъ важно, все окружающее его блеститъ; но естьли не имѣетъ онъ Благодати, то онъ предъ очами Божіими есть предметъ отвращенія, Богъ смотритъ на него съ презрѣніемъ, и имъ гнушается. Благодать, Благодать, вотъ корень истинной великости!

Хотимъ ли мы увидѣть тому весьма чувствительное доказательство и весьма поразительный примѣръ? Поищемъ его: но гдѣ? Ни въ чертогахъ великихъ, ни на престолѣ Государей, ни въ военачальствѣ между побѣдителями, а на гноищѣ праведнаго Іова. Видѣлъ ли раба Моего Іова, говоритъ Господь съ нѣкоторымъ родомъ благоволенія, *помыслилъ ли еси убо на раба Моего Іова* (а)? Мы его видѣли, Господи; но въ какомъ состоя-

(а) Іов. I.

нін? Покрытаго ужаснымъ струпомъ, съѣдаемаго живаго черьвями. И такъ познайте, что сей человѣкъ по видимому наказуемый небомъ, есть человѣкъ деснаго Моего стоянія, предметъ Моего благоволенія, которому препоручилъ Я попеченіе о Моей славѣ, Онъ есть вещество Моего торжества. Сквозь объемлющія его облака, вижу Я блистающіе лучи Моей благодати. При видѣ сей Благодати, самое то мѣсто, гдѣ онъ находится, учиняется нѣкіимъ жертвенникомъ, воздвигнутымъ Моей славѣ; его черьви суть исполнители не столько Моихъ наказаній, какъ Моего милосердія; и самый Іовъ есть драгоцѣнная жертва Мнѣ приносимая. Я пріемлю ее изъ рукъ Благодати; никакое жертвоприношеніе не было никогда пріятнѣе Моему сердцу. Теперь подите, и разсмотрите великихъ въ ихъ чертогахъ, богатыхъ въ ихъ изобиліи; естьли они не имѣютъ Благодати, Я ихъ не знаю, или знаю только для того, дабы поразить ихъ проклятіемъ. Іовъ на своемъ гноищѣ предъ очами Моими больше, нежели Государи возведенные на престолы; Іовъ покрытый проказою, драгоцѣннѣе Моему сердцу, нежели Государи облеченные порфирою.

О благость небесная! когда ты почитаешься достойнымъ предметомъ благо-

воленій Самаго Бога, то какое уже мѣсто долженствуешь ты занимать въ мысляхъ и уваженіи людей?

Размышленіе о томъ же.

Озарясь Божественными Твоими свѣтами, я понимаю, о Боже мой! что святотворная Благодать есть въ одно и то же время наидрагоцѣннѣйшее, наинужнѣйшее, а притомъ и наиудобнѣйшее къ потерянію благо. Какія же попеченія долженствую я имѣть о сохраненіи ея? Но увы! что помогутъ всѣ мои попеченія, естьли не подкрѣпишь Ты ихъ Твоею помощію?

1е. Сохранять Благодать рачительно, потому что она для насъ есть благо наидрагоцѣннѣйшее. Стараніе о сохраненіи себѣ какого имѣнія должно быть соразмѣрно величкости онаго; и чѣмъ то имѣніе больше, тѣмъ и стараніе о немъ надлежитъ имѣть сильнѣе. И такъ что же такое для насъ Благодать? Она есть благо, она есть первое изъ благъ, она есть величайшее изъ благъ, она есть надежнѣйшее изъ благъ; короче сказать, она есть единственное благо, ибо Благодать какихъ благъ не содѣлывается намъ обильнымъ

источникомъ? Преимущества Благодати, что столь велико? Богатства Благодати, что драгоцѣннѣе? Но наипаче сладостей Благодати, что усладительнѣе и утѣшительнѣе? Мира души, спокойствія совѣсти, тишины сердца, сего святаго упованія на Бога, сихъ неизреченныхъ пріятностей, сихъ минутъ утѣшенія подающихъ предварительныя желанія райскихъ наслажденій?

Праведныя души, вѣрныя души, жребію которыхъ я ревную, не сіе ли самое вы чувствовали въ тѣ блаженныя минуты, когда помышляли вы возвратиться къ Богу, когда вступали вы паки въ Его благодать? Что другое чувствовали вы кромѣ пріятности, утѣшенія и мира? Когда проливали вы слезы, какія были то слезы кромѣ радостныхъ? Сей день не былъ ли наиблаженнѣйшій изъ вашихъ дней? Благодать не была ли для васъ сею обѣтованною землею, изъ которой течетъ медъ и млеко: единое благо Благодати не замѣняло ли вамъ всякое другое благо?

И могу ли я самъ, о Боже мой! равнодушно вспомнить о сей блаженной минутѣ, когда я озарясь Твоею Благодатію, имѣлъ щастіе къ Тебѣ возвратиться? Возможно ли мнѣ, безъ гнуснѣйшей небла-

годарности, подвергнуться лишенію себя драгоцѣннаго залога Твоей благодати, пріобрѣтя ее паки? И не учинюсь ли я навсегда недостойнымъ Твоихъ даровъ и Твоего сердца?

2е. Сохранять Благодать рачительно; потому что она для меня есть благо наинужнѣйшее. Къ чему потребны мнѣ всѣ прочія блага безъ таковаго Благодати? А имѣя благо Благодати, почто мнѣ всѣ прочія? Съ Благодатію я могу все, и я имѣю все. Безъ благодати Божія, я ничего не имѣю, я ничего не могу, я ничто. Хотя бы я всѣ въ свѣтѣ сокровища имѣлъ, но безъ Благодати жилъ бы я въ плачевнѣйшей бѣдности; хотя бы я всѣ увеселенія, всѣ радости земныя имѣлъ, но безъ Благодати могъ ли бы я ими наслаждаться? Столь нужное благо, что безъ Благодати никогда не могу я ничего заслужить для рая: всѣ мои дѣянія будутъ безполезны, всѣ мои дѣла мертвы, всѣ мои таланты сокрыты въ землю, всѣ мои шаги напрасны и внѣ пути. Безъ Благодати, никогда не буду я впущенъ въ рай, и на вѣкъ останусь злополучнымъ.

По сему Святые чего не дѣлали, чего не претерпѣли, дабы возвратить, или сохранить сію Благодать? Уединенные и

пустынножители, что дѣлаете вы вѣ пустыняхѣ и для чего погребены вы живые вѣ ущелинахѣ и пещерахѣ? Ахѣ! отвѣтствуете вы мнѣ, для того что несемѣ мы сокровище, и несемѣ его вѣ сосудахѣ скудѣльныхѣ: нашудаленнѣйшее уединеніе избрали мы убѣжищемѣ ко сбереженію его. Святые спасающіеся, которыхѣ вижу я блѣдныхѣ, изхудавшихѣ, унылыхѣ, для чего предаетесь вы столько строгости жизни? Воздухѣ наполняется вашими рыданіями, земля орошается вашими слезами: увы! отвѣтствуете вы мнѣ изѣ глубины пещерѣ вашихѣ, для того что мы знаемѣ цѣну Благодати, и опасаемся нашей слабости. Се вы наипаче непобѣдимые мученики, преславные воины вѣры, для чего являетесь вы на мѣстѣ казни, посреди раскаленныхѣ печей? Для чего вижу я члены ваши растерзанные и плавающіе вѣ кровавыхѣ рѣкахѣ? Вы отвѣтствуете мнѣ самимѣ гласомѣ сей крови: мы умираемѣ, но умираемѣ сѣ радостію: мы отдали бы тысячу жизней, дабы сохранить жизнь Благодати.

Боже мой, сколь сіи чувства велики! сколь они вожделѣнны! Таковы ли мои? Благодать мнѣ ихѣ внушила, но начерталѣ ли и соблюлѣ ли я ихѣ вѣ моемѣ сердцѣ? О какѣ тѣ блаженны, о Боже мой! кото-

рые никогда не погубили драгоцѣнное сокровище Благодати! Какое нещастіе! Сіе драгоцѣнное сокровище не должно ли предпочесть всѣмъ земнымъ сокровищамъ? Коликихъ раскаяній и слезъ миновали они въ теченіи жизни! Коликихъ тревогъ при часѣ смертномъ!

3е. Наконецъ, сохранять Благодать рачительно, потому что она имѣетъ множество враговъ, и подвержена множеству опасностей. Благодать есть зеркало, наималѣйшее дыханіе можетъ затмить его блескъ; она есть цвѣтокъ, которой отъ наималѣйшаго вѣтра сломиться и увянуть можетъ. Впрочемъ, колико враговъ на нее возстаютъ, и съ какимъ усиліемъ стараются они у насъ ее похитить! Внѣ насъ, около насъ, внутри насъ, все ополчается ее погубить: внѣ насъ, діаволы, какъ рыкающіе львы безпрестанно ищутъ себѣ добычи на поглощеніе; около насъ, превратный міръ, множествомъ опасныхъ предметовъ хочетъ насъ соблазнить и совратить съ истиннаго пути; въ насъ, множество сильныхъ страстей, враги домашніе и опаснѣйшіе, всегда возстающіе и всегда ярящіеся противъ насъ и противъ Благодати.

О даръ Божій! о Благодать драгоцѣнная! Какъ можешь ты устоять окруже-

ная толикими врагами? Какъ можешь ты пребывать въ землѣ чуждей безъ того что бы мы помощію прилѣжныхъ стараній, неусыпныхъ попеченій, спасительнаго страха, не употребили нашихъ силъ къ твоему защищенію и сохраненію?

Что же надлежитъ дѣлать, о Боже мой! и какія принять средства къ ея безопасности? Самое то, что дѣлается ежедневно въ мірѣ для уважаемаго и драгоцѣннаго сокровища: въ семъ случаѣ самый міръ можетъ послужить образцемъ.

Мы сами для сохраненія нашего имущества, нашего здравія, нашей жизни, чего не дѣлаемъ? Никакія о томъ старанія, никакія осторожности, никакія сбереженія не почитаемъ мы излишними. При малѣйшемъ безпокойствѣ, мы востревоживаемся: при малѣйшей болѣзни, мы выходимъ изъ себя. Для чего? Для того, что то касается жизни. О Боже мой! Доколѣ чада вѣка будутъ мудрѣе и просвѣщеннѣе чадъ Свѣта? О! сколь мы ослѣплены! Не ужѐ ли наше имущество, наше богатство, наше здравіе, наша жизнь, намъ драгоцѣннѣе, нежели благодать Божія, нежели жизнь Благодати? Ахъ! къ сохраненію ея воспріимемъ всѣ средства,

внушаемыя намъ премудростію, разсудкомъ, вѣрою; смиренномудріе, неусыпное попеченіе, уединеніе, молитвы; а паче всего, убѣганіе случаевъ.

Нѣтъ, я понимаю, я чувствую, о Боже мой! что нѣтъ ни единыя добродѣтели столь твердой, ни единаго намѣренія столь сильнаго и столь непремѣннаго, что бы могли долго противоборствовать нѣкоторымъ опаснымъ случаямъ. Тщетно понадѣялся бы я на вѣрность моихъ чувствъ, на непреклонность моихъ желаній: естьли не буду я остерегаться, я поползнусь; естьли не убѣгу я случая, случай меня погубитъ: мнѣ надлежитъ почитать мои страсти свѣтильникомъ худо погашеннымъ, которой испускаетъ еще дымъ, и при малѣйшемъ случаѣ, возгорѣться и новое пламя произвести можетъ. Станемъ убѣгать, молиться и трепетать; сіе есть единственное средство устоять и спастися.

Что же могу я сказать, въ чувствахъ вѣры, есть то, что я долженъ начертать навсегда въ моемъ сердцѣ, что Благодать есть столь великое благо, что когда положимъ мы на вѣсы съ одной стороны всѣ блага сего міра, почести со всѣмъ ихъ блескомъ, богатства со всѣми ихъ сокровищами' увеселенія со всѣми ихъ прелестями, а

съ другой едину только Благодать, то все она перевѣситъ, и все затмится предъ нею.

Благодать есть столь великое благо, что пріобрѣтеніе единственно онаго стоитъ нашихъ желаній и стараній, а потеря онаго заслуживаетъ наши сожалѣнія и слезы.

Благодать есть столь великое благо, что она есть единственное сокровище наше въ семъ мірѣ, и остающееся еще у насъ, когда мы изъ него выдемъ.

Благодать есть столь великое благо, что когда для *пріобрѣтенія*, или изъ опасности лишиться ее, надобно будетъ пожѣртвовать нашимъ имуществомъ, какъ бы оно велико ни было, нашимъ здравіемъ, какъ бы оно вождѣленно ни было, самою нашею жизнію, какъ бы она намъ драгоцѣнна ни была, то ни на едино мгновеніе останавливаться не должно; лучше призвать къ себѣ на помощь христіанское геройство, протянуть голову и получить ударъ, представить сердце и дать пронзить его кинжаломъ, нежели допустить хотя мало тронуть Благодать.

Благодать есть столь великое благо, что между оправданнымъ и осужденнымъ,

между Святымъ и грѣшникомъ, нѣтъ другой разности, кромѣ полагаемой сею навсегда предъ Богомъ драгоцѣнною благодатію.

Я могу еще къ сему присовокупить, что Благодать есть столь великое благо, что ничто въ свѣтѣ не въ состояніи подать мнѣ о ней точное понятіе: для постиженія ее, должно мнѣ вознестися до неба, до самаго престола Божія. Богъ, вотъ ея Творецъ; кровь Божія, вотъ ея цѣна; самое блаженство Божіе, вотъ ея воздаяніе.

Наконецъ Благодать есть нѣчто столь великое, столь драгоцѣнное, что когда мы нѣкогда предстанемъ предъ Бога и предъ Его судилище, имѣя ее при себѣ, то и безъ нашихъ отвѣтовъ судъ надъ нами совершится, приговоръ о насъ сдѣлается, жребій намъ опредѣлится; ибо Благодать за насъ ходатайствовать будетъ: и, естьли съ нею придемъ мы ко вратамъ рая, входъ туда намъ отверзется, и онъ будетъ нашъ во вѣки. О душе моя! блюди себя безпрестанно, и сохраняй всегда наивеличайшій и наидрагоцѣннѣйшій изъ всѣхъ даровъ Божіихъ.

МОЛИТВА.

О Боже мой! чѣмъ не оскорбилъ я Твою благодать! Ты даровалъ мнѣ ее при моемъ крещенїи: я не замедлилъ погубить ея сокровище. Едва лишь Свѣтъ благодати озарилъ мою душу, какъ мраки грѣховные ее покрыли! Долго имѣлъ я нещастїе жить и стенать въ семъ состоянїи грѣха. Когда я обратился къ Тебѣ, Ты возвратилъ мнѣ сїю драгоцѣнную Благодать: но соблюлъ ли я ее рачительно? Коликократно, и съ какою дерзновенною на себя надежностїю я ее подвергалъ столь многимъ опасностямъ? Имѣю ли я ко щастїю моему ее теперь? Сохраню ли я ее до конца? Молю Тебя, о Боже мой! подай мнѣ ее; отъ Тебя единаго могу я ее ожидать; я уповаю въ томъ на Твою благость. Естьли ниспошлешь Ты мнѣ сїе благополучїе, то не остается мнѣ ничего больше желать на землѣ.

Употребленїя въ дѣйство.

1е. Почитать нашу душу невѣстою Божїею: естьли царствуетъ въ ней Благодать,

то она любезная Его невѣста: естьли же она ее лишится, то она недостойная невѣста, и Богъ ее отвергаетъ.

2е. Почитать нашу душу образомъ Божїимъ: доколѣ имѣетъ она Благодать, она есть блистательный Его образъ: а когда Благодать отъ нее отступитъ, то она есть изгаженный образъ дѣлающїй отвращенїе.

3е. Помышлять, что мы носимъ сокровище Благодати въ скудельныхъ сосудахъ; паденїе лишитъ насъ его, можетъ быть, на вѣки.

4е. Молить часто Господа о подкрѣпленїи насъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подвергаемся мы лишиться Его благодати; имѣть осторожность не подвергаться тому безразсудно, дабы чрезъ то не погибнуть.

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕНАДЕСЯТЬ.

О христїанскомъ упованїи.

Мы родимся во слезахъ, мы живемъ въ печаляхъ, мы умираемъ въ болѣзняхъ; вотъ наше теченіе: естьли бы ожиданіе щастливѣйшаго жребія насъ не подкрѣпляло, сколь велико было бы наше нещастіе! Едино упованіе содѣлываетъ нашу силу и наше подкрѣпленіе. И вотъ сугубая выгода, приносимая намъ отъ него,

вѣ двухѣ точкахѣ зрѣнія наиплачевнѣйшихѣ для насѣ: первое, оно утѣшаетѣ насѣ во всѣхѣ печаляхѣ жизни; второе, оно умягчаетѣ намѣ всѣ жестокости смерти, и сіе воображеніемѣ и ожиданіемѣ вѣчныхѣ благѣ, которыя оно намѣ представляетѣ. И такѣ отверземѣ сердца наши сему пріятному упованію, могущему умѣрить горести нашего изгнанія, показывая намѣ блаженный предметѣ небеснаго отечества.

1е. Упованіе утѣшаетѣ насѣ во всѣхѣ печаляхѣ сей жизни. Міръ обыкновенно подаетѣ намѣ только причины кѣ безпокойствамѣ и горестямѣ. *Что такое*, увы! *жизнь наша на землѣ?* Мы, кажется, имѣемѣ бытіе вѣ мірѣ для единаго терпѣнія: огорченія и печали встрѣчаются сѣ нами вездѣ; мы шествуемѣ по пути устланномѣ крестами и терніемѣ: мы питаемся хлѣбомѣ слезѣ нашихѣ; мы изчисляемѣ дни наши нещастіями нашими: тяжесть крестовѣ и печалей нашихѣ увеличивается ежеминутно; они обремѣняютѣ насѣ со всѣхѣ странѣ. Все споспѣшествуетѣ кѣ содѣланію жизни нашей всегда горестнѣе: наши родственники насѣ оставляютѣ, други наши намѣ измѣняютѣ, предпріятія наши не удаются: внутри насѣ самихѣ, какія смятенія, какія безпокойства, какія

движенія, какія сокрытыя печали, которымъ духъ и сердце преданы на мученіе! здравіе изчезаетъ, тѣло ослабѣваетъ, тысячи недугъ его изнуряютъ.

Мы страждемъ всѣ: сіе есть участь Адамовыхъ чадъ, отъ колыбели до гроба, отъ скипетра до пастушьяго посоха: страждутъ во всѣ времена, страждутъ во всѣхъ состояніяхъ; всякой имѣетъ свой гласъ; и естьли бы гласы всѣхъ огорченныхъ могли услышаны быть во всей вселенной, то бы со всѣхъ странъ слышны были плачевные вопли, воздыханія, рыданія, происходящія изъ глубины сердецъ, изъ нѣдръ сѣмействъ, изъ нутри чертоговъ, и наполняющія воздухъ жалостными звуками: огорченные отцы, неутѣшимыя матери, утопающія во слезахъ супруги, больные въ уныніи, бѣдные въ недостаткѣ, плѣнные во узахъ: вотъ человѣкъ и бѣдствія, на которыя осужденъ онъ въ продолженіи смертной его жизни.

О Боже мой! Боже благости, для сего ли произвелъ Ты насъ на свѣтъ? Посреди толикихъ мраковъ, не ужѐ ли не благоволишь Ты возсіять единому лучу утѣшенія? Пріиди спасительное упованіе, единственное врачевство нашихъ скорбей,

единственное убѣжище въ нашихъ страданіяхъ: пріиди умягчить жестокость нашихъ печалей. Когда же христіанское упованіе въ самомъ дѣлѣ придетъ къ намъ на помощь, и въ нещастіяхъ, претерпѣваемыхъ нами въ сей жизни, покажетъ намъ блага, которыя мы въ будущей ожидать можемъ и долженствуемъ; когда откроетъ оно намъ очи на престолы, на вѣнцы, на услажденія, пріуготовляемыя намъ вѣчностію: по изчезаніи временныхъ облаковъ, и по прошествіи срока испытанія, ахъ! тогда духъ успокоится, сердце начнетъ отверзатися міру, веселость появится въ душѣ. Какое дѣйствительно утѣшеніе, когда можно сказать самому себѣ: я страдаю, правда, въ сей жизни, но я уповаю имѣть другую жизнь; я стеню на землѣ, но я сотворенъ для неба: все въ мірѣ семъ кончится, увеселенія и неудовольствія, радости и печали; почто же прилѣпляться къ однимъ и унывать отъ другихъ? Придетъ время, что ни тѣхъ, ни другихъ ниже слѣда не останется; когда мѣра проходящихъ золъ наполнится, то заступятъ ихъ мѣсто никогда нескончаемыя истинныя блага. О день вѣчности, свѣтящійся чрезъ упованіе очамъ моимъ, сколь ты способенъ ко услажденію нашихъ бѣдствій, къ отертію слезъ

нашихъ! Можетъ быть сей великій день настанетъ скоро для меня; я его вижу, я его ожидаю, я его надѣюсь: при семъ воззрѣніи всѣ мои бѣдствія яко миновались; они присовокупляются къ причинамъ моего спасенія. Я содѣлалъ грѣхи, потребно за нихъ удовлетвореніе; я ожидаю вѣнца, надобно его заслужить; я долженствую достигнуть предмета небеснаго отечества, надлежитъ выдержать испытанія странствованія туда ведущаго. Нѣтъ ничего, что сія краткая и гиблющая жизнь проходитъ въ печаляхъ и слезахъ, только бы лучшая и вѣчная жизнь приняла меня въ свои обьятія; въ семъ усладительномъ упованіи бѣдствія мои вмѣсто того, что бы быть тягостнымъ и горестнымъ, содѣловаются мнѣ драгоцѣнными и утѣшительными.

Христіанское упованіе! Сіи-то сладости ты мнѣ возвѣщаешь, подавъ мнѣ чашу; я испиваю изъ нее всю горесть, и нахожу въ ней одну только пріятность.

2е. Когда христіанское упованіе столь утѣшительно въ прискорбностяхъ жизни, то сколь оно дѣйствительнѣе еще противъ востревоженій и страховъ смерти, намъ ли самимъ она угрожаетъ, или у насъ похищаетъ то, что имѣемъ мы наидражайшее въ свѣтѣ: смерть обыкновен-

но не инако намъ представляется, какъ съ мрачными мыслями о единочествѣ, о оставленіи, о разрушеніи, о уничтоженіи; сіе потому, что разсматриваютъ ее только въ облакахъ здѣшняго времени: но естьли христіанское упованіе откроетъ очи, сниметъ завѣсу и представитъ спасительнѣйшія мысли о возвѣщаемой имъ будущей безконечной вѣчности, то все восприиметъ иной видъ, все представится въ новомъ озареніи, христіанское упованіе утѣшаетъ, оживляетъ, успокоиваетъ человѣка во всемъ; и смерть уже ничего печальнаго въ себѣ являть не будетъ: ибо то, что человѣкъ чрезъ смерть теряетъ, есть сущая бездѣлица, въ сравненіи съ тѣмъ, чего онъ ожидаетъ; то о чѣмъ онъ печалится, не отнимаетъ у него ни мало изъ того, чего онъ ожидаетъ: естьли въ семъ мнимомъ единочествѣ Богъ у насъ остается, то мы ничего не лишились, мы скоро все найдемъ, и все будемъ имѣть въ Немъ единомъ.

Что касается мысли о разрушеніи, она есть наиложнѣйшая и наиоскорбительнѣйшая изъ всѣхъ мыслей: вмѣсто разрушенія и уничтоженія насъ смертію, тогда-то напротивъ того начинаемъ мы дышать и жить: минута смерти есть для

насъ истиннымъ началомъ жизни; мы оставляемъ гиблющую и смертную жизнь, дабы вступить въ жизнь прочную и безконечную: при рожденіи нашемъ, душа наша заключена въ темницу: при смерти же темница разваливается, и душа получаетъ вольность чадъ Божіихъ. Пріятный сонъ, вводящій въ нѣдро истиннаго спокойствія! Блаженный срокъ, оканчивающій изгнаніе въ пребываніи мертвыхъ, и отверзающій входъ въ обиталище живыхъ!

Естьли смерть похититъ у насъ какого любезнаго нами человѣка, то побуждаемъ будучи наставленіями вѣры и озарясь небеснымъ свѣтильникомъ упованія, вхожу я въ печальный домъ, нахожу тутъ друга, супругу, отца, сына, всѣхъ утопающихъ во слезахъ; смерть похитила у нихъ любезнаго ихъ человѣка. Почто вы такъ безмѣрно печалитесь о его потерѣ? Для чего взирать на сію смерть по временному, а не разсуждать о ней относительно вѣчности, обѣщаваемой намъ упованіемъ? Нѣжный сынъ, ты потерялъ отца, онъ не потеренъ, онъ совершилъ свой путь, онъ достигъ предмета своего теченія, онъ у Отца общаго, онъ ходатайствуетъ за своего сына: другъ лишился своего друга, онъ лишился его навсегда, онъ

разлучился съ нимъ на время; но онъ уповаетъ увидѣться съ нимъ скоро; Богъ есть союзъ долженствующій соединить ихъ на вѣки: мать лишилась сына; безповоротно ли она его лишилась? Никакъ, она видитъ его живущаго въ самомъ Богѣ: онъ изшелъ изъ ея утробы для житія на землѣ, онъ вошелъ въ нѣдро Божіе для житія тамъ вѣчно: жена потеряла своего мужа, утѣшься, огорченная супруга, онъ отнюдь не потярянъ; онъ пошелъ пріуготовить пути; онъ тебѣ предшелъ и ожидаетъ тебя въ нѣдрѣ безсмертія, дабы соединиться тамъ съ тобою навсегда: вотъ, зоветъ *онъ* тебя *съ* высоты неба; онъ *простираетъ* къ тебѣ руки, хочетъ принять тебя въ нѣдро Божіе.

О вы! кто бы вы такіе ни были, говоритъ Апостолъ, не печальтеся подобно тѣмъ, которые не имѣютъ упованія: *да не скорбите, яко же и прочіи не имущіи упованія* (а). Внемлите, что оно къ вамъ вопіетъ; воззрите на предметъ, къ которому оно васъ призываетъ; разсмотрите мѣсто, которое оно вамъ пріуготовляетъ, вѣнецъ, которой оно вамъ представляетъ; и, въ семъ пріятномъ ожиданіи, прини-

(а) I. Солун. 4.

майте печали какъ благодати, кресты какъ милости, временныя скорби какъ источникъ истинныхъ благъ, самую смерть какъ прохожденіе къ прочной и безсмертной жизни.

Боже благости, на Твоихъ обѣщаніяхъ основана сія усладительная надежда: утверди ее въ насъ вѣрою, оживи ее любовію; сотвори, что бы мы поддержали ее нашими дѣлами, нашими молитвами, Святою довѣренностію къ Твоимъ благостямъ, совершеннымъ препорученіемъ себя Твоему провидѣнію. Остается еще нѣсколько лѣтъ испытанія и сраженія на землѣ, а потомъ побѣда введетъ насъ торжествующихъ въ рай.

ИЗЛІЯНІЕ СЕРДЦА,

или

чувства довѣренности къ Богу.

Я возлагаю упованіе мое на Тебя, о Боже мой! Боже Святый! Боже благій! Боже Всемогущій! На Тебя единаго все мое упованіе возлагаю; кромѣ Тебя къ кому могу я имѣть довѣренность? Никакъ, я не надѣюсь на мои заслуги. Увы! что я иное предъ очами Твоими, какъ не виновный, какъ не грѣшникъ? Житіе же мое вмѣсто успокоенія меня что можетъ мнѣ иное

представить, какъ не причины страха и сомнѣнія?

Я не полагаюсь на міръ; я слишкомъ испыталъ ужѐ, сколь онъ обманчивъ и вѣроломенъ: колико душъ на него понадѣялись, и учинились его жертвою? Міръ содѣлываетъ не блаженныхъ и Святыхъ; но только злополучныхъ и осужденныхъ.

Я не буду надѣяться на помощь людей! Ахъ! горе тому, кто на нихъ полагается! Слабые смертные, когда они для самихъ себя ничего сдѣлать не могутъ, то въ состояніи ли они споспѣшествовать щастію другихъ? Сего дня они существуютъ, *а завтра ужѐ ихъ нѣтъ*; какую помощь можно ожидать отъ того, что не иное что есть, какъ земля и прахъ?

И такъ на Тебя единаго, о Боже мой! могу и долженъ я возложить все мое упованіе; и въ Тебѣ единомъ обрѣтаю я твердыя причины, непоколебимыя основанія моей довѣренности.

Я уповаю на Твое безконечное милосердіе; я употреблялъ его во зло, признаюся; но я знаю, что сіи сокровища неизчерпаемы. Толико грѣшниковъ употребляли его во зло какъ и я, но когда прибѣгли они броситься въ объятія Твои, они отринуты не были. Человѣкоубійца Давидъ, грѣшница Магдалина, повинный

Манассія будутѣ вѣчными памятниками сего неограниченнаго милосердія. Увы! естьли бы оно безконечное не было, не погибли ли бы мы всѣ непремѣнно? Боже благости, подай намѣ возчувствовать дѣйствія сего неизреченнаго милосердія; вѣ семѣ только свѣтѣ можешь Ты его оказывать; но по смерти нашей, будетѣ ужѐ царствіе Твоего единственнаго правосудія; и такѣ помилуй душу мою, доколѣ я дышу еще на землѣ; правосудію Твоему остается вся вѣчность для наказанія; прости ей, доколѣ есть время, и прощая яви, что Ты великѣ вѣ благости, такѣ какѣ Ты наказывая вѣчно, явишь, что Ты праведенѣ и страшенѣ вѣ Твоихѣ мщеніяхѣ.

Я уповаю еще, и уповаю всего отѣ заслугѣ Іисуса Христа. Вотѣ твердое основаніе моей надежды. Божественный Спаситель, когда я помышляю о всемѣ томѣ, что Ты сдѣлалѣ и претерпѣлѣ для меня, то какѣ мнѣ на Тебя не уповать?

Когда вижу я, что Ты сошелѣ сѣ неба на землю спасти грѣшниковѣ.

Когда я разсуждаю, что Ты жилѣ вѣ семѣ свѣтѣ, дабы привлечи ихѣ кѣ Тебѣ.

Когда вхожу я во святый Твой храмъ, и возводя взоръ вѣры на святый Твой престолъ, я нахожу Тебя тутъ въ качествѣ жертвы, приносимой ежедневно за насъ.

Когда же наипаче восхожу я духомъ на Голгоѳу, и вижу драгоцѣнную кровь Твою, текущую ручьями на грѣшниковъ для полученія имъ прощенія, Божественное Твое сердце, пронзенное и отверстое для принятія ихъ, послѣднее Твое издыханіе, вознесенное къ небу для ниспосланія имъ Благодати примиренія съ таковою покаянія; не уже ли толикіе гласы, и столь трогающіе гласы не оживотворятъ мою довѣренность, и не представятъ мнѣ убѣжища отъ моихъ страховъ и смятеній? Боже благости, спаси души, стоящія Тебѣ столь дорого, и не погуби плода Твоихъ страданій, Твоей крови и Твоей смерти.

Мнѣ не безъизвѣстно, о Боже мой! что, дабы упованіе мое не было суетно и дерзновенно, долженъ я оживить его моими дѣлами, и подкрѣпить его моимъ соотвѣтствіемъ Твоимъ благодатямъ. Ты создалъ меня безъ меня, но Ты не спасешь меня безъ меня; и такъ принялъ я твердое намѣреніе пещися о спасеніи души моей. Возбуждаемъ будучи довѣренно-

стію моею къ Твоей благости, я буду почитать святые Твои уставы, наблюдать Твои заповѣди, ненавидѣть мои согрѣшенія, стараться смыть ихъ моими слезами, неусыпно надзирать надъ самимъ собою, укрощать мои страсти, противоборствовать пагубнымъ склонностямъ моего сердца, и буду противъ моего ближняго тѣмъ, чѣмъ желаю я ему быть противъ меня.

Въ сихъ Святыхъ расположеніяхъ внушаемыхъ мнѣ Твоею благодатію, я возлагаю упованіе мое на Тебя, о Боже мой! Ты мой Творецъ, мой Спаситель и мой Отецъ: я надѣюсь, что Ты простишь мои согрѣшенія, какъ бы они велики ни были; самая великость моихъ Тебя прогнѣвленій, которыхъ я ненавижу, не колебля отнюдь моего упованія, будетъ еще новою причиною ко укрѣпленію меня въ ономъ. Я скажу Тебѣ съ Пророкомъ кающимся: помилуй меня о Боже Святый! ибо грѣхи мои велики суть: *и беззаконія моя превзыдоша главу мою*: чѣмъ больше они предъ очами Твоими, тѣмъ болѣе блеска благости Твоей, и торжества благодати Твоей.

Я уповаю, что Ты подкрѣпишь меня въ испытаніяхъ сей жизни, дабы могъ я

великодушно переносить болѣзни, печали, превратности, и надежно препоручить себя во всемъ на расположенiе Твоего провидѣнiя; все, что ни придетъ ко мнѣ отъ Твоея отеческiя руки, приму я съ преданнымъ Тебѣ сердцемъ.

Сверьхъ сего уповаю я, что Ты придешь ко мнѣ на помощь при смертномъ моемъ часѣ, что Ты не оставишь меня въ тоскахъ сего прехожденiя изъ временности въ вѣчность. Въ сiе наипаче время буду я имѣть надобность въ Твоемъ вспомоществованiи, для окончанiя моего теченiя въ чувствахъ святости и праведности.

Наконецъ уповаю я, что Ты подашь мнѣ Твою благодать въ семъ, и Твою славу въ томъ свѣтѣ.

Вотъ причины, основанiя и предметы моей довѣренности, о Боже мой! Благоволи снабдить ее тѣми качествами, которыя могутъ учинить ее угодною предъ очами Твоими.

Сотвори упованiе мое искреннимъ, и начертаннымъ во глубинѣ сердца моего; дабы не только мои уста, но и всѣ мои чувства воззывали къ Тебѣ: *на Тя, Господи, уповахъ.*

Сотвори упованіе мое твердымъ, дабы ничто поколебать его не могло. Ни люди, ни міръ, ни всѣ силы ада, соединившіяся противъ меня, не въ состояніи нарушить тѣхъ чувствъ довѣренности, которыя воспріиму я къ Богу моего сердца.

Сотвори упованіе мое непремѣннымъ, дабы сопутствовало оно мнѣ до послѣдней минуты, дабы препроводило оно меня до гроба; и дабы, въ самое то время, какъ получу я смертный ударъ, довѣренность моя посвятила Тебѣ послѣднія мои издыханія. Вотъ чувства, въ которыхъ желаю я жить, и съ которыми уповаю умереть!

О Боже мой! въ семъ усладительномъ и твердомъ упованіи, какъ не переносить мнѣ всѣ бѣдствія сей смертной жизни, взирая на уготованную мнѣ безсмертную жизнь?

Во ожиданіи верьховныхъ небесныхъ благъ, какъ не оставить мнѣ гиблющія земныя блага?

Взирая на небесное отечество, какъ не почитать мнѣ землю мѣстомъ изгнанія?

Какъ не сдѣлать мнѣ себѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, святаго принужденія, дабы имѣть участіе во усла-

жденіяхЪ блаженной вѣчности? Прекрасный рай, буди единственнымЪ предметомЪ желаній моего сердца, единственнымЪ занятіемЪ моей жизни, и всѣхЪ минутЪ остающихся у меня на нетерпѣливое ожиданіе моего блаженства.

Намѣренія.

1е. Я возложу всю мою надежду на единаго Бога, и она всегда неизмѣнна пребудетЪ.

2е. ВЪ болѣзняхЪ, печаляхЪ, превратностяхЪ, вЪ прискорбнѣйшихЪ и нещастливѣйшихЪ случаяхЪ, я усугублю мою довѣренность, и буду надѣяться, естьли надобно, когда по видимому никакой надежды нѣтЪ.

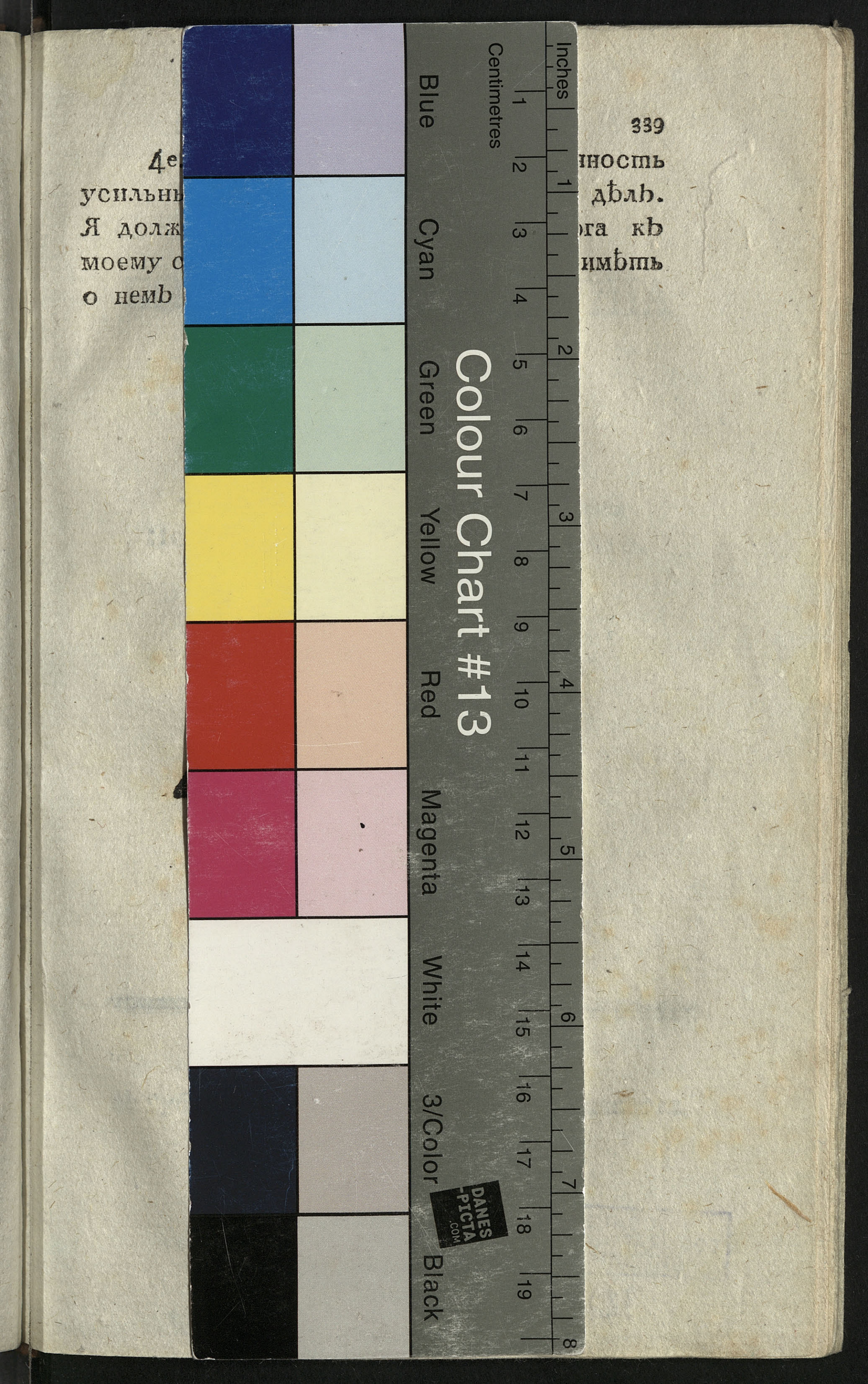
3е. Самые мои проступки и согрѣшенія, когда буду я о нихЪ соболѣзновать, меня унизятЪ и опечалятЪ, но не приведутЪ меня вЪ отчаяніе: я буду бояться Господа, но на Него и уповать; упованіе не отнимаетЪ страха, а страхЪ не истребляетЪ упованія; то и другое вмѣстѣ споспѣшествуютЪ великому дѣлу нашего спасенія.

4е. Я подкрѣплю мою довѣренность усильнымъ исправленіемъ добрыхъ дѣлъ. Я долженъ всего надѣяться отъ Бога къ моему спасенію, но я долженъ и самъ имѣть о немъ неусыпное попеченіе.

КОНЕЦЪ

первой части.

Де ... ность
усильны ... дѣлѣ.
Я долж ... ога къ
моему с ... имѣть
о немъ ...